

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского

Кафедра церковной истории
и церковно-практических дисциплин

Священник Гордей Щеглов

**ПЕРВЫЙ СЕРАФИМОВСКИЙ:
история одного лазарета
в событиях и лицах
(1914-1918)**

Минск
Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви
2013

УДК[94+271.2](476-25)«1914/1918»

ББК 63.3(4БИ)524

Щ33

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви.
Решение № 53 от 09.07.2013.

Рецензенты:

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета;

протоиерей Федор Кривонос, кандидат богословия, доцент Минской духовной академии

Щеглов, Г. Э.

Щ33

Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918) / священник Гордей Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2013. – 272 с. : ил.

ISBN 978-985-6978-82-4.

Книга посвящена истории лазарета, сформированного и содержащегося в годы Первой мировой войны на отчисления корпораций православных духовно-учебных заведений Российской империи. В этом небольшом по составу лечебном заведении судьба свела неординарных и интересных людей. В книге воспроизведены любопытнейшие картины лазаретной жизни, порой драматичные, нередко комичные, взаимоотношения героев, их характеры, судьбы.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся Первой мировой войной, историей Русской Православной Церкви, а также военно-медицинских учреждений.

УДК [94+271.2](476-25)«1914/1918»

ББК 63.3(4БИ)524

ISBN 978-985-6978-82-4

© Щеглов Г. Э., 2013

*Когда встал я меж смертью и жизнью, меж явью и сном
(Нет искусства страшнее), был скальпель в руках у меня.
То от радости плача, то в гневе бессилье кляня,
Я ловил свет последней надежды во взгляде чужом.*

С. Г. Черниковский

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Заниматься «микроисторией» всегда непросто. С одной стороны, автор обрекается на анализ проблем, большинству читателей вовсе незнакомых, более того – порой даже кажущихся малозначительными – в контексте глобальных вопросов социально-политических обобщающих и систематизирующих исследований. С другой стороны, эти последние часто мешают объективно оценить частности, то, что кажется далеко не самым важным, никак не повлиявшим на общую картину эпохальных событий. И, тем не менее, именно «микроистория» позволяет нам лучше восстановить то, что называется «духом эпохи», понять психологию давно ушедших времен, наполнить историческую схему «живой реальностью», без которой мы никогда не сможем почувствовать прошлое и, следовательно, хоть в какой-либо мере стать сопричастными ему.

Сказанное в полной мере относится к новой книге священника Гордея Щеглова, посвященной истории лазарета времен Великой войны, столетие со дня начала которой отмечается в 2014 году. Лазарет этот, носивший имя великого русского святого – преподобного Серафима Саровского, был организован в 1914 году и в течение войны его служители – прежде всего врачи и медицинский персонал – делали все возможное для облегчения судьбы раненых воинов, заботясь, впрочем, не только об их телесном здоровье.

Как известно, война не только разлучает людей друг с другом, но и сводит вместе тех, кто в мирный период вряд ли оказались бы рядом. Война проявляет все качества человека – и добрые, и дурные. Наконец, война является школой жизни для попавших в ее жернова: кого-то она ломает, а кого-то укрепляет. Все это читатель может увидеть, знакомясь с деятельностью многочисленных героев этой книги, как православных, так и иноверных. Автор сумел выбрать правильную тональность, повествуя об их жизни и судьбе, предоставив право говорить документам и не стремясь ни к обличению, ни к апологетике. Это, безусловно, единственно возможный и правильный для историка способ представить своих героев. В конце концов, жизнь – это не только борьба с внешними обстоятельствами, но, преимущественно, и внутреннее делание. Священник Гордей Щеглов, избегая высоких слов, показывает это на частных примерах, позволяющих ответить на важный для христианина вопрос: кто для тебя ближний?

Следует особо отметить его рассказы о врачах лазарета: начальнике – в то время иеромонахе Николае (Муравьеве), человеке требовательном, порой резким, но, в то же время, открытым для общения; и о Сауле Гитмановиче Черниховском, не только медике, но также выдающемся поэте и переводчике, писавшем на иврите. О последнем, как о враче Серафимовского лазарета, современным историкам Церкви известно мало. А между тем, Черниховский был не только самоотверженный врач, но и замечательный человек, чуткий и честный, своей жизнью в военные годы доказавший, что иноверие – не помеха тесному сотрудничеству с православными в деле служения ближнему. Не принадлежа по рождению к главенствовавшей в империи Церкви, Черниховский-врач много сделал для облегчения страданий православных воинов. Он показан настоящим патриотом своей Родины – России, пропускавшим ее тяготы и поражения, равно как успехи и победы, через свое сердце.

Конечно, жизнь любого человека для изучающего ее исследователя всегда поучительна и интересна. Но важно не только это. Говоря о представляемой книге, важно отметить, что она позволяет увидеть за частностями и нечто более серьезное: что предпринимала Православная Российская Церковь для организации медицинской помощи раненым, как ее служители – и архиереи, и священники, и миряне – понимали свой долг, как они его исполняли. Стремясь обо всем этом рассказать, отец Гордей иногда сознательно отходит от традиционной («академической») манеры подачи материала, порой приводя обширные диалоги, больше связанные с повседневной жизнью работников Серафимовского лазарета и находившихся в нем на лечении воинов. Подчеркну: в книге перед нами проходит жизнь обыкновенных, хотя часто ярких, незаурядных, людей в необыкновенное время. Однако необыкновенное время – годы войны и лишений все равно является временем проявления самых обычных радостей и огорчений: человек и в годы сверхобычных испытаний остается человеком. Из суммы мелочей, составляющих его жизнь, в итоге и получается картина, наиболее всего приближенная к реальной. Приведу всего лишь один пример: отец Гордей никогда не забывает, что лазарет располагался в Минске – городе, где до 1914 года православные не составляли большинства населения – это важный факт, который он и не преувеличивает, и не забывает. Учитывая местную специфику, он помогает читателю лучше понять социально-психологические нюансы работы персонала лазарета как друг с другом, так и с попадавшими в его стены ранеными.

Несомненным достоинством книги является использование автором рассказов С. Г. Черниховского, написанных на иврите и увидевших свет частью в 1932-м, частью – в 1942 году в Тель-Авиве. Для большинства и церковных, и светских историков России они, таким образом, до сего времени были недоступны. Рассказы С. Г. Черниховского – это

и исторический источник, и произведение художественной литературы. Автор стремился передать дух своего времени, описать не только собственную жизнь, но и жизнь своего поколения, оказавшегося жертвой политических и социальных катаклизмов. Это те «записи прошлого», которые могут назидать потомков, стремящихся понять былое во всей его сложности и парадоксальности. То, что отцу Гордею удалось ввести их в научный оборот, следует признать его несомненной заслугой и удачей.

В целом, заканчивая вступительное слово и приглашая читателя ознакомиться с настоящей книгой, хочется сказать, что подготовленная священником Гордеем Щегловым работа о Серафимовском лазарете может по праву быть названа добрым памятником «малому делу». А ведь «малые дела», в их совокупности, служат тем материалом, который позволяет потомкам не только изучать прошлое – о важности подобного изучения было бы странно говорить, настолько здесь все очевидно, – но и научиться чувствовать его. А это – исключительно важная задача для историка, вносящего посильный вклад в реконструкцию прошлого, которое и есть оформленная в слове человеческая память, память, которая позволяет нам надеяться на лучшее и с оптимизмом свершать свои труды.

*С. Л. Фирсов, доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета*

ОТ АВТОРА

Первой мировой войне посвящено немало книг – написаны многочисленные исследования, изданы воспоминания, дневники, документы. И, тем не менее, в истории этой «забытой», как ее нередко называют, войны остается еще много неизвестного. Особенно мало известно о деятельности медицинских учреждений.

Настоящая книга посвящена истории лазарета... одного из многих... сформированных в годы войны для нужд фронта. Казалось бы, чем может быть особо интересна история военного лечебного заведения, где все подчинено известному ритму, и зачастую один день похож на другой? Но, оказывается, может, и в первую очередь людьми – их судьбами, характерами, взаимоотношениями.

Лазарет, истории которого посвящено это исследование, носил имя преподобного Серафима Саровского. Сформирован он был в 1914 году и содержался на отчисления корпораций православных духовно-учебных заведений Российской империи. Почти всю войну лазарет находился в Минске, размещаясь в здании местной духовной семинарии.

Удивительно, что в этом небольшом по составу персонала лечебном заведении судьба свела людей, чью жизнь удалось проследить от рождения до смерти – людей неординарных и интересных. Руководил лазаретом иеромонах Николай (Муравьев), будущий архиепископ, а в то время единственный в России дипломированный врач-монах. Вторым врачом состоял выдающийся еврейский поэт и переводчик Саул Черниховский, внесший неоценимый вклад в еврейскую национальную культуру. Хозяйственной частью заведовал капитан С. П. Васильев, родной дядя известного российского писателя-мариниста Виктора Конецкого.

Среди добровольцев братьев милосердия в лазарете трудились будущий митрополит Гурий (Егоров) и известный ленинградский искусствовед Федор Морозов, сыгравший в 1920–1930-е годы исключительную роль в спасении ценнейших памятников искусства и старины России и Украины. В книге реконструируются их биографии, и главным образом периода Первой мировой войны. Эти страницы их жизни до настоящего времени были совершенно неизвестны. Даже в жизнеописаниях Черниховского, как правило, указывается лишь, что в годы войны он «служил врачом в царской армии». И все! А между тем это любопытнейший период жизни выдающегося поэта, нашедший довольно широкий отклик в его творчестве.

Книга базируется преимущественно на документах, почерпнутых в архивохранилищах Москвы и Петербурга: Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и др. Чрезвычайно интересный материал дали автобиографические рассказы С. Черниховского, относящиеся ко времени Первой мировой войны, и в частности его службы в Серафимовском лазарете. Хочется остановиться на этом уникальном источнике подробнее. Написаны рассказы на иврите, как и вообще все творческое наследие Черниховского. Появились они спустя полтора десятилетия после описываемых событий и большей частью скорее походят на литературные наброски, чем на завершённые произведения. Видимо, автор хотел хотя бы в сжатой форме запечатлеть врезавшиеся в память чем-либо примечательные сюжеты и образы, возможно, чтобы впоследствии их доработать.

Рассказы Черниховского впервые переведены на русский язык моей супругой Ольгой Щегловой. Следует сразу оговориться, что иврит Черниховского очень сложный, поскольку поэт стоял у истоков создания современного литературного

языка и, по сути, конструировал новые литературные формы. Вместе с тем практически невозможно адекватно осуществить перевод, не представляя исторического контекста, не зная специфической терминологии. Ведь нет, например, в иврите слов «лазарет», «клобук», «местоблюститель» и т. п. Поэтому рассказы Черниховского военного цикла трудны для понимания ивритоязычному читателю. И как следствие, некоторая их незавершенность и сложность языка стали причиной слабого интереса к этой части творческого наследия поэта. Но совершенно по-иному рассказы раскрылись и зазвучали в контексте истории лазарета, вместе с тем обогатив ее живыми и яркими красками.

Рассказы не лишены юмора, порой иронии, дышат правдивостью. Любопытно, насколько точно автор передает особенности лазаретной жизни, воспроизводит имена и характеры людей, с которыми служил и общался. Впрочем, в рассказах встречаются некоторые фактологические неточности. Но это и неудивительно, поскольку Черниховский писал рассказы много лет спустя. Иногда автор умышленно изменяет имена и фамилии, но, несмотря на это, за ними отчетливо просматриваются конкретные личности.

В книге впервые публикуются редкие фотоматериалы, скрупулезно и не один год собираемые автором. В основном они заимствованы из фондов Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого.

Конечно, эта книга не увидела бы свет, если бы мне не оказывали помощь добрые люди, которым считаю долгом выразить свою искреннюю признательность. В первую очередь хочу поблагодарить мою супругу – Ольгу Валерьевну Щеглову, культуролога-гебраиста по специальности. Она

взяла на себя нелегкий переводческий труд, совпавший со временем вынашивания и первого года жизни нашей дочери Ксюши. Вместе с тем во время работы над книгой Ольга оставалась ее неизменным критиком и редактором.

Особую признательность хочу выразить настоятелю минского прихода Всех Святых – протоиерею Феодору Повному, оказавшему исключительную поддержку во время работы над книгой.

Также хочу поблагодарить: Эльвиру Давидовну Арсеньеву (США), Зою Леонтьевну Копельман (Израиль), иерея Александра Ионов (Москва), Владимира Вячеславовича Берсенева (Петербург), Татьяну Валентиновну Акулову-Конецкую (Петербург), Алексея Степановича Шишко (Минск) и вообще всех, кто как-либо помогал в процессе работы.

Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений

20 июля 1914 года Российская империя, вступившись за единоверную Сербию, начала войну с Германией, оказавшись вовлеченной в крупномасштабный международный конфликт. Очень быстро война наложила отпечаток на жизнь всей страны. Вместе с народом тяготы военного времени понесла и Русская Православная Церковь. В те не легкие для России годы Церковь выступила не только как институт духовный, но проявила себя в особой патриотической деятельности церковных учреждений и организаций.

Свою посильную жертву на алтарь Отечества в годы Первой мировой войны принесли и русские духовно-учебные заведения.

С первых же дней войны огромный патриотический порыв охватил широкие слои российского общества. Движимые общим чувством люди стали проявлять особое усердие к пожертвованиям на нужды фронта, особенно в деле помощи раненым воинам. Первоначально этот порыв носил больше стихийный характер, приобретая постепенно все более организованные формы. Стремление к объединению усилий скоро проявилось и в среде педагогического персонала духовно-учебных заведений империи: не довольствуясь «случайными пожертвованиями на Красный Крест и другие подобные организации», как-либо сорганизоваться для оказания совместной помощи раненым.

Выразителем таких стремлений стал ректор Петроградской духовной академии епископ Ямбургский Анастасий (Александров), в недавнем прошлом профессор Казанского университета. Получив благословение Петроградского митрополита Владимира (Богоявленского), преосвященный Анастасий обратился 12 августа с особым представлением в Святейший Синод. Ректор академии докладывал, что по

дошедшим до него сведениям служащие некоторых духовно-учебных заведений предлагают оборудовать на процентные отчисления из своего жалованья эвакуационный лазарет, который бы располагался «ближе к театру военных действий». В связи с этим епископ Анастасий ходатайствовал перед Синодом об учреждении специального комитета Красного Креста духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам российской армии. Преосвященный Анастасий подчеркивал, что комитет этот, легализовавшись по уставу Российского общества Красного Креста, мог бы вступить в деятельность теперь же. А отыскивая для размещения лазарета подходящее место и оборудовав его надлежащим образом, можно было бы открыть помощь раненым уже в ближайшие недели.

Отзываясь на это ходатайство, Святейший Синод определением от 16–18 августа 1914 года постановил: «учредить Комитет русских духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам действующей Российской армии в составе и на основаниях, указанных в представлении преосвященного Ямбургского»¹. Комитет учредили в следующем составе: председатель – архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский), товарищ председателя – епископ Ямбургский Анастасий, члены: ректор Петроградской духовной семинарии протоиерей В. А. Мартинсон, член Учебного комитета при Святейшем Синоде архимандрит Неофит, председатель совета Исидоровского епархиального женского училища протоиерей А. К. Бургов, почетный член Петроградской духовной академии протоиерей К. И. Ветвеницкий, начальница Петроградского Исидоровского училища С. С. Тимофеева, член Учебного комитета В. Н. Самуилов, профессора Петроградской духовной академии И. С. Пальмов и Н. В. Покровский, смотритель Александро-Невского Антониевского духовного

¹ Определения Святейшего Синода // Церковные Ведомости. – 1914. – № 34. – С. 402.

училища А. А. Аргентов и библиотекарь Петроградской духовной академии С. А. Родосский.

Сразу же после учреждения комитета его председатель архиепископ Сергей обратился к руководителям всех духовно-учебных заведений Российской империи с запросом: 1) выражают ли служащие вверенных им учебных заведений готовность жертвовать на нужды военного времени известное процентное отчисление из своего ежемесячного содержания и сколько именно процентов; 2) какая приблизительно сумма в месяц составит из таких отчислений и 3) согласны ли предоставить свои пожертвования на организацию и содержание лазарета, который мог бы носить название «летучий (или постоянно-стационарный) имени преподобного Серафима Саровского». При этом пояснялось, что имя великого молитвенника русской земли выбрано потому, что объявление Германией войны России совпало с днем прославления преподобного – 19 июля.

На запрос комитета корпорации духовно-учебных заведений откликнулись с редким единодушием и готовностью, при этом отдельные их представители проявляли особое усердие. Так, смотритель Тверского духовного училища И. А. Виноградов от учебной корпорации прислал процентные отчисления даже за июль. Преподаватель Тотемского духовного училища Озерков единовременно пожертвовал 100 рублей, а смотритель Лысковского духовного училища иеромонах Кирилл (Соколов) – 50 рублей. Ректор Таврической духовной семинарии архимандрит Иринарх (Синеоков-Андреевский) вызвался ежемесячно жертвовать 10 рублей сверх процентных отчислений.

Вместе с тем комитет занялся подысканием подходящего помещения под лазарет. С этой целью епископ Анастасий списался с Литовским архиепископом Тихоном (Беллавиным) относительно предоставления под лечебное заведение помещений Литовской духовной семинарии, а также с настоятельницей Красностокского монастыря игуменьей Еленой и другими лицами. Преосвященный Тихон

с живейшей заинтересованностью откликнулся на запрос, однако сообщил, что помещения семинарии уже переданы под госпиталь. Здания же мужского и женского духовных училищ были очень тесны и не имели свободных площадей. Женский Марие-Магдалинский монастырь в Вильно уже открыл собственный лазарет на 15 кроватей, а Свято-Духов монастырь, не имея подходящего помещения, содержал 10 кроватей в лазарете Красного Креста. «Однако, вполне сочувствуя Вашей идее, – писал архиепископ Тихон, – я готов предложить для Вашего лазарета свой городской дом (а сам я переберусь на жительство в Духов монастырь). Дом у меня большой, третий этаж совершенно свободен (для приезжающих гостей), уступлю и второй этаж – свое помещение; есть и домовая церковь»².

В свою очередь игуменья Елена «с великой готовностью» соглашалась предоставить под лазарет большое трехэтажное с электрическим освещением и водопроводом здание церковно-учительской школы. Кроме того, обещала доставлять лазарету продукты, медикаменты, предметы больничного инвентаря, а также – откомандировать для его обслуживания сестер-монахинь³.

Также и ректор Минской духовной семинарии протоиерей Иоанн Язвицкий известил комитет, что семинария без ущерба для учебного процесса может разместить в своем здании лазарет на 100 кроватей и, если возникнет надобность, предоставить дополнительно часть квартир служащих⁴.

Чтобы ускорить организацию лечебного заведения Святейший Синод отпустил на его обустройство 6000 рублей из духовно-учебного капитала, с условием, что эта сумма будет возвращена обратно из процентных отчислений⁵.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 68–68 об.

³ Там же. Л. 69–69 об.

⁴ Там же. Л. 72.

⁵ С. З[арин]. Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1646–1647.

22 августа 1914 года в помещении Учебного комитета при Святейшем Синоде состоялось торжественное открытие и первое заседание комитета Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи под председательством архиепископа Сергия (Страгородского). Заслушали синодальный указ и словесный доклад преосвященного Анастасия об утверждении комитета императрицей Марией Феодоровной и принятии его в ведение Красного Креста. Секретарем комитета избрали библиотекаря Петроградской духовной академии С. А. Родосского, казначеем – протоиерея А. К. Бургова⁶. Тогда же было постановлено: открыть во имя преподобного Серафима Саровского этапный лазарет на 50 кроватей, а в случае необходимости развернуть до 100.

По указанию властей лазарет должен был разместиться в помещениях Минской духовной семинарии.

Вместе с тем комитет счел долгом выразить благодарность председателю Российского общества Красного Креста А. А. Ильину за сердечное отношение к мысли о лазарете духовно-учебных заведений и ее воплощение, а также всем сотрудникам Главного управления Российского общества Красного Креста за внимательное отношение к нуждам комитета. Особенно ценной оказалась помощь председателя совета складов Креста Б. К. Ордина и заведующего складом полковника А. А. Смирнова, оказавших содействие в отпуске разнообразного необходимого для лазарета инвентаря на самых льготных условиях.

⁶ Согласно определению Святейшего Синода от 25 августа – 11 сентября 1915 г., в состав членов комитета Красного Креста духовно-учебных заведений были назначены помощник инспектора Петроградской духовной академии иеромонах Александр (Иноземцев) и помощник правителя дел Учебного комитета при Святейшем Синоде А. И. Оранский с тем, чтобы последний был и секретарем комитета вместо С. А. Родосского. Позже комитет избрал Ревизионную комиссию, в которую вошли: протоиерей церкви Главного штаба П. Н. Левашев, помощник правителя дел Учебного комитета при Святейшем Синоде А. Д. Кузнецов и помощник смотрителя Александр-Невского Антониевского духовного училища Г. И. Смирнов (О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Вестникам. – 1916. – № 1. – С. 23–24).

Оборудование помещений под лазарет в Минской духовной семинарии началось 24 августа и должно было завершиться к 1 сентября, однако подготовительные работы несколько затянулись⁷.

Сам лазарет комплектовался по списку инвентаря Красного Креста и рассчитывался на 50 штатных и 50 нештатных кроватей. Перевязочными материалами и бельем он быстро пополнился благодаря тому, что в помощь нанятым работницам для изготовления белья и бинтов много потрудились жены и дочери профессоров и других должностных лиц столичной духовной академии, семинарии и училища. Кройкой белья в основном занималась супруга бухгалтера академии диакона Николая Айзупа, а в изготовлении бинтов (до 6000) более всего потрудилась со своим семейством Нонна Игнатьевна Высокоостровская (вдова бывшего профессора, а также секретаря Совета и Правления духовной академии Александра Павловича Высокоостровского (†1912)). Помещение для кройки белья и мастерской отвели в квартире преосвященного Анастасия. Хозяйственно-бельевой отдел комплектовал библиотекарь академии С. А. Родосский, а санитарно-медицинской частью занимался старший врач устраиваемого лазарета – студент III курса Петроградской духовной академии иеромонах Николай (Муравьев), выпускник Военно-медицинской академии⁸.

Персонал лазарета состоял из двух врачей (старшего и младшего), заведующего хозяйством и шести сестер милосердия. Предполагалось, что по санитарной части будут работать десять «братьев милосердия» из числа студентов-добровольцев духовной академии. Однако охотников, пожелавших трудиться в Серафимовском лазарете, набралось всего пять человек, да и то из разных учебных заведений.

⁷ Начало занятий в Минской духовной семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 391.

⁸ С. З[арин]. Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1647.

Все студенты-добровольцы прослушали специальный медицинский курс и прошли стажировку в больницах⁹.

Кроме процентных отчислений из содержания педагогического персонала и служащих духовно-учебных заведений на лазарет поступило немало и частных пожертвований. Так, по усмотрению душеприказчиков вдовы действительного статского советника Анны Сергеевны Радонежской (протоиерея К. И. Ветвеницкого, генерала Н. Д. Артамонова, статского советника И. А. Массальского) на лазарет поступило 3000 рублей. Пожертвования деньгами и вещами поступали также от доктора В. Н. Коренева и от некой госпожи Александровой через протоиерея К. И. Ветвеницкого, пользовавшегося в Петрограде большой известностью и авторитетом. Крупные пожертвования деньгами и вещами поступили от лиц, пожелавших остаться неизвестными: большинство из них принадлежало к составу комитета Красного Креста духовно-учебных заведений или корпорации Петроградской духовной академии. Помимо этого, комитет получил в виде пожертвований 1500 рублей от Петроградского епархиального свечного завода.

Учебный комитет при Святейшем Синоде со своей стороны составил из книг назидательного содержания небольшую библиотеку для лазарета. Кроме того, решили высылать туда бесплатно некоторые периодические издания, как, например, «Новое Время».

9 сентября 1914 года подвижной лазарет духовно-учебных заведений Российской империи имени преподобного Серафима Саровского отбывал с особым поездом в Минск. Перед отправкой ему устроили торжественные проводы. Тогда, в первые месяцы войны, все связанное с фронтом было еще в новинку, носило для многих восторженно-возвышенный характер и было овеяно некой суровой романтикой. Это

⁹ Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Российской Империи // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17. – С. 360.

потом патриотический пыл в обществе поугаснет, война станет обыденностью, рутиной, бременем и проводы на фронт будут уже иметь совсем иной характер. Но тогда, в сентябре 1914-го, на отряд Серафимовского лазарета смотрели как на героев, отправлявшихся на фронт спасать жизни раненых воинов – защитников Отечества!

Еще утром газета «Биржевые ведомости» сообщила своим читателям об отправке Серафимовского лазарета «на театр военных действий».

В шесть часов вечера в церкви духовной академии собрались синодальный обер-прокурор В. К. Саблер, члены Учебного комитета во главе с председателем архиепископом Сергием (Страгородским), профессора академии с семьями, студенты, весь персонал отъезжавшего лазарета и др.

Преосвященный Сергей совместно с епископами Кирионом (Садзагеловым) и Анастасием (Александровым) в сослужении со священствующими профессорами и студентами академии совершил напутственный молебен¹⁰. По воспоминаниям очевидца, «совершенно особое, трудно поддающееся передаче, настроение невольно овладевало всеми присутствующими в эти знаменательные моменты в храме столичной академии... Последняя чувствовала себя – и была – представительницей всероссийской духовной школы, внесшей свою посильную лепту на организацию помощи защитникам Родины...». Настроение, овладевшее в те минуты молящимися, нашло выражение в речи архиепископа Сергия, сказанной после молебна. В частности, он говорил о той внутренней настроенности, которая должна воодушевлять деятельность лазаретного персонала в его работе.

¹⁰ В богослужении принимали участие: член Учебного комитета архимандрит Неофит, протоиерей К. И. Ветвеницкий, профессор-протоиерей А. П. Рождественский, профессор-протоиерей М. И. Орлов, протоиереи В. А. Мартинсон, А. К. Бургов, доцент академии священник В. М. Верюжский, помощник инспектора академии иеромонах Александр (Иноземцев), преподаватель Петроградской духовной семинарии священник Н. Ф. Платонов, студенты академии иеромонахи Сергей (Гришин), Николай (Муравьев) и Алексей (Житецкий), диакон Н. А. Айзуп и иеродиакон Гавриил (Думяни).

«Мало быть исполнительным и самоотверженным, – говорил владыка, – необходимо сохранить без ослабления и омрачения любовь к страждущим, нежную сердечную отзывчивость к их страданиям... Ни одна нотка раздражительности, нетерпеливости, равнодушия не должна прорываться ни в действии, ни в слове, ни в жесте, ни во взгляде... Нужно не только облегчить телесные страдания страждущих воинов, – необходимо вносить в их душу отраду и утешение, вливать в них бодрость и христианскую радость... Да будет примером для них преподобный Серафим, именем коего назван лазарет...». После этого преосвященный Сергей благословил отряд лазарета Владимирской иконой Божией Матери, присланной Петроградским митрополитом Владимиром через наместника Александро-Невской лавры архимандрита Феофана (Тулякова), а затем от себя лично – образом преподобного Серафима Саровского. Ректор академии епископ Анастасий благословил отъезжающих иконой Божией Матери «Умиление», перед образом которой обычно молился преподобный Серафим. Обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер в благословение врачебно-санитарному отряду и воинам, которые будут находиться на излечении, передал крестики¹¹.

В актовом зале академии, по просьбе специально прибывших фотографов, была снята группа членов комитета Красного Креста духовно-учебных заведений вместе с составом лазарета, а затем были сфотографированы все собравшиеся. После этого присутствующим были предложены в зале Совета чай и фрукты.

На вокзал Варшавской железной дороги отряд провожали ректор академии епископ Анастасий, инспектор профессор С. М. Зарин, профессор И. С. Пальмов, библиотекарь С. А. Родосский, студенты академии, монашествующие,

¹¹ С. З[арин]. Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1649–1650.

многочисленные родственники и знакомые отъезжающих. Владыка Анастасий привез на вокзал и передал старшему врачу иеромонаху Николаю запасные Святые Дары, заготовленные при служении в нижнем храме Иоанновского монастыря, где покоились мощи святого праведного Иоанна Кронштадского. В напутствие преосвященный говорил, что «подавая медицинскую помощь, персонал лазарета должен относиться одинаково внимательно и предупредительно и к своим раненым воинам, и к братьям зарубежной Руси, и к полякам, – всюду внося радость и утешение, даже и туда, где витает смерть...». Настроение у всех было, с одной стороны, торжественно-приподнятое, с другой – грустное и даже немного тоскливое. К таким смешанным чувствам располагала не только обстановка момента, но и погода: шел дождь и по перрону гулял холодный порывистый ветер.

Когда поезд тронулся, провожающие в каком-то едином порыве вдруг обнажили головы и с чувством запели: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...». Владыка Анастасий прерывающимся голосом произнес: «Благословение Господне на вас...» и со слезами на глазах благословлял отходящий состав до тех пор, пока он совершенно не скрылся из вида¹².

Поздним вечером 11 сентября отряд Серафимовского лазарета прибыл в Минск. Ночью старший врач иеромонах Николай отправил в комитет телеграмму: «Встречены любовью и вниманием Минского святителя, заботами ректора и корпорации»¹³. Впрочем, выделенные для лазарета семинарские помещения персонал смог занять лишь на вторые сутки. Нужно было выгрузить и перевезти лазаретное имущество.

¹² Напутствие и проводы этапного лазарета духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Церковный Вестник. – 1914. – № 33. – С. 1127.

¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 81.

Отец Николай

Несколько слов необходимо сказать о составе отряда лазарета.

Его начальник – иеромонах Николай (в миру Владимир Михайлович Муравьев) в то время был единственным в России монахом-врачом. Родился он 8 июня 1884 года в семье личного почетного гражданина города Екатеринбурга Пермской губернии¹⁴. Первоначальное образование получил в местном Алексеевском реальном училище, начав с одиннадцати лет прислуживать в храме.

По окончании в 1904 году училища Владимир уехал в Петербург, где поступил в Военно-медицинскую академию. Однако здесь он сразу оказался в непростых обстоятельствах. В академии в это время среди учащихся усилились беспорядки, проходившие на фоне неудач Русско-японской войны и революционных настроений в обществе. В январе 1905 года студенты академии объявили забастовку и отказались от занятий. Учебный процесс остановился. Занятия возобновились лишь в сентябре, но вместе с ними снова начались митинги и сходки, в результате чего академию закрыли. Еще в 1904 году более 130 студентов отправили на театр военных действий помощниками врачей и санитарями. Впрочем, вскоре большая их часть под разными предлогами вернулась обратно¹⁵. Некоторое время на Дальнем Востоке проработал санитаром и Владимир Муравьев¹⁶.

Полноценно занятия в Военно-медицинской академии возобновились лишь в 1906 году, и Муравьев смог перейти

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 277. Оп. 4. Д. 76. Л. 8.

¹⁵ *Деревянко Илья*. Военный аппарат России в период войны с Японией (1904–1905 гг.) [Электронный ресурс]. – http://modernlib.ru/books/derevyanko_ilya/voenniy_apparat_rossii_v_period_voyni_s_yaponiey_1904_1905_gg/read/ – Дата доступа 28.03.2013.

¹⁶ Монах-хирург // Минская газета-копейка. – 1914. – № 751. – С. 3.

на второй курс. Еще два года ему пришлось задержаться на третьем курсе¹⁷, уже из-за проблем с успеваемостью, поэтому учеба в академии затягивалась.

Между тем, оказавшись в столице, Владимир не потерял усвоенной еще с детских лет церковной направленности. Первым его духовным руководителем в Петербурге стал архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), а затем праведный Иоанн Кронштадтский, который не только духовно назидал юношу, но и имел в его жизни решающее значение. Когда во время студенческих забастовок Владимир решил оставить медицинскую академию, отец Иоанн не только не позволил ему этого сделать, но заповедал учиться до окончания курса и лишь потом посвятить себя служению Церкви¹⁸. С отцом Иоанном Кронштадтским Владимир познакомился через семью известного петербургского протоиерея Философа Орнатского¹⁹. Муравьев учился на одном курсе с его сыном Николаем и нередко бывал в гостеприимном доме Орнатских. Заглядывал туда как близкий родственник и кронштадтский пастырь: брат протоиерея Философа – Иван Николаевич, священник, был женат на племяннице протоиерея Иоанна.

Довольно близкое участие в духовной жизни Владимира Муравьева принимали Холмский епископ Евлогий (Георгиевский) и Гомельский епископ Митрофан (Краснопольский), часто и подолгу бывавшие в Петербурге по должности депутатов Государственной Думы. Дело в том, что в студенческие годы Владимир жил на Митрофаниевском синодальном подворье на углу улиц Звенигородская 12 и Кабинетская 17, где Синод отвел помещения для духовенства – депутатов Думы III созыва. Епископы Евлогий и Митрофан жили в большой архиерейской квартире, а священники в нескольких

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 4. Д. 76. Л. 8.

¹⁸ В. З. Пострижение в монашество // Церковный вестник. – 1912. – № 11. – С. 343.

¹⁹ Из писем епископа Николая (Муравьева-Уральского) к епископу Афанасию (Сахарову) / Публ. О. Косик // Богословский сборник. Вып. 4. – М., 1999. – С. 257.

комнатах этажом выше. «Мы организовали общежитие, – вспоминал преосвященный Евлогий. – Создался центр, куда притекали и другие священники для бесед и обсуждения церковных вопросов. Мы сообща разрабатывали законопроекты, привлекая, когда надобилось, известных канонистов и профессоров. По праздникам и воскресным дням, довольно торжественно, соборно совершали богослужение, привлекая массу богомольцев»²⁰. Среди богомольцев часто можно было видеть и молодого человека с красно-рыжими волосами в темно-зеленой тужурке с серебряными пуговицами в два ряда и серо-синих шароварах. Это был студент Военно-медицинской академии, уралец – Володя Муравьев. Вскоре он лично познакомился с епископами Евлогием и Митрофаном, которые стали привечать религиозно настроенного юношу.

Владимир любил беседовать на религиозные темы, проявлял интерес к духовной жизни, интересовался монашеством. Его церковно-религиозная настроенность вызывала симпатию у думского духовенства, жившего на Митрофаниевском подворье. А епископ Митрофан во время летних поездок по Могилевской епархии стал брать с собой Владимира, который, сменив студенческий мундир на подрясник, прислуживал при архиерейских богослужениях. Эти поездки знакомили молодого человека как с жизнью духовенства, так и с картинами народного религиозного настроения²¹.

Весной 1911 года Владимир Муравьев завершил обучение в Военно-медицинской академии и подал документы в Государственную испытательную комиссию на присвоение ему звания лекаря²².

Вместе с тем он принял решение поступать в духовную академию. Его наставники-епископы и друзья-священники

²⁰ *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* – М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. – С. 175.

²¹ В. З. Пострижение в монашество // *Церковный вестник.* – 1912. – № 11. – С. 343.

²² **Лекарь** – официальное звание врача в Российской империи. К середине XIX в. на гражданской службе начали применять термин «врач» (земский, городской), а в армии до 1917 г. в дипломах писалось «лекарь».

горячо приветствовали это намерение. Да и академическое начальство было радо, что к ним поступает религиозный молодой человек, выпускник медицинской академии. И хотя богословского образования Муравьеву явно недоставало, у него оказались авторитетные ходатаи и покровители, в частности сам ректор духовной академии – Ямбургский епископ Георгий (Ярошевский). С ним Муравьев познакомился года четыре назад все там же на Митрофаниевском подворье, где преосвященный останавливался во время приезда в Петербург при переводе на новое место служения. Уже тогда Владимир высказывал ему мечты о монашестве, как о самом желанном образе жизни. И теперь, во время летней встречи в Могилеве у Муравьева с епископом Георгием «только и разговоров было, что о монашестве, о его устройении, о его целях и назначении, – о самоотверженном служении Богу и ближним в звании иноческом»²³. Такая настроенность кандидата на поступление в духовную академию была особенно желанной, поскольку в то время выпускники духовных семинарий и академий в подавляющей массе не хотели принимать сан, а тем более идти в монахи. При том, что духовные школы ежегодно выпускали тысячи воспитанников, в епархиях обнаруживался небывалый недостаток в кандидатах священства, так что приходилось посвящать в сан лиц даже не окончивших семинарского курса. Духовные школы тогда действительно переживали глубокий кризис, давая повод современникам говорить об их полном разложении и деградации, о несоответствии своему назначению²⁴.

В сентябре Владимир Муравьев приступил к слушанию лекций в духовной академии. Вместе с тем в январе 1912 года он устроился врачом в больницу Александровского

²³ Георгий [Ярошевский], епископ. Поучение новопостриженному иноку Николаю (в мире врачу Владимиру Михайловичу Муравьеву, студенту 1 курса Спб. дух. академии) // Церковный вестник. – 1912. – № 11. – С. 330.

²⁴ Шавельский Георгий, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – С. 251.

Главного механического завода Николаевской железной дороги, а также сверхштатным ассистентом при акушерско-гинекологической кафедре Военно-медицинской академии²⁵.

Уже во втором семестре в дни Великого поста Муравьев подал на имя ректора академии епископа Георгия прошение о пострижении в монашество. «Имея горячее желание посвятить себя на служение дорогой Православной Церкви, я по складу своей души считаю наиболее для себя подходящим монашеский образ жизни и почтительнейше прошу Ваше Преосвященство постричь меня в иночество», – писал он²⁶.

По старинной монашеской традиции постриг состоялся в четвертую субботу Великого поста, накануне памяти преподобного Иоанна Лествичника – великого наставника духовной жизни. 3 марта 1912 года в академическом храме Двенадцати апостолов после вечернего богослужения преосвященный Георгий постриг Владимира Муравьева в мантию с именем «Николай» – в честь святителя Николая Чудотворца. В обряде пострижения принимали участие наместник Александро-Невской лавры архимандрит Феофан (Туляков), лаврский библиотекарь архимандрит Амвросий, академическое монашество и монашествующие из петербургских монастырских подворий. На постриге также присутствовали архиепископ Сергей (Страгородский), епископ Митрофан (Краснопольский) и некоторые священники – члены Государственной Думы. После пострига епископ Георгий приветствовал новопостриженного словом назидания, благословил иконой Святителя Николая и вручил его «старческому» попечению наместника лавры архимандрита Феофана. На следующий день, 4 марта, в академической церкви состоялась хиротония монаха Николая в иеродиакона, а 11 марта – в иеромонаха²⁷.

²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 74.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 4. Д. 76. Л. 10.

²⁷ В. З. Пострижение в монашество // Церковный вестник. – 1912. – № 11. – С. 343.

Перед самым постригом Муравьев вынужден был оставить место ассистента при акушерско-гинекологической кафедре, а через несколько дней и должность врача Николаевской железной дороги²⁸. Однако врачебную практику он не прекратил. Иеромонах Николай по-прежнему жил на Митрофаниевском подворье, где часто останавливались приезжавшие по делам в столицу архиереи, проживало думское духовенство, а также имели квартиры важные синодальные чиновники. Если кто-то из них недомогал, рядом теперь всегда оказывался дипломированный врач, да к тому же священник. Впрочем, лечил отец Николай не только обитателей подворья, но и всех, кто обращался к нему за помощью. По отзывам современников, «это был веселый, жизнерадостный, энергичный человек, невольно привлекавший к себе своей обаятельностью и отзывчивостью к нуждам ближнего». В предвоенные годы самостоятельной врачебной практики отец Николай много работал, и его отзывчивость к страждущим и больным была хорошо известна в районе Митрофаниевского подворья, «где он во все время дня и ночи шел безвозмездно врачевать недуги бедноты»²⁹.

Вот, правда, с учебой не все складывалось благополучно. Уже по результатам первого года Совет академии постановил не переводить иеромонаха Николая (Муравьева) на второй курс за несданные три семестровые сочинения. Помог ректор академии епископ Георгий (Ярошевский). Он обратился к Петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому), и тот своей резолюцией на журнале Совета разрешил иеромонаху Николаю подать все три сочинения к 15 сентября, и «тогда иметь суждение о его переводе на II-й курс»³⁰. Отец Николай сдал сочинения к сроку, получив за

²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 74.

²⁹ Освящение лазарета имени Св. Серафима Саровского // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 404–405.

³⁰ Журналы заседания Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1912–1913 учебный год // Христианское чтение. – 1913. – №4 (апрель). – С. 16.

них одну четверку и две тройки. Все бы было хорошо, но у него имелся еще неудовлетворительный бал по истории и обличению западных исповеданий. В принципе, согласно положению академического устава, наличие двойки позволяло перейти на следующий курс при общем среднем балле не менее 4-х, но у отца Николая балл был 3,653. Когда Совет на очередном заседании рассматривал вопрос о его переводе, выяснилось, что еще в мае Муравьев подавал прошение о разрешении пересдачи ему в июне экзамена по обличению западных исповеданий. Просьбу он объяснял тем, что был болен и для него «была невозможна всякая умственная работа». К прошению прилагалось свидетельство врача Н. Песляка о том, что иеромонах Николай (Муравьев) с 9 по 12 мая болел острым сухим плевритом. Однако прошение это в Совете не рассматривалось, поскольку у отца Николая к тому времени не было сдано ни одного семестрового сочинения. Теперь вопрос о разрешении переэкзаменовки был поставлен на голосование, но большинство членов Совета высказалось против разрешения пересдачи, на основании чего решили оставить Муравьева на первом курсе на второй год. Но ректор снова обратился к митрополиту, и тот распорядился разрешить иеромонаху пересдать экзамен³¹. После успешной пересдачи экзамена декабрьский Совет перевел его на второй курс³².

В следующем году история повторилась – Совет академии снова рассматривал вопрос о переводе Муравьева на следующий третий курс. Перевели.

В июне 1914 года иеромонах Николай подал в Совет академии прошение о пересдаче двух двоек, чтобы получить

³¹ Журналы заседания Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1912–1913 учебный год // Христианское чтение. – 1913. – № 5 (май). – С. 46–47.

³² Журналы заседания Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1912–1913 учебный год // Христианское чтение. – 1913. – № 7–8 (июль-август). – С. 137.

возможность перейти на четвертый курс³³. Но так и не успел пересдать. Когда началась организация лазарета, было уже не до того...

До начала войны отец Николай как врач успел приобрести определенный опыт, хотя и небольшой. Да и обстановка военного лазарета ему была хорошо знакома по санитарной работе на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны³⁴. Вместе с тем как лицо духовное он идеально подходил на должность руководителя церковного лазарета.

Черниковский

Второй врач Серафимовского лазарета – Саул Гитманович Черниковский – был больше известен в литературных кругах как талантливый переводчик и поэт, писавший на иврите. Родился он в декабре 1875 года в селе Михайловка Таврической губернии. Рос чрезвычайно одаренным ребенком: уже с пяти лет читал по-русски, с семи – на иврите, с десяти – изучал Пятикнижие с домашним учителем. Еврейское образование Саул получил в модернизированном хедере, который открыли в Михайловке литовские меламеды. Одним из методов обучения ивritу в нем считался перевод, и мальчик регулярно переводил на иврит тексты из хрестоматии К. Д. Ушинского «Родное слово». Общее образование, за неимением в селе другой школы, Саул получил в русской школе для девочек. Унаследованная от тетки-студентки книга А. В. Григорьева «Три царства природы» привила ему страсть к естествознанию.

В десять лет мальчик уже хорошо знал еврейскую классическую литературу и сам начал писать стихи на иврите, составил русско-еврейский словарь и даже сочинил пьесу.

³³ Журналы заседаний Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1914–1915 год // Христианское чтение. – 1916. – № 5–6 (май-июнь). – С. 54–55.

³⁴ Монах-хирург // Минская газета-копейка. – 1914. – № 751. – С. 3.

«К писанию еврейских стихов меня подтолкнуло желание, чтоб и на еврейском языке были песни. Песнями я тогда называл все, что можно было петь. Мне хотелось петь на еврейском языке стихотворение Пушкина “Птичка Божия не знает”. Несмотря на все мои труды, мне это не удалось», – вспоминал Черниховский³⁵.

В пятнадцатилетнем возрасте Саул переехал в Одессу, где через несколько лет поступил в еврейское коммерческое училище Гохмана. Там он освоил европейские языки: английский, немецкий, французский, а также самостоятельно – итальянский, греческий и латынь. Знание языков позволило юноше ознакомиться в подлинниках с классиками европейской литературы (И. Гете, Г. Гейне, К. Мейер, А. Шенье, Х. Эредий, У. Шекспир, Дж. Байрон, П. Шелли, Р. Бернс и др.). В Одессе Черниховский познакомился с Иосифом Клаузнером, будущим ученым и литературным критиком. Дружба с этим человеком сильно повлияла на его литературную судьбу. Именно Клаузнер убедил юного поэта писать исключительно на иврите, а также способствовал публикациям его стихов и популяризации творчества. Вместе с И. Клаузнером и Н. Слуцом Черниховский стал членом созданной в Одессе в 1891 году организации «Сфатену итану» («Наш язык с нами»). С 1892 года Саул публикует стихи в еврейских журналах Нью-Йорка, Кракова, а спустя шесть лет в Варшаве выходит в свет его первый поэтический сборник – «Фантазии и мелодии» («Хезионот у-мангинот»).

В 1899 году Черниховский попытался поступить в Новороссийский университет, но из-за процентной квоты допуска евреев в высшие учебные заведения ему это не удалось³⁶. Тогда он уехал в Европу, где изучал естествознание и медицину в университетах Гейдельберга (1899–1903) и Лозанны (1903–1906). Там же он прослушал ряд курсов по философии

³⁵ Ходасевич Владислав. Из еврейских поэтов. – М., 1998. – С. 48.

³⁶ Либерман Я. Л. Саул Черниховский [Электронный ресурс]. – <http://www.rjews.net/sifrut/cher-vv.htm>. – Дата доступа 29.10.2009.

и литературе. Будучи студентом-медиком, Саул работал «в качестве экстерна» в клиниках профессоров Эрба (внутренние и нервные заболевания) и Петерсена (хирургия)³⁷.

В Гейдельберге Черниковский познакомился с девушкой из России, студенткой Меланьей Карловной фон Гозиас-Горбачевич, которая впоследствии стала его женой и матерью единственной дочери. В жилах Меланьи текла украинская, польская и немецкая кровь, и к евреям она никакого отношения не имела. В период романтических ухаживаний юный Черниковский написал свои лучшие любовные стихотворения. Вместе с тем, вступив в брак с христианкой, сам он христианства не принял.

В Европе его поэтическое творчество не ослабевало. Созданные в этот период произведения вошли в два сборника – «Фантазии и мелодии» и «Стихи». Кроме того, в Гейдельберге он начал разрабатывать жанры эпической поэзии – балладу, поэму и идиллию, к которым многократно обращался на протяжении всего творческого пути. Черниковский стал первым еврейским поэтом, который воспел красоту земного мира, внеся в национальную поэзию жизнерадостную струю. Вместе с тем он привил ей и элементы «эллинизма». В его произведениях преобладали темы любви и природы, проникнутые радостью жизни и молодости. Особого внимания заслуживают идиллии, написанные в эпическом стиле. «Истинным певцом света, красоты и любви является Саул Черниковский, – писал о нем И. Клаузнер. – Это самый эллинистический из иудеев... Ни следа плаксивости и сентиментальничания. “Страсть огневая” – его стихия. Радости жизни – его божество. Свежим ароматом лесов благодатной Украины и степей чарующего Крыма, откуда он родом, веет от каждого стиха его»³⁸.

³⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 2.

³⁸ Цит. по: Саул (Шаул) Черниковский [Электронный ресурс]. – <http://www.migdal.ru/odessa/2415/>. – Дата доступа 29.10.2009.

Не случайно любимым художником Черниховского был Левитан. У них много общего, хотя Левитану больше присущи минорные мотивы, в то время как у Черниховского преобладает мажор. «Жизнь прекрасна, потому что она – жизнь, движение, творение. Единственная наука – понять красоту, то есть взаимосвязь и взаимозависимость всех этих явлений. Единственная техника – научиться пользоваться этой взаимосвязью для улучшения жизни человека. Чем больше у человека интересов, тем он живет, тем легче переходит от одного к другому, тем больше творит...»³⁹.

Любовь к Гомеру и Гете, занятия естественными науками и величественный горный ландшафт вокруг Гейдельберга привнесли в творчество Черниховского пантеистическое мироощущение. Он также испытал сильное увлечение Ф. Ницше, внеся свою лепту в развернувшуюся в те годы в журнале «Ха-шилоах» полемику о превращении «народа Книги» в «раба Книги». Черниховский написал стихотворение «У статуи Аполлона», в котором воспел античное божество и дерзко заявил о том, что он хоть и еврей, но душа его живет на земле, а не на небе.

Публикация поэтом идиллий «Вареники» и «Завет Авраама» стала вехой в истории еврейской поэзии. Идиллия «Брит-мила», вызвавшая восхищение не только рядовых читателей, но и Хаима Бялика и поэтов младшего поколения, открыла новые жанровые возможности для создания крупных поэтических форм на иврите.

В 1906 году Черниховский получил в Лозанне звание доктора медицины и вернулся в Россию. В 1906–1907 годах он работал врачом в Мелитополе, а с сентября 1907 по июль 1909 года – в Харьковском губернском земстве. При этом продолжал литературную деятельность: переводил на иврит европейскую классику, писал стихи. В 1910 году поэт перебрался в Петербург, где зарабатывал врачебной

³⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1035 (Коган Л. Р.). Оп. 1. Д. 48. Л. 58–58 об.

практикой. Побывав в Финляндии, он увлеченно занялся переводом финского эпоса «Калевала», для чего специально изучил финский язык. Вообще, если Черниховскому необходим был неизвестный иностранный язык, он овладевал им быстро по какой-то собственной системе⁴⁰. В эти годы поэт перевел также стихи Р. Диммеля, «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло, сборник вокального репертуара из опер и ораторий русских и немецких композиторов. С 1911 года Черниховский сотрудничал с «Еврейской энциклопедией» на русском языке, издававшейся Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном. Кроме того, публиковал статьи в периодических изданиях о проблемах произношения в иврите и о ботанических и естественно-научных терминах на иврите.

Следует сказать, что Черниховский превосходно знал не только европейскую, но и русскую литературу, знал многие переводы мировой классики на русский язык. Среди переводов «Илиады» лучшим считал перевод Н. И. Гнедича, а не Н. М. Минского. По мнению Черниховского, Гнедич чувствовал главное – торжественную простоту Гомера, а Минский модернизировал «Илиаду». Перевод «Одиссеи» В. А. Жуковского он называл поразительным и утверждал, что нового не понадобится. Из русских поэтов кумиром Черниховского, как и Бялика, был А. С. Пушкин. Он также очень любил стихи Лермонтова, кое-что Некрасова и особенно – Тютчева. Из молодых поэтов Черниховский высоко ценил лишь некоторые произведения Блока да несколько стихов Брюсова, Гумилева и Мандельштама, но от души хохотал, читая «поэзы» Игоря Северянина или откровения Крученыха и Хлебникова. Из прозаиков, как мировых мастеров, он выделял Пушкина, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого и Чехова. Из произведений Тургенева предпочитал «Первую любовь», а из Гончарова – «Фрегат Палладу»⁴¹.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1035 (Коган Л. Р.). Оп. 1. Д. 48. Л. 54 об.

⁴¹ Там же. Л. 60–60 об.

В 1912 году друзья и поклонники Черниховского отметили 20-летие его творческой деятельности. В Одессе вышли юбилейные брошюры: «Саул Черниховский – поэт возрождения»⁴² Иосифа Клаузнера и «Поэзия Саула Черниховского»⁴³ Шолома Шварца. Клаузнер писал о своем друге: «Саул Черниховский – один из самых крупных талантов современного еврейства, талант, который пока еще сравнительно мало признан и, главное, мало понят». Вместе с тем критик провидчески заключал, что пройдет время и в национальном пантеоне еврейской поэзии поэт-общечеловек Саул Черниховский займет достойное место рядом с национальным поэтом – Хаимом Бяликом⁴⁴.

Шварц объяснял временную непонятость Черниховского общей судьбой многих крупных художников: «Идя впереди не сложившейся еще, а лишь кристаллизирующейся жизни, воплощая в своей душе и в созданиях своей художественной кисти ее молодые, формирующиеся искания и порывы, великий поэт часто встречает непонимание окружающих, и льющиеся из его сердца интимные звуки для них странны и чужды». Но за Черниховским уже шла молодежь. «Сейчас Черниховский гордится целой школой талантливых учеников, – писал Шварц, – и мощные струны его богатой, пышной музыки звучат в унисон со всем симфоническим хором молодой еврейской поэзии»⁴⁵.

В начале осени 1912 года Черниховский выехал в Киев, где с разрешения Министерства народного просвещения в качестве экстерна держал комплексный экзамен перед медицинской комиссией при Киевском университете Святого Владимира. Успешно выдержав испытание, 16 октября он удостоился «степени лекаря со всеми правами и

⁴² Клаузнер И. Л. Саул Черниховский – поэт возрождения. – Одесса: Изд. «Кинерет», 1912. – 32 с.

⁴³ Шварц Ш. Поэзия Саула Черниховского. – Одесса: «Молодая Иудея», 1912. – 36 с.

⁴⁴ Клаузнер И. Л. Указ. соч. – С. 31–32.

⁴⁵ Шварц Ш. Указ. соч. – С. 4.

преимуществами»⁴⁶. Благодаря этому Черниховский смог устроиться в Петербурге в Клинический институт Великой княгини Елены Павловны внештатным ассистентом при профессоре Владимире Адольфовиче Штанге⁴⁷. Еленинский институт представлял собой научно-учебное и лечебно-благотворительное учреждение, имевшее задачей «способствовать врачам усовершенствоваться на практике в важнейших отраслях медицинской науки». Профессор Штанге возглавлял кафедру физических методов лечения и нелекарственной терапии – первую и единственную в то время в России. Работая в институте, Черниховский занимался также частной практикой и приемом больных в приватной лечебнице доктора Саула Моисеевича Варшавчика, находившейся на Забалканском проспекте в доме № 37.

Незадолго до официального вступления России в войну, когда была объявлена всеобщая мобилизация, в лечебницу позвонил врачебный инспектор Петербурга и предложил Черниховскому принять участие в работе медицинской комиссии на одном из городских мобилизационных пунктов.

Из разговора с инспектором Черниховский понял, что отказаться невозможно, но заметил:

– Господин инспектор, мне никогда не приходилось проверять мобилизованных, у меня нет опыта подобной работы, и я боюсь, что у меня недостаточно знаний для этого.

– Не бойтесь! Вместе с Вами будут работать два опытных врача, специалисты в своем деле, они помогут Вам... Я благодарен Вам... Все мы готовимся к призыву любимой Родины... Вашей...

На следующий день Черниховский пришел по указанному адресу – в здание бань, которое приспособили для приема шести сотен мобилизованных. Но поскольку не все из призываемых были пригодны по состоянию здоровья к

⁴⁶ Из личного архива Зои Леонтьевны Копельман (Иерусалим).

⁴⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 2.

службе в армии, то таковых передавали в руки военно-врачебной комиссии. Вот именно в помощь ей и был приглашен Черниховский.

Каждого приходившего для мобилизации фельдшер спрашивал: здоров? Получив утвердительный ответ, ставил штамп «здоров» и отправлял в казарму, передавая офицеру. «Нездоровых» же отправлял в военно-врачебную комиссию выяснять, так ли это, и если нет, «приспособливал» их для военной службы. Бывало, фельдшер сам видел явные признаки неспособности призываемого к воинской службе и освобождал такового сразу. Но если возникали сомнения, на помощь приходила комиссия, которая и выносила окончательное решение.

В рабочей комнате Черниховский встретил двух «коллег» в фуражках с кокардами, грузных, с усами на военный манер и гневно-геройскими взглядами. Он представился и сообщил цель прихода. Военные врачи обрадовались. Однако Черниховский им сразу пояснил, что не имеет никакого представления о «Расписании болезней и телесных недостатков» – кто годен для войны, кто не годен, у кого есть недостаток, у кого нет⁴⁸. И в связи с этим заявил, что готов взвалить на себя всю тяжелую работу – письменную, пока не научится у коллег. Предложение это встретило одобрение.

В течение нескольких дней около двухсот человек объявили, что не могут служить в армии, но лишь около двадцати комиссия признала действительно непригодными к службе. Большинство мобилизованных были уроженцами деревни, работавшими на тяжелых работах в столице, люди, как правило, здоровые, меньшинство – мелкие служащие из бакалейных лавок и со складов.

⁴⁸ Полное название: «Расписание болезней и телесных недостатков, по которым призываемые к отбыванию воинской повинности освобождаются навсегда от службы в постоянных войсках, как совершенно к ней неспособные» (Собрание узаконений от 24 мая 1913 г. № III, ст. 985). Всего в «Расписании» содержалось 88 статей.

Проверкой призываемых занимались военные врачи, Черниховский же только записывал по их указанию: «годен» или «не годен», и затем все трое подписывали. Работа эта оказалась не слишком утомительной.

Если возникали сомнения относительно здоровья призываемого, комиссия обычно шла на поблажки. Но иногда случались недоразумения и даже возмущения результатами проверки.

Однажды вошел в кабинет мужчина, крепкий, рослый и на первый взгляд здоровый, только левый глаз его прикрывало веко, а щеку под ним безобразил отвратительный шрам. Выяснилось, что это результат амурной истории: она плеснула в него кислотой, и он остался с одним глазом.

– Итак?

– Годен! – решили военврачи.

Черниховский, однако, смутился, он никогда не видел солдата слепого на один глаз и высказал робкое сомнение:

– Господа, как же это? Слепой на один глаз!

– И что из этого?

– Воину нужны оба глаза... потому что он будет стрелять, допустим.

– Необязательно, – ответили двое. – Вы, положим, стреляя на охоте, ведь закрываете левый глаз, а у этого человека глаз всегда закрыт. Получается, он всегда совершенно готов к стрельбе.

– И все-таки я никогда в жизни не видел воина слепого на один глаз.

– В военное время все иначе.

Перед этим решающим аргументом Черниховский не устоял и уже не возражал коллегам с кокардами, вклеив в паспорт этого «усердного» штамп «годен». Все трое подписали.

Странный воин не раскрыл даже рта, и фельдшер передал новобранца офицеру.

Однако в душе Черниховского осталась неуверенность: конечно, для стрельбы достаточно одного глаза, но чтобы служить солдатом, этого, конечно, недостаточно. По дороге

домой поэт зашел в книжный магазин и приобрел за десять копеек экземпляр «Расписания болезней и телесных недостатков, по которым призываемые к отбыванию воинской повинности освобождаются навсегда от службы в постоянных войсках, как совершенно к ней неспособные».

Дома Черниковский занялся изучением «Расписания», содержавшего 88 статей. Одни статьи применялись реже, другие чаще, как, например, статья 66, называемая в народе «еврейской». В ней, говорилось о грыже живота: пупочной, паховой, бедренной и др. – как о препятствии к воинской службе.

В итоге Черниковский выяснил, что человек без глаза не должен служить в армии.

На следующий день он, не разглагольствуя много с «опытными», показал им соответствующее место в «Расписании». Сколь же велико было их смущение: как забрать у офицера непригодного к службе, как признаться в ошибке и не выглядеть смешными в глазах ротного фельдшера?!

Но у комиссии не было выбора и перед словом «годен» Черниковский вставил две буквы – «не». Мобилизуемый ушел счастливый!

Оба военврача стали допытываться у коллеги, где находится тот книжный магазин? И к концу рабочего дня к Черниковскому было такое большое доверие, что его попросили продолжить работу самостоятельно, как специалиста. Врачи заявили, что не могут оставаться из-за нескольких запаздывающих, поскольку очень заняты, и оставили Черниковского одного довершать прием. Действительно, появились еще несколько парней. Черниковский уже собирался «прикрыть лавочку», как вошел молодой человек лет тридцати, элегантно одетый, бойкий, и предъявил повестку.

На вопрос врача, почему он явился лишь через два дня после указанного в повестке срока, тот ответил, что не был в военном округе, а находился в Финляндии. Молодой человек попросил Черниковского обратить особое внимание

на его осмотр, поскольку болен чахоткой. В Финляндию же он, как пояснил, ездил для лечения. И в подтверждение своих слов показал несколько счетов известного в стране санатория для больных чахоткой – «Халила»⁴⁹.

Во время осмотра Черниховский не обнаружил совершенно никаких признаков болезни и сказал молодому человеку, что ничего не нашел, а счета ни о чем не говорят. Посоветовал лучше показать справку от врача «Халилы». Но справки не имелось, и тогда призывник обратился с просьбой:

– Господин доктор, не все ли Вам равно, пришел я сегодня вечером или завтра утром, и если я не переночую в казарме, что из этого? Давайте сделаем вид, что я не был у Вас сегодня.

Черниховский позволил ему уйти с условием вернуться завтра в девять утра.

На следующий день ровно в девять молодой человек стоял уже в кабинете.

– Господин доктор, человек у которого выпали зубы – «это подходяще», чтобы не служить в армии.

– Вполне подходяще.

– И сколько нужно чтобы недоставало?

– Одиннадцать.

– Господин врач, ведь это очень хорошо! У меня не хватает двенадцати. Мне очень тяжело с питанием.

– Открой рот, я посмотрю твои зубы!

Как он и сказал, двенадцать зубов исчезли изо рта.

Зубной врач, который вырвал его зубы минувшей ночью, ломал и обрубал с большим искусством, оставив осколки большие и маленькие, от которых образовалась сильная опухоль.

⁴⁹ «Халила» – туберкулезный санаторий в Выборгской губернии, открыт в 1889 г. на частные средства доктором Владимиром фон Дитманом. С 1995 г. – санаторий «Сосновый Бор».

– Господин врач! Я забыл, напрочь забыл, что у меня больные зубы⁵⁰.

Что случилось с этим молодым человеком, Черниковский умалчивает. Но в любом случае он избежал воинской службы...

Между тем с объявлением войны поэт сам подлежал мобилизации в действующую армию, как ратник второго разряда. Будучи врачом, Черниковский, естественно, стал подыскивать место в военном лазарете или госпитале, которых много организовывалось в то время. При этом, как еврей, он непременно хотел попасть в лечебное заведение, формируемое еврейскими организациями. Но как Черниковский ни старался, ему никак не удавалось устроиться в подобное заведение. Там, где имелась нужда во врачах, не знали, что он военнообязанный, что много лет работал в земстве, что практиковал в качестве хирурга в двух больницах в Петрограде, а у тех, кто знал это, уже не оказывалось вакансий – «их заняли начинающие студенты и студентки в качестве зауряд-врачей, дантисты, а также неевреи»⁵¹. И вот, когда Черниковский безуспешно пытался устроиться в еврейский лазарет или госпиталь, профессор В. А. Штанге предложил ему место второго врача в Серафимовском лазарете. Владимир Адольфович лично похлопотал за коллегу еврея в Святейшем Синоде. Вскоре Черниковскому позволили и пригласили прийти на собеседование в указанное время и место.

Собеседование должен был провести старший врач Серафимовского лазарета иеромонах Николай, для чего Черниковскому следовало приехать на Митрофаниевское синодальное подворье. Так началось знакомство поэта с церковным миром, который был ему совершенно неведом,

⁵⁰ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниковский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 183–187.

⁵¹ יבתח שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. «ריעצה לעופה» [Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. מירופס: 7: דרכי [Т. 7: Рассказы]. – תל-אביב: סופד, 1932. – С. 87.

как, впрочем, и многим русским интеллигентам, но ему, как еврею, особенно.

На подворье в скромной маленькой комнате Черниковского принял молодой человек в монашеской одежде, подвижный, жизнерадостный и приветливый. Он повел разговор, не отрываясь от дел, которыми занимался среди многочисленных пакетов, связок, коробок и ящиков – полных всего, что требовалось для лазарета.

В результате, вспоминал поэт, за пятнадцать минут он получил то, что не сумел получить в течение шестнадцати дней в семнадцати еврейских организациях⁵². Все было определено во многом благодаря «лекарскому знаку», который Черниковский носил на груди. Знак этот выдавался военным врачам – выпускникам медицинских факультетов университетов и Военно-медицинской академии⁵³. Такой же знак имелся и у отца Николая.

21 августа 1914 года поэт подал в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений заявление с просьбой зачислить его в Серафимовский лазарет. На заявлении иеромонах Николай написал: «...считаю врача Черниковского удовлетворяющим нашим требованиям»⁵⁴.

Когда вопрос с устройством Черниковского был решен, отец Николай поручил ему провести проверку желающих поступить в Серафимовский лазарет сестер и братьев милосердия.

Накануне отправки на фронт, поздним вечером 8 сентября, Черниковскому позвонили из комитета Красного Креста духовно-учебных заведений и объявили, чтобы завтра к пяти часам вечера он прибыл с вещами в Александро-Невскую

⁵² יבתך שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרך. [Черниковский Саул]. Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. תרכ"ז: מירופס. [Т. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» – תל-אביב: סופד [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 87.

⁵³ Полное название – «Знак для военных врачей, имеющих звание лекаря». На знаке был изображен Российский государственный герб, обвитый справа дубовой и слева – лавровой ветвями. Внизу на месте переплетения ветвей располагалась чаша Гиппократов, над которой склоняли головы ползущие по ветвям две змеи – символ мудрости и целительства. На лекарском знаке змей и чашу покрывала голубая эмаль.

⁵⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 2.

лавру в духовную академию, где будет совершен напутственный молебен. Велели быть одетым в форму военного врача.

Требование быть в форме показалось Черниховскому невыполнимым, и он запротестовал:

– Уже десять вечера, магазины закрыты; и завтра – после праздника – все будет закрыто. Невозможно!

– Направьте свои жалобы принцу Ольденбургскому, – услышал он в ответ...

И назавтра, вспоминал Черниховский, ровно в пять он уже стоял в церкви духовной академии – одетый, как и полагалось, в служебную форму.

Когда Серафимовский лазарет прибыл в Минск, местная пресса не оставила без внимания его появление, при этом «Минская газета-копейка» сообщала в частности, что при лазарете врачом состоит «известный поэт С. Черниховский»⁵⁵. В лазарете, однако, поначалу не знали, что он поэт, но то, что еврей, знали хорошо⁵⁶.

Капитан Васильев

Хозяйственной частью Серафимовского лазарета заведовал адъютант Петроградского комендантского управления гвардейский капитан Сергей Петрович Васильев.

Родился он 17 сентября 1868 года в Петербурге в бедной дворянской семье. Отец его был чиновником казначейства и дослужился до чина статского советника. Черниховский пишет, что Васильевы принадлежали к военной династии, но, не имея денежных средств и связей, получали желаемый чин, к которому стремились всю жизнь, лишь перед выходом в отставку.

⁵⁵ Поэт С. Черниховский в Минске // Минская газета-копейка. – 1914. – № 752. – С. 3.

⁵⁶ ר' שמואל צוקער [Клаузнер Йосеф]. אדם ופילוסוף: חיים ופילוסופיה [Самуил Черниховский: человек и философ]. – תל אביב: הוצאת מוסד ביאליק, תש"ח (Иерусалим: Еврейский фонд имени сэра Монтегю Бертона совместно с группой издательства Еврейского университета), 1947. – С. 144.

В 1885 году юный Васильев окончил Александровский кадетский корпус и был зачислен вольноопределяющимся в 1-й резервный батальон. С сентября того же года он продолжил учебу в Петербургском пехотном юнкерском училище. Уже в декабре 1886 года был произведен в унтер-офицеры, а летом 1887 года после окончания училища – переименован в подпрапорщики. Через некоторое время Васильева определили в 4-й резервный пехотный батальон и произвели в подпоручики. В 1889 году его командировали в Красное Село для исполнения должности адъютанта при Красносельском коменданте. Спустя два года перевели в 1-й резервный пехотный батальон, переименованный вскоре в Александро-Невский⁵⁷. Здесь Васильева произвели в поручики. В марте 1895 года его командировали в распоряжение Петербургского уездного воинского начальника для командования ротой ратников государственного ополчения, а через полтора месяца направили в распоряжение Красносельского коменданта для исполнения должности комендантского адъютанта на время лагерного сбора. 1 апреля 1898 года Васильев получил звание штабс-капитана. В июле 1905-го его командировали в Санкт-Петербургское комендантское управление на должность комендантского адъютанта «с зачислением по армейской пехоте». Через год он получил капитанские погоны, а еще через год «за отличие по службе» был переведен на чины в гвардии с зачислением по гвардейской пехоте. В то время чин капитана гвардии соответствовал званию армейского подполковника.

22 июля 1909 года капитана Васильева назначили заведующим военно-почтовой и телеграфной станциями при Петербургском комендантском управлении⁵⁸.

⁵⁷ 3 января 1897 г. Александро-Невский батальон переформирован в 200-й пехотный резервный полк 2-батальонного состава, 26 мая 1899 г. нумерация полка изменена с 200-го на 198-й.

⁵⁸ Материал предоставлен Татьяной Валентиновной Акуловой-Конецкой (Морской литературно-художественный фонд имени Виктора Конецкого).

Сергей Петрович был женат на небогатой мещанке Ольге Дмитриевне Конецкой. Старшая сестра ее – Матильда Конецкая была известной танцовщицей кардебалета Мариинского театра. Васильевы имели двух дочерей – Киру и Тамару⁵⁹. В Петербурге семья жила на Садовой улице в доме комендатуры. Когда началась война, капитан Васильев устроился заведующим хозяйством в Серафимовский лазарет, полагая, что эта должность принесет ему полковничьи погоны. Но со временем ему пришлось разочароваться в этих надеждах.

Характеризуя Васильева, Черниковский вспоминал, что это был порядочный и прямой человек, но в жизни не смыслил ничего. К тому же знал только людей своего круга и до самой войны никуда не выезжал из столицы⁶⁰. Действительно, кроме Петербурга и Красного Села, Васильев практически нигде не бывал. Один лишь раз, в марте 1913 года, он ездил в Забайкальскую область в поселок Нижняя Березовка в распоряжение 18-го Сибирского стрелкового полка, чтобы доставить туда с гауптвахты арестованного штабс-капитана⁶¹. Поездка в Минск стала вторым путешествием в жизни Васильева.

Морозов

Шесть сестер Серафимовского лазарета являлись представительницами известной петроградской Свято-Троицкой общины сестер милосердия. Возглавляла их старшая сестра общины Мария Константиновна Кутасова, работавшая сестрой милосердия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, при усмирении боксерского движения в Китае, в период

⁵⁹ Акулова Т. В. Материалы к биографии Виктора Конецкого / В кн.: Конецкий В. В. Лети, корабль! – СПб: Международный фонд «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2003. – С. 23.

⁶⁰ יתכן שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכר. [Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. מירופס: 7:כר [Т. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» תל-אביב: סופר [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 85.

⁶¹ Материал предоставлен Татьяной Валентиновной Акуловой-Конецкой (Морской литературно-художественный фонд имени Виктора Конецкого).

Русско-японской войны 1904–1905 годов и Балканской войны 1913 года⁶². Остальными сестрами были: Анна Михайловна Исакова – слушательница V курса женского Медицинского института; Маргарита Андреевна Кроткова – слушательница IV курса того же института и запасные сестры: Пелагея Ивановна Писарева, Клавдия Ильинична Баева и Александра Августовна Сегерсверд (все трое побывали на Русско-японской войне).

Санитарную часть лазарета обслуживали пять добровольцев: студент III курса духовной академии Вячеслав Михайлович Егоров; студент II курса академии Владимир Антонович Панасюк⁶³; вольнослушатель Петроградского университета Федор Михайлович Морозов; выпускник кадетского корпуса Сергей Николаевич Занфилов и воспитанник VII класса Петроградской окружной гимназии Павел Зеньковский⁶⁴.

Незаурядной личностью среди братьев милосердия оказался Федор Морозов. Родился он 7 февраля 1883 года в Петербурге и был сыном крестьянки Тверской губернии, приехавшей в столицу на заработки. Учился в реальном училище, но «вследствие смерти родных» вынужден был уйти из V класса. Оставив учебу, Морозов поступил на службу в контору Семянниковского литейно-механического завода, однако одиночество и религиозность привели его в Александро-Невскую лавру, куда поступил он в 1904 году послушником⁶⁵.

⁶² Напутствие и проводы этапного лазарета духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Церковный Вестник. – 1914. – № 33. – С. 1126.

⁶³ **Панасюк Владимир Антонович** – сын чиновника, выпускник Холмской семинарии, в конце 1916 г. покинул лазарет и в 1917 г. завершил учебу в Петроградской духовной академии.

⁶⁴ Состав этапного лазарета духовно-учебных заведений и отбытие его к месту деятельности // Церковный Вестник. – 1914. – № 38. – С. 1139.

⁶⁵ Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: «Лига Плюс», 1997. – С. 666.

Смышленного и расторопного юношу приметил Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), сделав иподиаконом⁶⁶. «Жизнь моя довольно странная, – писал позднее Морозов одному из знакомых, – вечный от юности я скиталец, рано я потерял своих родных и промыслом Божиим, как-то случайно, попал к добрейшему Владыке Митрополиту, принявшему во мне близкое отеческое участие. Его строгая жизнь воспитала и во мне строгое отношение к жизни и понятие ее. Я начал работать над собой, силясь выбраться “в люди”, всюду насмешки и только никому незаметная ласка Владыки постоянно ободряла меня в работе»⁶⁷.

С того времени Морозова все чаще можно было видеть рядом с митрополитом. Он сопровождал его при богослужениях, выполнял поручения келейного характера, бывал и на церковных мероприятиях в присутствии Высочайших особ, куда допускался не всякий, да и то по особому разрешению.

Неся иподиаконское и другие монастырские послушания, Морозов, между тем, проявлял склонность к книгам и науке, интересовался предметами старины. С первых же лет пребывания в лавре он присматривался к различным вышедшим из употребления церковным предметам, начав собирать их как памятники старины «в одно помещение». Через некоторое время по инициативе Морозова, поддержанной митрополитом, в лавре был устроен замечательный церковно-археологический музей, названный Древлехранилищем, а сам послушник Федор назначен его хранителем. На лаврского собирателя обратил внимание ректор петербургского Археологического института профессор Н. В. Покровский. Морозову предложили учиться в институте, куда он и был принят, несмотря даже на недостаточный образовательный ценз⁶⁸. Во время учебы в институте

⁶⁶ **Иподиакон** – церковнослужитель в Православной Церкви, главным образом, прислуживающий при архиерее во время его священнодействий.

⁶⁷ Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 40 об.

⁶⁸ РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70.

(1910–1912) послушник Федор способствовал приведению в порядок и научной организации лаврского архива: при участии профессоров и учащихся института были составлены систематическая опись и каталог дел. Сам же Морозов был назначен помощником архивариуса лавры. В 1912 году он вместе с профессорами Н. В. Покровским и И. А. Шляпкиным ездил в Рим на III Международный конгресс классической археологии. За границей Морозов провел более трех месяцев, побывав в Помпеях, Венеции, Равенне, Флоренции, Милане, Сиене, Пизе, Монако, Ницце, Берлине, Мюнхене, Дрездене, Госларе, Гильдесгейме, Гальберштадте, Вене и др. Изучая под руководством профессоров древние памятники и византийское искусство, он знакомился также с постановкой музейного и архивного дела в крупнейших галереях и музеях Европы. Побывал даже на аудиенции у папы Пия X.

По возвращении в Россию Морозов поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета. Одновременно он стал членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

В начале 1910-х годов Морозов пытался сначала при поддержке митрополита Антония (Вадковского), а затем великой княгини Марии Павловны, возглавлявшей Академию художеств, организовать на территории Александро-Невской лавры церковный музей Санкт-Петербургской епархии.

Человек любознательный и общительный, он был лично знаком со многими видными деятелями науки и культуры: А. А. Карелиным, А. Н. Бенуа, В. Т. Георгиевским, А. В. Щусевым, Д. В. Айналовым, С. Ф. Платоновым, С. Г. Рункевичем, графом Д. И. Толстым, К. К. Буллой, А. К. Фаберже, Ф. М. Плюшкиным и др.

Когда началась война, послушник Федор увидел свое призвание в деятельной помощи истекающему кровью ближнему. Ради этого он решил пренебречь комфортной и

мирной обстановкой лавры, любимым делом, учебой, сменив подрясник послушника на гимнастерку и халат санитаря. С первых же дней Морозов стал хлопотать об устройстве в Красный Крест братом милосердия. Ему очень хотелось попасть на фронт, на передовую, куда влекли высокие идеалы жертвенной христианской любви. «В этом вижу самый лучший путь искупления земных грехов и долг христианина в годину испытаний», – писал Морозов профессору И. А. Шляпкину. «Ехать на войну, жертвовать всеми личными интересами, стремиться все время быть занятым одною лишь мыслью – помощи раненым братьям – вот дело всего», – делился он в другом письме⁶⁹.

Новый царский духовник протоиерей Александр Васильев, с которым Морозов был хорошо знаком, помог ему записаться в состав Серафимовского лазарета⁷⁰.

В стенах семинарии

Уже в то время губернский Минск считался своего рода столицей Белоруссии. Впрочем, большую часть его населения составляли евреи, игравшие исключительную роль в экономической и общественной жизни города. Повсюду, особенно в центре, бросалось в глаза обилие еврейских магазинов, контор, складов, на вывесках которых крупными буквами красовались фамилии владельцев: Левин, Каплан, Лившиц, Коген, Царфин, Бруцкус, Раскин, Меерович и т. д. На главных улицах – Губернаторской и Захарьевской – нельзя было встретить ни одного русского магазина, даже ни одного русского портного. Оттого приезжим из внутренних губерний Минск представлялся по преимуществу еврейским

⁶⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 21 об.

⁷⁰ Там же. Л. 15 об.

городом, где говорили на каком-то непонятном языке, своеобразно одевались и вообще жили незнакомой жизнью.

Правда, когда сюда прибыл Серафимовский лазарет, физиономия города заметно изменилась: появилось много пришлого народа, повсюду встречались люди в военной форме, сестры милосердия. В военную форму оделись многие гражданские чиновники.

С первых же дней войны Минск сделался крупным перевалочным пунктом для снабжения Северо-Западного фронта, поскольку через город проходили две крупнейшие железнодорожные магистрали – Московско-Брестская и Либаво-Роменская. Город наполнили всевозможные интендантские части, госпитали, лазареты. На улицах, рынках, особенно вокзалах, стало больше суеты. Гостиницы были переполнены, в основном офицерами, хотя в городе имелось немало мест, где можно было остановиться. На одной только Захарьевской улице располагались гостиницы «Брюссель», «Виктория», «Гарни», «Льеж», «Ново-Берлин», «Ново-Московская», «Полтава», «Рояль». Впрочем, были они небольшими, всего по несколько десятков номеров. Самой крупной не только в городе, но и во всем крае считалась «Европа». Она имела 130 номеров «со всевозможными удобствами и полным комфортом»: электрическим освещением, центральным водяным отоплением, телефонами, умывальниками с «живой», то есть проточной, водой, ваннами. В гостинице работал лифт (первый в Минске), имелись читальня, дамская и мужская парикмахерские, первоклассный ресторан. Были в городе и другие гостиницы: «Бель-вю», «Бристоль», «Гранд-Отель», «Дагмара», «Континенталь», «Ливадия», «Марсель», «Метрополь», «Одесса», «Париж», «Северная» и др. Офицеры и военные чиновники с удовольствием останавливались и в меблированных комнатах, которых также было немало. Известностью пользовались комнаты: «Варшава» Фумы Гольфман, «Вена» Абрама Перельмана, «Кострома» Мовши Каценбогина, «Купеческие» Иосифа Браверманна, «Москва»

Овсея Ушакова, «Пассаж» Боруха Мунвеза, «Савойя» Рели Лотерейчика, «Ярославские» Лейбы Маршака и др. Проходившие через Минск нижние воинские чины ночевали по обывательским квартирам, которые предоставлялись бесплатно за счет Городской управы, на основании положения о расквартировании войск.

Война отразилась на жизни Минска и другими явлениями. Буквально в считанные недели в городе организовалась масса обществ для оказания помощи пострадавшим от войны. Начались всевозможные сборы – деньгами, вещами, продуктами. Нередко центральные улицы оживлялись шумными патриотическими манифестациями, особенно после известий о военных победах. В середине августа, в связи с вступлением в войну Турции, Минск покинула большая группа турок, работавших в булочных⁷¹. Изменялись названия: переименовали гостиницу «Берлин» в «Льеж»⁷², улицы немецкую, Петербургскую.

С началом войны в Минске закрылись питейные заведения, но, несмотря на это, горожане и приезжие по-прежнему имели немало возможностей развлечь себя. В городе функционировали городской и летний театры. В кинотеатрах «Гигант», «Эден», «Люкс», «Иллюзион», «Модерн» демонстрировались разнообразные кинокартины. Появились у жителей города и новые «развлечения». Так, например, минчане ходили на вокзалы встречать поезда с ранеными. Несмотря на то что санитарные составы приходили часто, публика с неослабевающим интересом и восторгом встречала защитников отечества. Обыватели жадно расспрашивали больных и раненых о сражениях, о германцах. Легкораненые, подкрепляясь с дороги принесенными гостинцами, с удовольствием рассказывали о фронте. Примечательно, что

⁷¹ Отъезд турок // Минская газета-копейка. – 1914. – № 715. – С. 4.

⁷² Долой «Берлин» // Минская газета-копейка. – 1914. – № 716. – С. 4.

настроение у солдат было бодрое и рассказы их свидетельствовали о громадном подъеме среди русских войск.

Между тем внимание к раненым оказалось настолько активным, что минский полицмейстер полковник А. А. Скалон вынужден был в конце августа отдать распоряжение, чтобы полицейские сопровождали переносимых раненых и не допускали к ним посторонних. «До настоящего времени при перенесении раненых публика в порыве сочувствия к страдающим воинам окружает носилки, заглядывает в лицо и этим причиняет им беспокойство», – пояснялось в распоряжении⁷³.

Не меньше внимание горожан привлекали и военнопленные. Поглазеть на них также ходили на вокзалы, но иногда пленных можно было встретить и в городе. 7 августа в Минск привезли первую партию пленных австрийцев. Пока их вели для временного размещения в 1-й полицейский участок, собралось множество любопытствующих⁷⁴. Обращало внимание то, что австрийцы были одеты довольно тепло для сезона: в плотные куртки с подкладкой из непроницаемой материи и тяжелые кепи. У офицеров, кроме того, плечи покрывали короткие накидки из серого сукна, подбитые белым пушистым мехом, с позументами на бортах. Пленные выглядели чрезвычайно измученными⁷⁵.

Нередко в городе появлялись небольшие группы пленных, отпущенных с поездов за провизией, и за ними неотступно следовала толпа зевак.

Встречалось среди пленных немало славян и евреев. В конце августа через Минск проследовала очередная партия пленных австрийцев и среди них большая группа галицийских евреев. Во время остановки поезда несколько пленных австрийцев-евреев отправились в город за продуктами.

⁷³ Сопровождение раненых // Минская газета-копейка. – 1914. – № 725. – С. 3.

⁷⁴ Привоз пленных в Минск // Минская газета-копейка. – 1914. – № 709. – С. 4.

⁷⁵ Пленные австрийцы // Минская газета-копейка. – 1914. – № 713. – С. 4.

Как обычно их обступили посетители Брестского вокзала, а смуглые с типичными семитскими чертами лица особо обратили на себя внимание местных евреев.

– Евреи? – спросил кто-то нерешительно австрийцев.

– Да, евреи, – ответили те по-немецки.

Тогда пленных потащили в дома, закупили им вдоволь продуктов, накормили и долго не отпускали. С затаенным любопытством слушали минские евреи рассказы пленных о евреях в Галиции, о страшной нужде и т. п.

– Такова уж трагедия еврейского народа – сказал кто-то. – Евреи пошли на евреев.

Тогда пленные рассказали, что в Англии, Франции, России и Бельгии евреи воодушевленно сражаются против них, в то время как австрийские и германские евреи сражаются, как и весь народ, неохотно.

– Говорят, что вы охвачены здесь патриотическим чувством; у нас этого нет, – говорил пленный австриец-еврей. – У нас евреи, поляки, русины и даже немцы – никто не хочет сражаться. Мы очень хорошо живем с русинами. Даже в плену, в вагоне, мы с ними живем отдельно от поляков и немцев.

Сердечно прощались минские евреи с пленными.

– Мы теперь не враги вам и русским, – заметил, улыбаясь, на прощание австриец-еврей⁷⁶.

Собирались минчане не только на вокзалах, но и в других местах города, то здесь, то там, особенно в центре, можно было встретить группы горожан, обсуждающих новости. «Странное впечатление производит Минск на всякого приезжающего из Варшавы, – писал известный белорусский журналист Дорофей Бохан. – Минск далек от театра войны, но весь полон войной, ею живет, ею дышит, распространяет

⁷⁶ Пленные австрийцы-евреи в Минске // Минская газета-копейка. – 1914. – № 730. – С. 3.

такие новости и сплетни, касающиеся войны, каких нигде больше не услышишь»⁷⁷.

В общем, Минск жил беспокойной жизнью важного в военном отношении тылового города.

Семинария, где разместился Серафимовский лазарет, располагалась в «собственном доме» на Александровской улице. Это было большое трехэтажное каменное здание. Через дорогу напротив находилась обширная мощеная площадь под названием Троицкая гора, где бурлил крупнейший в городе сельскохозяйственный рынок. За семинарией раскинулся старинный сад, проходила небольшая Старовиленская улица, а чуть ниже протекала река Свислочь.

Несмотря на то что в Минске уже имелось много лечебных заведений, лазарет здесь оказался крайне востребован, поэтому его сразу же стали разворачивать не на 50, а на 75 кроватей. Причем, как оказалось, имелась возможность при необходимости расшириться до 150 коечных мест. Помещения лазарета располагались в основном на втором этаже семинарского корпуса и первоначально составили: семь палат для больных и раненых (одна для офицеров), операционную, перевязочную, аптеку, кладовую, две столовые, ванную комнату, жилые помещения для врачей, сестер милосердия и санитаров. Помещения оказались просторными, светлыми, с прекрасно устроенной электрической вентиляцией. Персонал расселился в комнатах первого и второго этажей. Кухню, кладовую и покойницкую устроили в цокольном этаже.

Для укомплектования палат администрация семинарии предоставила лазарету 85 кроватей, 100 матрасов, 202 подушки, 40 ночных столиков. Между тем многое пришлось приобретать на месте. На складах Красного Креста закупили шкафы для инструментов, операционные столы, офицерские

⁷⁷ Бохан Д. Д. Около войны (Горсть впечатлений очевидца) // Минская газета-копейка. — 1914. — № 774. — С. 2–3.

кровати, кое-какие вещи для перевязочной, кухни, столовой и пр. Понадобилось также проводить в помещения электрические звонки, в ванной комнате устанавливать кипятильник, ванны, приспособление для мытья тяжелораненых. Ко всему прочему пришлось ремонтировать привезенные из Петрограда прикроватные тумбочки, так как в дороге часть их разбилась, и на всех попортилась краска⁷⁸. Одним словом, первое время занимались обустройством.

Всего на оборудование лазарета было израсходовано почти 18 000 рублей, а содержание каждой койки составляло до 115 рублей в месяц. В течение всей войны на содержание лазарета предполагалось поступление отчислений из окладов преподавателей и служащих духовно-учебных заведений в общей сложности свыше 5000 рублей в месяц. Деньги поступали казначею комитета Красного Креста духовно-учебных заведений протоиерею Андрею Бургову, а пожертвования книгами, бельем и другими предметами направлялись ректору Петроградской духовной академии епископу Анастасию.

17 сентября в два часа дня в здании Минской духовной семинарии состоялось торжественное открытие и освящение Серафимовского лазарета.

Молебен и чин освящения совершил Минский епископ Митрофан (Краснопольский). Кроме него на молебне присутствовали: викарий Минской епархии Слуцкий епископ Феофилакт (Клементьев), командующий войсками Минского военного округа генерал от кавалерии Е. А. Рауш-фон-Траубенберг, Минский губернатор А. Ф. Гирс, вице-губернатор Н. С. Ченыкаев, губернский предводитель дворянства А. С. Долгово-Сабуров, врачебный инспектор С. Н. Урванцов, городской голова С. Б. Хржонстовский, минский полицмейстер полковник А. А. Скалон, ректор семинарии протоиереи

⁷⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 87.

Иоанн Язвицкий, инспектор А. М. Панов, преподаватели и др. По окончании молебна преосвященный Митрофан в сопровождении духовенства и всех присутствовавших окропил святой водой помещения лазарета⁷⁹.

В проповеди владыка, в частности, говорил: «Лазарет сей устроится Учебным комитетом при Святейшем Синоде на средства, собираемые от всех духовно-учебных заведений России. Таким образом, он является детищем всего духовно-учебного мира, а посему судьбами и положением его будут озабочены весьма многие, – все те, кто несет на устройство его свою трудовую учительскую лепту. Великою честью мы должны считать, и считаем, что этот лазарет нашел для себя приют в нашей семинарии, и я видел, с какой любовью и усердием корпорация семинарии готовила и приспособляла свои помещения под лазарет. Та же любовь и внимание, несомненно, будут окружать сей лазарет, пока он будет пребывать в Минске»⁸⁰.

Пока шло развертывание лазарета, Ф. М. Морозов и С. Г. Черниховский решили воспользоваться свободным временем и осмотреть достопримечательности Минска. Сблизились они еще в поезде. Узнав, что Морозов окончил Археологический институт и увлечен стариной, Черниховский сознался ему, что и сам любит древности. После этого, вспоминал поэт, у них нашлось множество тем для занимательных разговоров. Еще в дороге они предположили, что в Минске должны сохраниться памятники старины, так как город довольно старый, и в нем непременно должен иметься музей. Но их ждало разочарование. После долгих расспросов и поисков выяснилось, что в Минске никаких древностей не сохранилось. Да и вся архитектура в городе была поздняя.

⁷⁹ Освящение лазарета имени Св. Серафима Саровского // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 404–405.

⁸⁰ Речь Его Преосвященства, Преосвященнейшего Митрофана, при освящении лазарета имени св. Серафима Саровского в здании Минской Духовной Семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 395.

Впрочем, музей действительно имелся – церковно-археологический. Размещался он на Захарьевской улице в Юбилейном доме⁸¹, специально построенном к празднованию 300-летия царствования династии Романовых.

В одно прекрасное утро Черниховский и Морозов отправились в музей. От семинарии до него было ходьбы минут пятнадцать. Однако музей оказался закрыт. На стук вышел сторож.

- Чего хотят их превосходительства?
- Попасть в музей.
- Невозможно. Закрыт на замок, а ключи у заведующего музеем – знатного дворянина.
- Где его можно найти?
- Он живет в своем имении на расстоянии около 80 верст отсюда.
- А что самое интересное, что можно посмотреть в музее?

Из слов сторожа Черниховский и Морозов поняли, что самое интересное из того, что можно посмотреть, – это они сами, пришедшие посетить музей. Оказалось, что есть церковно-археологический комитет, есть музей, есть заведующий, есть сторож, но нет посетителей...

Итак, несолоно хлебавши, Черниховский и Морозов вернулись в семинарию.

На помощь пришел архиепископ Митрофан. Узнав, что персонал Серафимовского лазарета желает посетить музей, он сам позаботился об этом. Уже через несколько дней в лазарет позвонил заведующий музеем и сказал, что с огромным удовольствием приедет из своего имения только ради того, чтобы показать музей. Он назначил время и день для

⁸¹ В 1922 г. в Юбилейном доме была организована первая Национальная библиотека Белоруссии, которая находилась там до 1962 г., затем Республиканский Дом работников искусств. В настоящее время здесь размещен Институт теологии БГУ имени святых Кирилла и Мефодия.

посещения, добавив, чтобы «непреренно приходили»⁸². Это был Андрей Константинович Снитко – белорусский помещик, археолог и краевед, человек увлеченный, живо интересовавшийся белорусско-польской стариной, автор «Истории Слуцка» и статей по истории Белоруссии. Именно он стоял у истоков создания Минского церковно-археологического музея и председательствовал в Минском церковном историко-археологическом комитете.

В урочное время персонал Серафимовского лазарета в полном составе явился в музей. Черниховский писал, что, возможно, впервые за свое существование этот музей увидел входящих в него сразу двух врачей, семь сестер милосердия и пять студентов-санитаров.

Счастью заведующего не было предела. С увлечением он демонстрировал экспозицию, крутился туда и сюда, бегал вокруг, показывал то и это, делал пространственные пояснения. Сестры, в большинстве молодые, очаровали его, но еще больше вдохновляло присутствие настоящего археолога и ценителя древностей – Ф. М. Морозова. Перед ним Снитко старался показать все свои познания.

Количество экспонатов музея к тому времени насчитывало 1717 книг и рукописей, в том числе Евангелие князя Юрия Олельковича, архив Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, а также 1284 предмета старины. Но, по правде сказать, похвастаться Снитко мог не многим: народной одеждой не самой древней, предметами религиозного обихода – деревянными и глиняными – тоже не очень древними и т. п. Морозова, однако, видевшего собрания столичных музеев и древности Европы, трудно было удивить этим. Впрочем, его внимание привлекли несколько старинных рукописей: одна угро-влахийская, другая – на церковно-славянском

⁸² [Сочинения] יכתב שאול משרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. [Черниковский Саул] משרניחובסקי שאול
Саула Черниковского: в десяти томах]. ריכז: 7: מירופס. [Т. 7: Рассказы]. – «ירעצה לעופה»
תל-אביב: [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 82.

языке с местным наречием, а также пергаментные грамоты с вислыми печатями в деревянных кустодиях⁸³. Не разлучавшийся с фотоаппаратом Морозов снимал заинтересовавшие его экспонаты, чтобы переслать снимки в Петроград своему покровителю и учителю профессору И. А. Шляпкину. Некоторые из этих снимков сохранились. Кстати, благодаря Федору Морозову сохранились и фотографии со сценами из жизни Серафимовского лазарета⁸⁴.

Во время экскурсии Черниховский отделился от компании и ходил, рассматривая то, что ему нравилось. Внимание поэта привлекли шесть камней, стоявших по три друг напротив друга. Он сразу догадался, что они связаны с древностью, и спросил о камнях заведующего. Снитко живо отозвался на вопрос:

– А, по правде очень интересно. Их нашли в очень древнем кургане-могиле. Дело было так. Ведь господин слышал имя святого Кирилла Туровского? Конечно, слышал!

Имя этого святого Черниховский действительно знал. Он изучал курс русской литературы, когда готовился сдавать экзамены в Киевском университете. Знал, например, что святители Лука Жидята и Кирилл Туровский являлись одними из отцов русской литературы. Черниховский даже помнил наизусть отдельные строки из «Слов» святого Кирилла!

Снитко с большим увлечением рассказал, как искали мощи святителя, как провели раскопки около церкви в Турове на реке Припяти и откопали саркофаг из красного шифера с остатками костей и золотых нитей. В первые

⁸³ **Кустодия** – металлический, костяной, деревянный и т. п. футляр (коробочка) для защиты от повреждения навесных печатей на старинных грамотах. Кустодии обыкновенно бывали или при печатях большого размера, или при тех актах, которые предназначались для частного употребления.

⁸⁴ Как уже говорилось, Ф. М. Морозов был знаком с разными известными людьми своего времени, в том числе и с «отцом русского фоторепортажа» Карлом Карловичем Буллой. Знаменитому фотографу Морозов высылал свои негативы с фронта для публикации в периодических изданиях.

минуты археологи очень обрадовались, полагая, что нашли кости святого. Однако вскоре засомневались, так как не обнаружили никаких предметов, принадлежащих духовному лицу: креста или какого-либо священного изображения. Затем при осмотре останков увидели, что кость в лобной части черепа пробита, поэтому предположили, что это захоронение какого-то князя⁸⁵.

Прощаясь со Снитко, Морозов сговорился с ним, что покажет местным любителям археологии с помощью «волшебного фонаря» древности Новгорода из своей фотоколлекции.

Так персонал лазарета побывал в минском церковно-археологическом музее. С особым восторгом экскурсию обсуждали сестры.

Незабываемые впечатления оставляли и проходившие в Минске «дни флажков», когда по всему городу организовывалась продажа флагов шести союзных держав, воюющих с немцами. Сбор от продаж поступал на помощь проезжавшим через Минск раненым воинам. В такие дни город особенно оживлялся и представлял поразительную картину. В сквере устанавливались разукрашенные флагами павильоны. По городу носились автомобили с развевающимися разноцветными флагами. До позднего вечера повсюду шла бойкая торговля флажками, для чего городские власти собирали целую армию продавщиц и продавцов. Гулявшая публика охотно покупала флажки: одни несли их в руках, другие – вставляли в петлицы. Когда флажки раскупались, в продажу шли колосья, цветы, портреты русских царствующих особ, правителей союзных государств. Большую торжественность придавало таким дням устраиваемое организаторами шествие детей с союзными флагами⁸⁶. Уже через несколько дней

⁸⁵ יתכן שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. שרניחובסקי שאול [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. 7: ררכ [T. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» תל-אביב: סופד [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 82–83.

⁸⁶ День флажков в Минске // Минская газета-копейка. – 1914. – № 747. – С. 3.

после приезда в Минск персонал Серафимовского лазарета стал свидетелем этого удивительного красочного зрелища.

21 сентября Серафимовский лазарет посетил верховный начальник санитарной и эвакуационной части Его Императорского Высочества генерал Александр Петрович принц Ольденбургский. Он осмотрел помещения и, пожелав персоналу успеха, приказал готовиться к приему больных и раненых.

В конце сентября отец Николай писал в Петроград протоиерею Андрею Бургову: «Мы уже пережили четыре ревизии, две из которых были серьезные. Начальства много, но, слава Богу, все люди хорошо расположенные к нам. Раненых у нас нет, да и нигде здесь нет, ибо по распоряжению Принца все они целенаправленно вывозятся вглубь России и койки очищаются для могущих прибыть ежеминутно с театра войны. Минску приказано приготовить 1500 коек. Относительно нашего лазарета я послал в Петроград Зеньковского выяснить положение, сколько коек может держать комитет, т. к. ввиду наплыва больных нам может поставить некоторое число коек Красный Крест»⁸⁷.

Первая партия больных и раненых поступила в Серафимовский лазарет 2 октября. Началась врачебная работа...

Лазаретные будни

Больные и раненые в Серафимовский лазарет поступали из Минского тылового эвакуационного пункта. Доставлялись они тотчас же после прибытия санитарных поездов на автомобилях или носилках, в зависимости от тяжести ранения.

Первым делом вновь прибывших отводили в ванную комнату. Рядом с ней в коридоре стоял большой белый

⁸⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-д. Л. 44–44 об.

шкаф с красно-малиновым крестом, предназначавшийся для складывания грязной одежды. Шкаф этот заказали в Минске во время разворачивания лазарета. По просьбе старшего врача его устроили таким образом, что верхняя доска была подвижной. Предполагалось, что грязная одежда будет забрасываться наверх и под собственным весом падать в выдвижной ящик внизу шкафа. Рассуждали так: когда поступит раненый, его одежду закинут в шкаф, и она останется там пока не придет время стирки, затем выдвинут ящик и достанут вещи в той очередности, в какой они туда падали, чем избегнут путаницы. Это было в теории, а на практике выяснилось, что шкаф нефункционален – в смысле разбора одежды. Особенно это сделалось очевидным, когда раненые и больные стали поступать группами, поскольку шкаф оказался не столь вместительным. Кроме того, одежда в нем перепутывалась, а пациенты при выписке непременно желали получить именно свою одежду, и требование их было вполне справедливым. Тогда решили складывать грязную одежду поступавших в отдельные мешки, для каждого свой, привязывая к ним деревянные бирки с номерами, а на руки выдавая бланки с теми же номерами. Шкафом пользоваться перестали, и он стоял пустым, занимая лишь место в коридоре⁸⁸.

В ванной комнате вновь прибывшим санитары помогали тщательно вымыться, стригли их, брили, переодевали в лазаретное белье, а затем сопровождали в перевязочную комнату для медицинского осмотра. После этого страдальцев кормили и определяли в палаты.

Белье в палатах менялось два раза в неделю, а у оперированных и тяжелобольных – чаще. Так как собственной

⁸⁸ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. [Черниковский Саул]. – *Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах*. – 6 כרך: מירופס [Т. 6: Рассказы]. – «מר» סופד: אנליוו: 6 [Вильно: Изд. «Рам»], 1932. – С. 305–306.

прачечной поначалу не имелось, обстирывать приходилось у наемных прачек.

Для обслуживания лазарета в качестве санитаров иеромонах Николай исходатайствовал у командующего Минским военным округом 17 нижних чинов из слабосильной команды и других подразделений. Отбором их занимался капитан С. П. Васильев, стараясь набрать людей смышленных. В течение сентября–октября к лазарету были прикомандированы: старшие унтер-офицеры Семен Семин, Яков Хранов, Антон Помяновский, ефрейторы Вильгельм Курц, Евграф Теряев, Иван Ушаков, Егор Байков, Степан Скоп, рядовые Павел Щетинин, Войцех Дец, Викентий Завада, Иосиф Копрун, Андрей Михорек, Михаил Янцевич, ратники Степан Жигadlo, Егор Стариков и нестроевой старшего разряда Михаил Дворянкин, произведенный вскоре в старшие унтер-офицеры⁸⁹. Все они находились в непосредственном подчинении у капитана Васильева.

Распорядок дня в лазарете строился следующим образом: подъем для больных и раненых в 7 часов; в 7.30 – чай; для желающих помолиться в 8 часов служилась Божественная литургия; с 9 до 12 часов производились перевязки (если не было операций); с 12 до 13 – обед; с 13 до 15 – снова перевязки; в 16 часов – чай; в 19 – ужин; затем экстренные операции и опять перевязки; в 21.30 – выключался свет, и пациенты ложились спать. Ежедневно совершались два врачебных обхода: утром в 8 и вечером в 18 часов⁹⁰.

За каждой палатой были закреплены отдельная сестра милосердия и санитар.

Питание в лазарете было организовано прекрасно. Ежедневно утром и вечером больные получали в неограниченном количестве чай, по шесть кусков сахара и французскую пятикопеечную булку. Обед состоял из трех блюд: щей или борща, мясного блюда, каши, киселя и пр. На ужин

⁸⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 89–89 об.

⁹⁰ Там же. Л. 89.

полагались одно мясное блюдо и каша. Офицерский стол состоял из утреннего чая с хлебом и маслом, завтрака из мясного блюда с гарниром, обеда из трех блюд и вечернего чая. Слабым больным выдавались яйца, молоко, портвейн.

Старший персонал лазарета – врачи, сестры, завхоз – пользовался офицерским столом. Санитары получали довольствие «по раскладке военного ведомства».

Все продукты доставлялись первого сорта и ежедневно свидетельствовались врачом. Так как цены ввиду военного времени на все были повышены, приходилось руководствоваться таксой, утверждаемой Минским губернатором⁹¹.

Поначалу на лазаретной кухне возникли проблемы с готовкой. Два повара, назначенные из санитарной команды, оказались совершенно никудышными. До призыва в армию они не знали поварского дела, а обучились ему на скорую руку уже в казарме и были простыми кашеварами безо всякого опыта.

Дело поправилось, когда 24 сентября к лазарету был приписан рядовой Степан Жигадло, служивший до этого поваром у Холмского архиепископа Евлогия (Георгиевского). Когда началась война, Жигадло призвали в армию, однако владыка Евлогий, желая спасти своего повара от окопов, по совету архиепископа Антония (Храповицкого) договорился о прикомандировании его к Серафимовскому лазарету.

Судьба Жигадло решилась в один из вечеров, когда в комнате у старшего врача сидели за чаем Черниховский и капитан Васильев.

Начал отец Николай:

– Господа, у нас появился повар, специалист. Вы знаете кто он? Святитель Антоний рекомендовал нам повара святителя Евлогия.

Черниховский иронично бросил:

– Видимо, кухня лазарета тоже стала убежищем от окопов.

⁹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 90–91.

– Во всяком случае, нам нужен повар-специалист, – заметил капитан Васильев. – Офицерский стол сильно страдает из-за того, что у нас нет нормального повара.

Чаепитие продолжалось. Но через некоторое время вошел денщик старшего врача и доложил отцу Николаю:

– Пришел повар, Ваше превосходительство!

– Пусть войдет!

Вошел молодой человек: лицо свежее и выразительное, волосы острижены по-военному, руки чистые, форма пошита из хорошей ткани и прекрасно подогнана по размеру. Правда, его новая гимнастерка местами топорщилась, а живот выдавался вперед несколько сильнее, чем подобало тридцатилетнему мужчине. Но, в общем, он производил впечатление человека опрятного.

Вошедший вытянул руки по швам, как полагалось, и стал осматривать погоны присутствующих. Он еще не умел сразу распознавать, кто старший по званию в компании.

Капитан Васильев сделал серьезное лицо и спросил:

– Ты кто?

– Я-я-я по-по-повар!

– Нет, сынок, не так отвечает солдат...

Действительно, он еще не совсем привык отвечать так, как полагалось солдату.

– Как тебя зовут?

– Степан Жигadlo, Ваше превосходительство!

– Сколько тебе лет?

– Тридцать четыре года, Ваше превосходительство!

– Где учился профессии повара?

– В городе, Ваше превосходительство!

– Сколько служил поваром у архиепископа?

– Восемь лет, Ваше превосходительство!

– Ты специалист в своем деле?

– Да, Ваше превосходительство! Я-я-я специалист, специалист по всем блюдам, в особенности по рыбе, по рыбе особенно. Рыба нуждается в особом понимании, тогда рыба

хорошо усваивается, например, сига требуется ловкость в приготовлении. Снимаем чешую и разрезаем его на куски, толщиной в два пальца, после этого промываем. Кипятим воду, добавив немного уксуса, соли, перца, гвоздики, лаврового листа, кусочков лимона и, если есть, добавляем также морскую капусту, и кладем туда рыбу, снимаем пену и варим в течение пяти минут. Оставляем ее еще на четверть часа, чтобы она сделалась мягкой, и подаем на стол с картошкой, топленым маслом и мелко рубленной петрушкой. Если хотим подать сига холодным, достаем его из бульона, ждем, пока охладится, и опять возвращаем его туда, пока не придет время подавать на стол. И есть правило: сига нужно меньше соли, чем остальным рыбам. А можно приготовить сига так, с овощами: чистим сига и разрезаем на куски как нужно, после этого готовим вместе петрушку, лук, каперсы, анчоусы, из которых вытащили внутренности и вымочили в воде, и любой молотый перец; медленно расплавляем свежее масло, добавляем резанные овощи и лимонный сок, пока вкус не сделается немного кислым, ставим на огонь, пока не нагреется, и кладем в кастрюлю сига на два часа и все время хорошенько его переворачиваем. Нужно, чтобы масло оставалось жидким все это время, но не стало жареным. После этого нагреваем сковороду с маслом и обжариваем на нем сига в течение десяти минут, и часто сдабриваем маринадом. Соус для него готовится из оставшегося маринада и пузырька белого вина, нескольких ложек острого соуса, и если не хватает достаточной кислоты, добавляем лимонный сок, желток яйца и перемешиваем...

Жигадло не переставал говорить, его речь лилась, и только изредка из ее течения выпадали гласные буквы.

Врачи смотрели на говорящего с удивлением, а капитан Васильев буквально вытаращил глаза.

Жигадло продолжал:

– Палтус в соусе, сделанном на сухом вине, готовится так: снимаем чешую и вымачиваем некоторое время в уксусе, моем куски и кладем их в кастрюлю, добавив соль, резаный лук, перец и гвоздику крупного помола, дольки лимона и лавровый лист, добавляем немного светлого пива или воды, а также красного сухого вина, пока не покроет рыбу, снимаем пену, добавляем большой кусок масла и немного панировочных сухарей. И не нужно, чтобы был самый кипяток. Когда рыба будет готова, кладем ее на блюдо и выливаем на него соус по сторонам.

Другой вариант для палтуса в соусе – по-польски: потрошим рыбу, снимаем чешую, разрезаем на куски и вымачиваем в уксусе. На три литра берем три моркови, корень пастернака, два корня петрушки, три луковицы, четверть корня сельдерея, режем их на кусочки, кладем в кастрюлю и добавляем немного имбиря, палочки гвоздики или зернышки перца, два лавровых листа, половину бокала пива, половину бокала воды, и кипятим в течение получаса. После этого кладем в кастрюлю рыбу, добавляем соль, пять ложек масла, половину лимона без зерен. Наполняем стакан вином и уксусом, добавляем в блюдо и кипятим еще четверть часа, когда сделается рыба мягкой, достаем ее из бульона и ставим в теплое место. Затем готовим соус... К рыбе подаем картофель... Пиво не должно быть очень горьким и соус не слишком густым...

Оба врача уже смеялись до слез и коликов в животе. А капитан Васильев кусал закрученные вверх усы и прилагал невероятные усилия, чтобы лицо оставалось серьезным.

– И какая же рыба была самая любимая у его высокопреосвященства? – спросил, отдышавшись, отец Николай.

– О-о-о-окунь, Ваше превосходительство, окунь его самая любимая! – оживился Жигadlo, – итак... приготовление окуня... окунь по-голландски: снимаем с него скребком чешую лишь на животе, достаем внутренности, оставляем только печень и молоки, отделяем их и варим в течение

десяти минут и немного кипятим, чтобы сварились раньше; продолжаем готовить небольшие корни петрушки с куском масла и немного зерен кориандра, пока не сделаются мягкими. Петрушку кладем во время сервировки среди рыбьих потрохов и подаем их с бульоном. Окунь нуждается в соли больше чем угорь и меньше чем форель. Также можно не удалять с окуня плавники на животе, это не страшно, и варим рыбу в подсоленной кипящей воде с луком, цельным перцем и лавровыми листьями, пока хорошо не сварится. После этого разрезаем два яйца, сваренных с петрушкой, добавляем мускатный орех и сухари, выкладываем рыбу на блюдо и брызгаем на нее из смеси и подаем на стол с горячим маслом.

Окунь под соусом по-французски готовится так: снимаем чешую, удаляем все внутренности, солим и кладем в кастрюлю с большим количеством масла. И когда хорошенько пропарится, посыпаем пшеничной мукой, переворачиваем рыбу и вливаем вино, пока не покроет ее; добавляем немного перца мелкого помола, петрушку, кусочки измельченного лука. Плотно накрываем и продолжаем варить на умеренном огне, но рыба ни в коем случае не должна рассыпаться.

Из всех морских рыб наиболее хороша белуга. После того как мы разрезали ее и вынули внутренности, кладем ее в ткань и опускаем на день или на два в холодный погреб, потому что мясо этой рыбы немного тяжелое когда свежее. Перед тем как варить ее, промываем несколько раз в соленой воде, чтобы удалить остатки слизи, и разрезаем на десять кусков, сначала на пять больших, затем на более мелкие, ставим ее на огонь в холодной воде и добавляем полную ложку сухой крапивы, чтобы сделать мясо мягким и ослабить запах жира. Даем ей умеренно кипеть, постоянно удаляем пену и варим в течение получаса на медленном огне. После этого кладем ее в другую кипящую воду, добавляем шесть луковиц, несколько лавровых листьев, два грамма гвоздики, восемь грамм зернышек перца, пучок тимьяна,

морскую капусту, даем опять медленно кипеть в течение одного часа. И в это время нужно быстро удалять весь жир. Только после того, как рыба станет мягкой, добавляем туда соль и даем ей впитать соль в течение короткого времени в воде. После этого достаем ее, извлекаем все выпирающие хрящи, режем мясо на куски более маленькие, добавляем масло и горчицу или соус из петрушки.

Еще владыка любил морского волка «приготовленного голубым» в масле, редьке и хрене...

– Что ты говоришь! «Приготовленный голубым»?

– Ваше превосходительство – «голубым»!

На этот раз капитан не смог сохранить серьезное выражение лица и не удержался от смеха.

– Довольно, Жигадло, иди себе и оставь свои знания для другого времени.

А Жигадло дружелюбно смотрел наивными карими глазами на начальство и не понимал, почему над ним смеются.

Судьба его, таким образом, была решена – он возглавил лазаретную кухню, а два кашевара с радостью поступили под его начало.

С появлением на кухне Жигадло в питании солдат особых изменений не произошло, так как в их рационе существовала определенная традиция. Зато заметные перемены произошли в офицерском столе, которым пользовался старший персонал лазарета.

Каждый вечер Жигадло ненадолго заходил в комнату капитана Васильева относительно продуктов и расписания блюд на следующий день. Уже через пару недель он немного выучился солдатской выправке, знал, как выставлять грудь и подтягивать живот, хотя и делал это не так, как те, кто прошел подготовку в казармах.

Накануне праздников Жигадло задерживался у завхоза дольше обычного. В такие дни капитан Васильев был более уступчивым, а повар более решительным и настойчивым.

И в результате, на следующий день офицерский стол устраивался с каким-нибудь вычурным десертом с замысловатым французским названием. Стараниям Жигадло немало способствовала слава, которую ему создала за столом старшая сестра Мария Кутасова, заметив как-то, что вкус его блюда напомнил ей вкус блюд, которые подавали на праздники в доме губернатора в Туле лет сорок назад. После этой похвалы Жигадло стал еще больше выпячивать грудь, почти как заправский солдат, и старался теперь снискать благоволение старшего врача, от которого зависело, получит ли он серебряную медаль на пурпурной ленте...

Кухня Серафимовского лазарета, как уже говорилось, располагалась в цокольном этаже, где ранее размещалась семинарская кухня. Там имелись три большие русские печи со всеми необходимыми кастрюлями, а также электрические плиты. На кухне постоянно работали Жигадло и два его помощника-кашевара. Первый, рядовой Войцех Дец – долговязый поляк, длинный, как мачта, с рачьими глазами, выступавшими из орбит будто от страха или удивления. Второй, некий Герчик, также поляк, человек с нежно-розовым лицом и большими серыми глазами, походивший на девушку в мужской одежде. Кроме того, к работам на кухне почти всегда привлекался кто-либо из выздоравливающих: выносить отходы, подметать и мыть полы, носить воду, топить печи. Попасть временным помощником на лазаретную кухню считалось среди пациентов делом довольно престижным. Время от времени кто-нибудь из выздоравливавших находил путь к сердцу Жигадло, и тот упраскивал капитана Васильева оставить солдата после выписки на некоторое время при кухне. Таким образом, счастливчику удавалось еще на две-три недели избежать окопов.

С раннего утра до позднего вечера на кухне кипела работа.

В половине восьмого подавали чай. К полудню уже накрывали столы в большом и просторном зале, служившем прежде комнатой отдыха для семинаристов. Раненые и больные, кому позволяло здоровье, сходились сюда к установленному времени, занимали места на длинных деревянных скамейках: бородатые костистые мужики и безусые юноши, низкорослые кривоногие кочевники, обитатели крымских степей, и великаны из 11-го Фанагорийского гренадерского полка – все в белых рубашках и клетчатых лазаретных халатах. Каждый получал миску и положенную порцию хлеба, после чего становился в очередь за супом и мясом. Солдаты неспешно подходили к котлам, похожим, из-за длинных и изогнутых ног подставок, на пауков, называемых в народе «сенокосцами» или «косиножками».

Это хождение, захват места, ожидание и стояние в очереди вносили определенное оживление в лазаретную скуку.

Пищу всегда раздавал ефрейтор Вильгельм Курц, немец по происхождению, человек педантичный и аккуратный. Он стоял за стойкой с большим деревянным черпаком такого размера, чтобы наполнять миску с одного раза. Когда с кухни приносили котлы с горячими блюдами, Курц громко распоряжался позвать врача. Пока звали кого-то из докторов, он брал алюминиевый поднос, ставил на него миску, тарелку и солонку. Затем наливал суп или борщ, в зависимости от расписания блюд, и клал на тарелку кусок мяса. Дежурный врач должен был снять пробу, и только после этого начиналась раздача пищи.

– Хорошо! Очень хорошо! – звучал одобрительный голос врача, и Курц начинал орудовать черпаком.

...И вскоре негромкие разговоры и звуки приема пищи наполняли пустоту просторного зала.

Тем, кто не мог сам прийти в столовую, санитары приносили еду в палаты. Если бы не их военная форма, никто бы и не сказал, что находится в прифронтовом районе. Воочию ужасы войны можно было увидеть лишь в палате для

тяжелораненых: изуродованные тела с ампутированными конечностями, окровавленные повязки, изможденные лица, загноившиеся глаза. Однако и там не раздавалось ни крика, ни стона, ни возгласа – благодаря морфину и кокаину...

Легкий стон слышался только, когда тревожили раны во время перевязки. Да и то, стоило сестре или доктору взглянуть в глаза раненому, как лицо его заливалось краской от стыда.

После того как заканчивали прием пищи больные и раненые, приходило время обеда для «команды», то есть для санитаров и работников канцелярии. И уже после них обедали врачи, завхоз и сестры – через два часа после начала обеда!

Так повелось, что пищу на кухне свидетельствовал в основном доктор Черниховский. Как-то раз пришел он в столовую сильно проголодавшимся. Ароматный запах, исходящий от котлов, возбуждал его аппетит еще больше, так, что у него даже начало сосать под ложечкой. Когда Курц поднес блюда для пробы, Черниховский подумал: «А что если не довольствоваться малым, одной только пробной ложкой супа из миски? А если съесть все блюдо?» Никто ведь ничего не потеряет, размышлял он, так как для каждого имелась своя положенная порция. А эта – часть доктора...

Курц подал на подносе «дегустацию» и застыл на месте готовый услышать известную фразу: хорошо, раздавай!

– Хорошо, очень хорошо! Уступи-ка мне тоже место; на этот раз я съем всю миску борща вкуса райского сада, а ты, Курц, раздавай!

Раненые обрадовались, что с ними сел обедать доктор. Черниховскому уступили место во главе стола. Один подал хлеб, другой пододвинул солонку. Раненые были очень довольны, что у его превосходительства нет презрения к ним, простым солдатам, и он ест от их стола рядом с ними.

– Ваше превосходительство, еще миску! – спешил угождать расторопный Курц.

– Нет, дорогой, но лапши я возьму.

Порция мяса была небольшой, но лапши раздатчик не жалел. В начале войны с продуктами проблем еще не было: мясо получали хорошее, масла вдоволь, мука отличного качества.

С того дня Черниховский взял за правило «возглавлять» солдатскую трапезу и прекрасно себя чувствовал пока дожидался обеда для старшего персонала, с которым обедал... вторично!

Для него Курц даже взял фаянсовую тарелку и поместил красной краской по кайме, чтобы «лучше отличать» от солдатских тарелок – глиняных и жестяных. Он нашел также для Черниховского новую цинковую ложку, на ручке которой вырезал буквы «док», а также «застолбил» постоянное место во главе стола – напротив портрета Великой княжны Татьяны⁹².

Комиссия

Каждую неделю в лазарет приходила врачебная эвакуационная комиссия, состоявшая при Минском тыловом эвакуационном пункте. Занималась она освидетельствованием поправлявшихся больных и раненых, решая: кого направить в команду выздоравливающих⁹³, кого эвакуировать для продолжения лечения вглубь империи, кого в действующую армию, а кого домой. Возглавлял комиссию военврач Орлов, человек желчный, с горящим взором, подвижный и энергичный, отличавшийся деспотичным характером. Четверо

⁹² יתכן שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. [Черниховский Саул]. [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. חרם: מירופס 6 [Т. 6: Рассказы]. – «מר» – אנלייו: סופד «מר» [Вильно: Изд. «Рам»], 1932. – С. 55–65.

⁹³ **Команда выздоравливающих** – специальное подразделение, организуемое при лечебных учреждениях для завершения госпитального лечения раненых и больных и их реабилитации или для амбулаторного лечения легкораненых и легкобольных. До ноября 1914 г. «команды выздоравливающих» именовались «слабосильными командами». Находились они в ведении главного врача лечебного заведения. Начальник команды пользовался правами командира отдельной части.

его сотрудников, врачи из мобилизованных, боялись при Орлове даже рот раскрыть, таков был у него нрав. Единственным, кто в комиссии не имел никакого отношения к медицине, был капитан Шамраев. Он держал себя независимо и, в отличие от Орлова, позволял врачам делать то, что те хотели, не вмешиваясь в круг их обязанностей. Впрочем, Орлов быстро умел укрощать в подчиненных чрезмерное своеволие. Характеризуя Орлова, Черниковский писал, что он был одним из тех, о ком говорят: «враг евреев по рождению и антисемит по воспитанию». Каждый солдат, представлявшийся комиссии, уже изначально был для него «маскирующимся», пришедшим обмануть врача, а тем более еврей. Орлов знал, как обставить раненого вопросами. Осматривал и испытывал раненых только он. Об остальных членах комиссии можно было сказать: «уста у них, но не скажут; уши у них, но не услышат», кроме капитана Шамраева, о котором Черниковский с сарказмом замечал: «мозг у них, но не понимают»⁹⁴. Следует сказать, что среди лечебных заведений Минска комиссия снискала репутацию как очень строгая, если не сказать – безжалостная.

Впрочем, у Черниковского с Орловым и капитаном Шамраевым сложились хорошие отношения. Кроме того, председатель комиссии, ценя высокий профессионализм Черниковского, доверял ему во всем. Вообще комиссия была довольна Серафимовским лазаретом, причем во многом благодаря истории, произошедшей в первый ее визит. Состоялся он через несколько недель после того, как лазарет начал прием больных и раненых. Члены комиссии сообщили по телефону, что придут между одиннадцатью и двенадцатью. Черниковский вспоминал, как в перевязочную вошел отец Николай, потягивая рыжую бороду и жуя

⁹⁴ שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. – *טשרניחובסקי שאול* [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 205.

кончик прядей длинных волос – явный признак того, что он нервничает, и объявил:

– Доктор! Военная комиссия едет к нам, прибудет примерно через полчаса. Я просил в таком-то госпитале позвонить мне тотчас же, когда они выйдут оттуда. Вы представите им раненых.

– Почему именно я? – недоуменно спросил Черниховский. – Разве не лучше, чтобы старший врач занимался этим?

– Конечно, конечно. Это подобает старшему врачу. Но... Вы понимаете?... У меня есть известные мотивы... и, второе, ведь раненых Вы знаете. И еще третья причина: я занят в это время... очень занят... граф М... я приглашен к нему: нельзя терять хорошие отношения с властью. Вы понимаете?...

Отец Николай сделал хитренькие глаза и, посмотрев на Черниховского из-под лба, представил еще ряд доводов.

– Хорошо! – согласился младший врач.

– Доктор, когда придет комиссия, Вы немного поговорите, задержите на какое-то время чем-нибудь... Спросите, не хотят ли они немного подкрепиться. Время как раз подходящее для этого: прекрасная котлета и стакан ароматного кофе умиротворят человека. На кухне уже отдан приказ. Нужно только задержать их на некоторое время.

Когда пришла комиссия во главе с Орловым и отрекомендовалась, председатель буквально с порога спросил Черниховского:

– Где раненые?

– Сию минуту, господин председатель! Только позвольте мне, пожалуйста, задать один маленький вопрос.

– Задавайте!

– Час уже не ранний, около двенадцати – время между завтраком и обедом, и вы, несомненно, уставшие... и немного голодные, не так ли?

– Что Вы имеете в виду?

– Я уполномочен поднести Вам лично что-то вроде десерта, чтобы Вы немного подкрепились.

Члены комиссии изумились и стали переглядываться. С подобными предложениями во время работы они еще не сталкивались.

– Но я ничего не понимаю, – отрезал Орлов в свойственной ему резковатой манере.

– То есть отложим проверку на несколько минут, а пока – напиток! – пояснил, улыбаясь, Черниховский и тут же скомандовал санитару: На кухню, раз-два!

Когда внесли большую сковороду, а на ней полдюжины прекрасных еще шипящих «Пожарских»⁹⁵ котлет, и приятный аромат разлился повсюду, наполняя рты слюной, комиссия молча уселась за накрытый белой скатертью стол, не заставив приглашать себя дважды.

– Присаживайтесь к столу и Вы, господин доктор, – пригласили члены комиссии Черниховского.

Когда раздатчик Курц внес ароматный кофе и сливки, лица гостей, хмурые и уставшие, засияли.

– Хвала, хвала вашему главному повару.

– Не за что! Это то, что оставалось на кухне...

Жигадло приготовил все на славу! Комиссия осталась довольна. Остался доволен и отец Николай. Также и Черниховский остался доволен. Да и больные были довольны проверкой.

Во второй раз врачебная комиссия, как бы случайно, появилась точно в то же время, когда в лазарете готовили котлеты «Пожарские». И как бы случайно снова оказались «лишние» котлеты.

В третий раз комиссия снова пришла именно в тот час, когда остались излишки от утренней трапезы. И в

⁹⁵ По одной из наиболее распространенных версий название котлет происходит от фамилии трактирщика из Торжка, у которого, по рассказам, обедал император Александр I во время путешествия из Петербурга в Москву. В меню обеда входили телячьи котлеты. Но у Пожарского в тот момент телятины не нашлось, и он приготовил котлеты из куриного мяса. Блюдо императору понравилось, и он назвал котлеты «пожарскими». В «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова говорится, что «пожарская» котлета готовится особым образом из свинины.

четвертый раз пришла запланированно, как сама пояснила, «в этот хороший час». И так вошло в обычай, что при посещении лазарета члены комиссии сделались неизменными участниками утренних трапез. С тех пор отношение их к лазарету стало действительно хорошим. «Отец Николай всегда знал, – вспоминал Черниховский, – чем угодить, и знал также, как правильно подойти»⁹⁶.

Между тем так было заведено, что больных и раненых всегда представлял младший врач. Немаловажную роль при этом играло то, как преподносились истории болезней, так как у проверяющих не было времени подробно знакомиться с ними. Поэтому комиссия полагалась на лечащих врачей, представлявших истории, особенно на тех, кому доверяла. А Черниховскому она доверяла! Таким образом, он оказывался «единственным защитником для войска раненых» перед неумолимым взором Орлова, чем и пользовался, чтобы облегчить их участь. Вообще надо сказать, что Черниховского солдаты любили, отвечая искренней признательностью за его внимание, доброту, участливость, интеллигентность, и главное – высокий профессионализм. Ярким свидетельством этому служат многочисленные письма благодарности, которые получал Черниховский от солдат, чьи жизни и здоровье он спас в годы войны⁹⁷.

Надо сказать, что и сам Черниховский привязывался к своим пациентам. Впрочем, не только он. За то время, которое больные и раненые находились в лазарете, они успевали настолько сблизиться с персоналом и между собой, что составляли как бы одну большую семью. И когда из лазарета отправлялась очередная партия выписывавшихся,

⁹⁶ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – ששנציגובסקי שאול [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 205–207.

⁹⁷ [Саул Черниховский: человек и поэт]. – קלויזנער יוסעף [Клаузер Йосеф]. לע וועלט וועגטום ריס מ'לע תירבע נאך: מילשורי הטיסרבינואה י"עש מירפס-תאצוה תירבעה. – הרבחה ידחי [Иерусалим: Еврейский фонд имени сэра Монтегю Бертона совместно с группой издательства Еврейского университета], 1947. – С. 144.

происходило нечто невообразимое: в палатах раздавались рыдания и завывания, метались опухшие сестры, бродили плачущие солдаты, в коридоре и на улицах около семинарского здания теснились толпы людей, вздыхавших и украдкой утиравших слезы. Это были те, кто часто навещал раненых в лазарете. Нужно сказать, что больные и раненые воины, особенно в первые месяцы войны, когда в обществе наблюдался огромный патриотический подъем, пользовались большим вниманием горожан. В лазарет от dobroхотов из разных мест поступали многочисленные пожертвования и подарки (белье, папиросы, сласти). Пациентов навещали учащиеся, чиновники, рабочие, торговцы и пр. Еврейки приносили в кувшинах излюбленное угощение – сбитень. Просто удивительно, как быстро сближались люди, становились друг другу родными!

В архиерейском лазарете

Помимо Серафимовского лазарета персоналу приходилось также время от времени курировать еще и небольшой лазарет, открытый в покоях минского Архиерейского дома. Черниковский писал, что, когда вспыхнула война и начался патриотический подъем, епископ Митрофан подумал, что мало быть лишь хорошим проповедником, а надо показать пример делом. А тем временем губернские и уездные власти организовывали лазареты, богатые и знатные граждане в епархии также не оставались безучастными к делам благотворительности на нужды фронта⁹⁸. Так, 6 августа преосвященный Митрофан участвовал в освящении и открытии лазарета Минской общины Красного Креста в

⁹⁸ שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. – תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 159.

доме губернатора⁹⁹, 19 августа – госпиталя № 7 Полтавской общины Красного Креста в женском духовном училище¹⁰⁰, 26 августа – лазарета в здании уездного детского приюта ведомства императрицы Марии¹⁰¹, 31 августа – лазарета при станции Либаво-Роменской железной дороги¹⁰². Преосвященный и сам внес пожертвование на счет Синодального лазарета имени Цесаревича Алексея Николаевича, открытого 1 сентября 1914 года в резиденции обер-прокурора Святейшего Синода (Литейный пр., 62). Пожертвование щедрое, но о нем засвидетельствовала лишь квитанция, которую людям не покажешь. Нужен был личный пример для паствы.

Тогда владыка Митрофан инициировал организацию при минском женском Преображенском монастыре лазарета имени духовенства Минской епархии на 20 коек, выделив на его устройство из средств Архиерейского дома 500 рублей¹⁰³.

Но и этого епископу показалось мало, и он решил устроить лазарет непосредственно в Архиерейском доме. Однако собрать достаточно денег на оборудование, врачей и медсестер ему не удалось, да и дом не был в его собственности. Владыка смог выделить под лазарет лишь свои покои – два небольших помещения рядом с входом,

⁹⁹ Открытие и освящение лазарета Минской общины Красного Креста // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – С. 313–315.

¹⁰⁰ Освящение госпиталя Красного Креста в женском духовном училище // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17. – С. 358.

¹⁰¹ Местная жизнь // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 367.

¹⁰² Освящение лазарета Либаво-Роменской железной дороги // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 388.

¹⁰³ Освящение и открытие лазарета состоялось 8 сентября 1914 г. На его устройство первоначально было выделено: 500 руб. от Архиерейского дома; 600 руб. от Минского Свято-Духова монастыря; 200 руб. от соборного причта; 200 руб. от разных пожертвований – всего 1500 руб. Кроме того, поступили средства от монастырей епархий: 300 руб. от Пинского монастыря; 200 руб. от Ляданского монастыря. Содержание осуществлялось на процентные отчисления от жалованья духовенства от 1% до 3% и более по желанию; ежемесячно по 100 руб. от прибыли свечного завода и от церквей: Смолевичской – 300 руб.; Скрыгаловской – 200 руб.; Погостской – 300 руб.; Переспенской – 100 руб.; Мозырского собора – 300 руб. и от поступлений состоятельных церквей епархии. Продукты питания жертвовались монастырю через Архиерейский дом. Уход за ранеными поручен был 10 монахиням, прошедшим практику в Земской больнице. За хозяйственной стороной дела наблюдал попечительный комитет под председательством игуменьи Валентины и секретаря консистории.

соединенных с домовою Крестовою церковью. Одно из них служило комнатою молитвы епископа, в которой он любил часто сидеть в уединении, наблюдая службу в церкви и слушая песнопения¹⁰⁴. Отчасти на свои средства, отчасти на средства Архиерейского дома преосвященный Митрофан «весьма комфортабельно» оборудовал эти комнаты десятью коечными местами¹⁰⁵. Чтобы сэкономить на оплате врачам и сестрам, учредил что-то вроде санатория для больных и раненых, которые уже прошли курс лечения и нуждались лишь в отдыхе и питании. Для разных нужд он пригласил двух монахинь минского женского Преображенского монастыря¹⁰⁶ – «двух приветливых старушек» – чтобы ухаживали за пациентами.

Впрочем, врач все равно был необходим, хотя бы в качестве куратора лазарета. Но даже ничтожная плата требовалась и ему, а денег не имелось. И вот, когда в Минск прибыл Серафимовский лазарет, владыка Митрофан попросил отца Николая безвозмездно курировать архиерейский лазарет. Тот, естественно, не нашел приличным отказать епископу, да к тому же своему давнему наставнику, и согласился. Лазарет в архиерейских покоях торжественно открыли 26 сентября¹⁰⁷.

Черниковский вспоминал, что отец Николай не только согласился курировать лазарет, но даже зашел туда пару раз – в первую неделю. На самом деле он не очень-то хотел им заниматься, да и для врача там никакой работы не имелось. Пациенты архиерейского лазарета «во все дни лежали, сидели, гуляли, ели, пили, курили, ходили и

¹⁰⁴ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – משרניחובסקי שאול תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 159.

¹⁰⁵ Освящение лазарета в покоях Преосвященнейшего Митрофана // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 403.

¹⁰⁶ Отчет по Комитету лазарета духовенства Минской епархии за октябрь месяц сего 1914 года // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23. – С. 379.

¹⁰⁷ Освящение лазарета в покоях Преосвященнейшего Митрофана // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 403–404.

выздоровливали». Им было достаточно «медицины» старушек-монахинь и их знаний. А на всякий случай на столике в центре помещения стояли: пузырек с йодом, масленка с мазью цинка, большой пузырек масла из семян клещевины и две коробки с порошком хинина.

Но вот приключилась неприятность. По недосмотру кого-то из студентов-санитаров в архиерейский лазарет доставили пациента с ранением в руку, которого еще не лечили. Что же сделали монахини, буквально молившиеся о том, чтобы и у них появилось настоящее дело сестер милосердия? Они взяли и наполнили всю рану до краев (глубокую рану до кости) мазью цинка, поскольку другой не имелось, закупорили ее «очень красиво» и наложили повязку. Это сделали они после утренней молитвы, а вечером у раненого поднялась температура и началась горячка, он вздыхал и стонал. Его боли все усиливались. Несчастный не спал всю ночь и мешал спать товарищам. Старушки-монахини тоже не спали и все пугались. Утром они сообщили по телефону отцу Николаю, что случилось.

Тот возмущенно рассказал Черниковскому, как старушки засунули в рану полную масленку мази, 30 граммов, – «старушки спасительницы, старушки праведные!» С раненым, конечно, разобрались, но после этого старший врач решил, что за архиерейским лазаретом нужно обязательно присматривать. А так как сам ходить туда не хотел, то попросил об этом одну из сестер Серафимовского лазарета. Поскольку денежного вознаграждения за эту работу не предполагалось, отец Николай пообещал представить ее впоследствии к награде – медали «За усердие» на Станиславской ленте¹⁰⁸. Ничего сложного от сестры не требовалось. Нужно было лишь приходить в архиерейский лазарет на какое-то время, а также вести истории болезней пациентов.

¹⁰⁸ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниковский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 160–161.

Черниковский описал эту сестру без особой симпатии. Впрочем, из деликатности скрыл ее за вымышленным именем и фамилией¹⁰⁹. Ее недостатки были более многочисленными, нежели достоинства, «поскольку последних у нее не имелось вовсе», вспоминал Черниковский. По умению: ни врач, ни сестра, ни рыба, ни мясо; по внешности: ни вид, ни величие, ни «фронт», ни «тыл»! Низкорослая, чернявая и некрасивая. В угоду моде она носила большие круглые очки в толстой черепаховой оправе, в которых походила «на домового сыча». Маленький и острый нос служил ей, по едкому замечанию поэта, крючком, чтобы повесить на него очки. Ее тонкие бескровные губы сжимались и «бросались в глаза, как будто готовились засвистеть»¹¹⁰.

Сестра эта намеревалась стать через некоторое время врачом. «Но даже самые худшие сестры готовы были стать врачами, – писал Черниковский, – как те, кто уже поступил в клинику, так и те, кто туда еще не добрался – сестрицы-добровольцы: работы сестер они не знали и медицины пока еще не нюхали»¹¹¹.

Отец Николай в общих чертах объяснил сестре, как писать истории болезней: в такой-то день то-то... и через два дня – «idem»¹¹² и еще через два дня – «idem»; через два дня: рана затягивается и очищается; и через два дня – рана затягивается и очищается; и еще – «idem»; и пройдет два дня – рана затягивается и очищается; и еще – «idem»; и все заново...

Прошло несколько недель и в архиерейский лазарет сообщили, что в шесть часов вечера прибудет врачебная комиссия для осмотра. Не зная, что делать, оттуда тотчас

¹⁰⁹ В данном случае Черниковский использует вымышленное имя – Мария Ивановна Лидина.

¹¹⁰ שְׁלִישִׁים וּשְׁלֹשָׁה סְפֻרִים [Черниковский Саул]. – טשרניחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 159.

¹¹¹ Там же.

¹¹² **Idem** [йдем] (лат.) – то же самое.

позвонили в Серафимовский лазарет. Отец Николай позвал Черниховского и, поглаживая рыжую бороду, обратился:

– Дорогой, прошу Вас! Поезжайте в «мой святой санаторий». Лошади уже запряжены. Поезжайте, дорогой человек.

– Зачем, отец? – спросил недоверчиво Черниховский.

– Затем, что раненых нужно будет представить комиссии.

– Разве некому ознакомить их. А сестра М...?

– Но, дорогой, каким образом сестра представит больных перед военной комиссией? Она не сможет. У нее нет ни звания, ни опыта!

– А Вы, отец?

– Это мне невозможно. По ряду причин.

– Хорошо, я поеду.

Когда Черниховский вошел в архиерейский лазарет, старушки-монахини испугались его военной формы, отдали честь и подали папку с историями болезней – все как положено. Дело в том, что, «согласно Высочайшему соизволению» о присвоении чиновникам гражданского ведомства, состоящим в полевых учреждениях военного времени, некоторых предметов форменного обмундирования, Черниховский носил офицерскую форму, португеею и шашку¹¹³. Вот в таком виде, с большущими черными усами он и предстал перед старушками, произведя на них «впечатление».

Усевшись за стол, врач начал просматривать истории болезней, написанные сестрой.

Сентябрь, день... год 1914.

Через два дня – *idem*.

Через два дня – *idem*.

Через два дня – больной почувствовал себя лучше.

Через два дня – *idem*.

Через два дня – *idem*.

И все заново.

И опять – *idem*.

И опять: больной...

¹¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 3.

Октябрь, день...

Через два дня – idem.

Через два дня – idem.

Ноябрь... больной...

И снова – ...idem... idem.

Декабрь... idem.

– К черту, к черту, ко всем чертям! Как же это? – вдруг взорвался Черниховский. – Декабрь! – а сейчас октябрь... Глупая девчонка! Все подготовила до конца года... Глупо! Невероятно! Задним числом... Невозможно показать комиссии эти истории. Скандал!

Старушки-монахини боялись даже взглянуть на военного врача в гневе. Между тем выяснилось, что в лазарете нет чистых бланков, а через час весь этот позор может открыться перед врачебной комиссией!

Черниховский бросился к телефону.

– Серафимовский лазарет? Пригласите к телефону отца Николая! Отец, пришлите мне сейчас же транспорт, одного из писарей, десять бланков «историй болезни» и десять листов «приложений». Нет лошадей? Пусть спешит Сергей, прилетит на одной ноге, да пребудет с ним его сила! Приеду, расскажу. Все истории болезни испорченные! И скажите сестре, что она круглая дура. Когда приеду, объясню Вам детали...

Уже через двадцать минут Черниховский сидел за столом, перед ним лежали часы и стопка чистых бланков. Он сидел, потел и писал, развесив, как сам выразился, уши на воротах Архиерейского дома. Потел и писал:

День такой-то месяца... – idem

Добавлял два дня и писал: idem

Добавлял два дня и писал: idem

Добавлял два дня и писал: больной поправился.

Добавлял еще два дня и снова писал: idem.

К всеобщему облегчению все прошло гладко¹¹⁴.

¹¹⁴ שלשים ושלושה ספורים [Черниховский Саул]. – תשרי תש"ב [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 162–164.

Минский тыловой эвакуационный пункт

Как уже говорилось, раненые и больные поступали в Серафимовский лазарет из Минского тылового эвакуационного пункта. Следует несколько слов сказать и о нем, чтобы читатель мог представить, куда доставлялись с фронта больные и раненые, как распределялись по лечебным заведениям Минска или отправлялись вглубь империи.

Первоначально так называемый сборный пункт был оборудован на 700 мест в трех казармах в различных частях Минска. При каждой казарме имелась перевязочная комната. Были предусмотрены средства перевозки с вокзала на пункты. Санитаров из нижних чинов обучили способам укладки раненых на носилки и переноске. Была распределена работа между медицинским персоналом.

Первый санитарный поезд с ранеными прибыл в Минск 10 августа. Поначалу они приходили не каждый день. С поездов, проходящих транзитом, снимались только подлежащие лечению на месте. С прочих же составов, временно-санитарных, состоявших из приспособленных товарных вагонов, все раненые и больные снимались и перевозились на пункты, где их сортировали и перевязывали. Подлежащие дальнейшей эвакуации помещались в такие же временно-санитарные поезда. В августе на эвакуационный пункт прибывало много пораженных шашками в голову и верхние части тела, в основном легкораненых. «Тяжелых» в это время было мало.

После 20 августа санитарные поезда стали приходить в Минск ежедневно. Бывали дни, когда прибывало по три-четыре тысячи раненых, а то и более. Среди них находилось много пленных, в основном тяжелораненых, главным образом шрапнелью. Среди русских «тяжелых» было меньше. Ранений холодным оружием в это время практически не встречалось.

Поезда с ранеными останавливались у Продовольственного пункта Александровской железной дороги. Здесь в столовой была оборудована перевязочная. Штат медицинского персонала значительно увеличили врачами и сестрами милосердия из прибывших, но еще не развернувшихся запасных госпиталей. Одновременно работало ежедневно 20–25 врачей и столько же сестер милосердия, не считая фельдшеров. В лечебные заведения только тяжелораненые направлялись непосредственно из перевязочной.

В первых числах сентября открылся питательно-распределительный пункт у Виленского вокзала: четыре барака на 620 мест, перевязочная комната и столовая на 1000 человек. В это время раненые и больные доставлялись в Минск уже на постоянных санитарных поездах, переносились в бараки, получали медицинскую помощь и питание, сортировались, и подлежащие дальнейшей эвакуации перемещались в тыловые санитарные поезда. Тем, кто направлялся в госпитали и лазареты Минска, перевязки не делались¹¹⁵. В лечебные заведения их перевозили на санитарных автомобилях или переносили на носилках специальные дружинники-волонтеры. Чтобы обслуживать эвакуационный пункт еще в августе при Минском вольно-пожарном обществе создали дружину из молодых людей добровольцев числом около 1000 человек.

День и ночь не замирала жизнь на эвакуационных пунктах, где по дороге с полей ужасов находили временный приют изувеченные воины.

Длинной вереницей тянулись вагоны-теплушки с товарными надписями красной краской и подставленными к вагонам досками-трапами. В вагонах, разделенных на несколько ярусов, на подостланной соломе сидели и лежали раненые с белыми повязками на различных частях тела.

¹¹⁵ *Фоминский И. Н.* Краткий очерк деятельности Минского Тылового и Эвакуационного Пункта с момента его возникновения // *Минские Врачебные Известия.* – 1915. – № 1–2. – С. 8–9.

Невероятно медленно подходили к перрону составы. Трудно было даже уловить грань между ходом поезда и его остановкой. Машинисты с величайшей осторожностью останавливали многотонные составы, чтобы лишним толчком не побеспокоить раненых.

Прибывший поезд останавливался, раздвигались двери теплушек и над вагонами клубами поднимался густой пар. В это время на пункте все приходило в движение: торопливо ходили врачи, суетливо сновали сестры милосердия, бегали санитары. Дружинники приносили носилки и по-мальчишески ревниво спешили опередить товарищей, чтобы первыми возложить на плечи тяжелую ношу.

– Носилки, носилки! – раздавалось с разных сторон. И дружинники мчались с одного конца перрона в другой.

Осторожно перекладывали страдальцев с одних носилок на другие. Хотя стоны и оханье внешне никого не смущали, к ним прислушивались, старались предотвратить. Одни за другими несли носилки с ранеными в бараки. Следом брели легкораненые – одни сами, другие поддерживаемые санитарями или сестрами.

Примечательно, что раненые с большой неохотой ложились на носилки.

– Зачем, я уж сам как-нибудь. Спасибо...

Солдат удивляло и очень смущало, что какие-то незнакомые люди безвозмездно служивали им.

– За что, чем мы это заслужили?

А у ворот и на мосту толпы любопытных: охают и качают головами, жадно всматриваются и шепчут слова жалости. Раненые же страдальческими взглядами безразлично глядели на все это, и не было в них любопытства к новой обстановке и новым людям. Да и могло ли быть это любопытство у людей, несколько дней тому назад бывших на волоске от смерти и не отделавшихся еще от жутких впечатлений?

– Что за город? – спрашивали раненые и, когда им отвечали, что это Минск, обязательно задавали вопрос, далеко ли до Москвы. Вот куда почему-то обращались их взоры¹¹⁶. А еще, после долгого сидения в залитых водой окопах, после страшного грохота и гула, их тянуло к теплу, ласке, мирному сну...

В длинных серых бараках, уставленных бесконечными рядами кроватей, постоянно царило оживление. Владельцы коек здесь нередко сменялись в течение десяти минут.

Запах человеческих испражнений, смешанный с запахом йодоформа, неприятно поражал непривычного человека.

Круглые сутки в бараках стоял невообразимый шум: стон, плач, говор, смех, крик, шепот, хрипение и кашель сливались в своеобразный фон. С шумом приносили и уносили раненых, с шумом укладывали их на кровати. Суетились врачи, фельдшера, сестры, дружинники, дамы-благотворительницы. Только санитары – нижние чины, обслуживавшие барак, поражали хладнокровием и равнодушием...

И странным казалось, как в этой ужасной какофонии, наполнявшей бараки эвакуационного пункта, находили себе покой раненые. А между тем там всегда можно было видеть мирно и аппетитно спящих людей. Они спали точно так же, как спали в окопах – под гул и грохот канонады.

Здесь бросались в глаза контрасты: белоснежные повязки и грязная почти черная одежда солдат, изнуренные бледные лица и сияющие улыбки, робкий стон и беззаботный рассказ, пересыпанный деревенским юмором, поразительная скромность в требованиях, и тенденция быть самостоятельным, обойтись без посторонней помощи, – все это изумляло, завораживало, поглощало¹¹⁷.

Ежедневно через пункт проходили десятки, сотни, тысячи изувеченных, изможденных страдальцев. Их переносили

¹¹⁶ Грилев. На питательном пункте // Минская газета-копейка. – 1914. – № 774. – С. 3.

¹¹⁷ Грилев. В бараке (На питательном пункте) // Минская газета-копейка. – 1914. – № 777. – С. 3.

из вагонов, поили, кормили, перевязывали и сортировали – кого оставляли в Минске, кого отправляли дальше. А кто-то находил вечное упокоение прямо здесь. Необычайно тяжелое впечатление производила на очевидцев смерть раненого на носилках.

Русские, австрийцы, немцы, чехи, евреи, поляки, татары, русины, кавказцы, мирные жители, офицеры и солдаты – все пострадавшие, кого доставляли на эвакуационный пункт, находили здесь внимание, ласку и помощь. Помочь несчастным, облегчить их страдания, утешить спешили солдат и рабочий-дружинник, гимназист и бакалейщик, дама из общества и сестра милосердия. Священник, ксендз, раввин приносили страждущим духовное утешение, беседовали, ободряли, благословляли, удовлетворяли религиозные потребности¹¹⁸. С начала войны все минское духовенство несло обязательные дежурства на эвакуационных пунктах¹¹⁹.

Здесь можно было услышать массу удивительных историй, трагичных и курьезных, замысловатых и незатейливых. Крестьянин из деревни, швейцар из столицы, плотник и чертежник, отец и сын – все по-своему делились о пережитом. Одни молча лежали на кроватях, другие, энергично озираясь по сторонам, увлеченно рассказывали.

- Куда Вы ранены?
- Да вот, кусок руки оторвало...
- А что у Вас с другой рукой?
- Да, ерунда, два пальца пулей раздробило.
- Как же вы едите, одеваетесь?
- Да вот, сосед-землячок нянькой-то моей стал.

С добродушной улыбкой тяжело поднимается на костыле безусый паренек с оторванной ногой и, указывая на себя пальцем, весело говорит:

- Я-то и нянька его.

¹¹⁸ Грилев. На питательном пункте // Минская газета-копейка. – 1914. – № 774. – С. 3.

¹¹⁹ Зараник М. Минская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Дипломная работа. – Жировичи, 2008. – С. 21.

Смеются, и за этим беззаботным смехом как в тумане исчезают ужас, переживаемый человечеством, и предстоящие на всю жизнь этим калекам лишения и муки¹²⁰.

Застонет кто-нибудь... Застонет и словно устыдится. А кто продолжает стонать, того сосед укорит:

– Чего стонешь? Вишь, я молчу. А, ведь, и мне, поди, болит.

– Сосед, а сосед, слышь, что я тебе скажу. Пошли мы, значит, к реке, был я тогда ранен... – и начнет рассказывать, и не заметит что «сосед» уже давно не слышит его.

– Господа сенаторы, с товарищем меня положите, – просит совсем молодой солдатик.

«Сенаторы», то есть санитары, кладут его рядом с товарищем, и он беззаботно калякает с ним, позабыв о ранах.

– За картофлем ходил. Ну, заприметил австрияк и давай палить. Жалко, значит, ему – обжоре. Подстрелил. Наши за то и ему не дают копать.

И стыдно видать солдатику, что ранен он за картофель.

– «Картошник» ты, – укоризненно-добродушно шутят над ним.

– Что картофель, воду, и ту пожалел германец, – подхватывает другой. – Да хоть бы вода-то его была, а то ведь наша – из Вислы. Ну, и дали ж мы ему за это. Чуть покажется с ведром – «назад» кричим. Бросит он ведро и даст маху.

Интеллигентный солдатик лежит и ежеминутно достает что-то из кошелька, осматривает.

– В золотой оправе хочу ее отделать. Чудесная это пуля. Норовила в лоб, да задержалась о козырек, скользнула по лбу и упала в дерн. Видно, суждено жить.

Смеется, а в смехе этом радость человека, избежавшего смертельной опасности...

¹²⁰ Грилев. Впечатления и встречи // Минская газета-копейка. – 1914. – № 729. – С. 3.

– В Москву везут, – с детской радостью возвещает бородатый солдат, беспрерывно сгибая и разгибая перевязанную ногу, – там у меня родные. Эх, поскорее бы залечить. Гимнастику делаю – авось скорее будет.

Молча и бессмысленно глядит на все другой солдат. Он ничего не слышит, потерял способность говорить. Молчит... и за этим молчанием чудится отзвук чудовищного рева и грохота – отзвук войны¹²¹.

Стороны лазаретной жизни

Во второй половине октября Серафимовский лазарет взбудоражили два чрезвычайных известия. 19 числа из Петрограда пришла телеграмма, в которой сообщалось, что лазарету предстоит переместиться ближе к театру военных действий, в связи с чем предполагается преобразовать его в подвижной и передать в непосредственное распоряжение В. М. Пуришкевича, в то время начальника санитарного поезда¹²². На следующий день после получения телеграммы Минский губернатор официально уведомил отца Николая, что 22 октября в Минск прибывает император Николай II, который посетит некоторые лечебные заведения города, в том числе и Серафимовский лазарет. Губернатор просил подготовить все к Высочайшему визиту, а также украсить семинарскую лестницу коврами и цветами.

Для минчан приезд монарха являлся событием выдающимся, особенно в столь тревожное время. С лихорадочной поспешностью жители бросились украшать город, чтобы придать ему как можно более торжественный и праздничный вид. Дома, балконы, витрины, перекрестки улиц расцвелились национальными флагами, гирляндами зелени, транспарантами, цветными тканями, коврами, портретами

¹²¹ Грилев. В барак (На питательном пункте) // Минская газета-копейка. – 1914. – № 777. – С. 3.

¹²² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 129.

государя и царствующего дома. Городские власти соорудили красивые арки: у Александровского вокзала, на углу Губернаторской и Захарьевской улиц, у здания городской управы, на углу Соборной площади, у Полицейского моста и в других местах. На арках красовались надписи: «Добро пожаловать, Великий Государь!», «Слава Русскому Царю!», «Боже, Царя храни!», «Царствуй на славу нам!», «Царствуй на страх врагам!», «Слава русскому воинству!». Ко дню приезда монарха город буквально «потонул в красивом нарядном уборе». Особенно пышно украсили Александровский вокзал: полы в зале первого класса устлали коврами, обставили тропическими растениями и живыми цветами¹²³. Не менее усердно к монаршему визиту готовились и в Серафимовском лазарете. Два дня там царила суета. У всего персонала было приподнятое и возбужденное настроение, а в палатах водворилась атмосфера восторженного ожидания.

Ранним утром, 22 октября, Николай II прибыл в Минск. В здании вокзала он принял представителей военного и гражданского ведомства, депутацию крестьян и др. После окончания приема монарх под звон колоколов городских церквей проследовал на автомобиле в кафедральный Свято-Петропавловский собор, где его встретил епископ Митрофан с духовенством. В соборе отслужили краткий молебен, после чего Николай II поклонился Минской иконе Божией Матери, получив в подарок небольшую ее копию. Затем он посетил лазареты Красного Креста имени императрицы Марии Федоровны в губернаторском доме и 210-й госпиталь на Комаровке¹²⁴. Однако в Серафимовском лазарете, по недостатку времени, государь не появился, к крайнему огорчению персонала и раненых. В 13.00 он покинул Минск.

После отъезда Николая II в городе состоялись грандиозные патриотические манифестации, с портретами монарха

¹²³ Памятная Книжка Минской губернии на 1915 год. – Мн., 1914. – С. 82.

¹²⁴ Там же. – С. 86–87.

и национальными флагами. Во главе манифестантов шли учащиеся местных учебных заведений. Многотысячные толпы в течение нескольких часов ходили по улицам Минска с пением народного гимна и молитвы «Спаси Господи люди твоя». При встрече горожане восторженно спрашивали друг друга: «Видели?! Вы видели государя?!» Вечером в городе была зажжена великолепная иллюминация, на улицы снова высыпали толпы народа, и до поздней ночи повсюду слышались пение гимна и крики «ура»¹²⁵.

В Серафимовском же лазарете царили совсем другие настроения, там были крайне огорчены, до слез, что монарх не посетил лазарет.

Теперь нужно было что-то думать относительно предположения о перемещении лазарета на фронт. Старший врач решил хлопотать, чтобы его оставили в Минске, не желая, видимо, расставаться с комфортной семинарской обстановкой.

Еще до отбытия Серафимовского лазарета из Петрограда иеромонах Николай подал на имя Великой княжны Татьяны Николаевны прошение взять лазарет под свое Августейшее покровительство. В частности, он писал: «Не откажите передать, Ваше Императорское Высочество, Вашим Царственным Родителям, что чувство горячей любви к нашей дорогой Родине и беззаветной преданности к Обожаемому Монарху подвигает всех нас на дело врачевания наших раненых героев. Отряд едет в Минск, но всякую минуту он готов двинуться на передовые позиции и все мы с радостью готовы положить свою жизнь за нашего Обожаемого Монарха, Его Царственную Семью и дорогую Родину»¹²⁶.

Ходатайство иеромонаха Николая поддержал обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер¹²⁷. Выслушав доклад по этому поводу, Великая княжна Татьяна 30 сентября 1914

¹²⁵ Памятная Книжка Минской губернии на 1915 год. – Мн., 1914. – С. 86–89.

¹²⁶ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 1.

¹²⁷ Там же. Л. 3.

года начертала: «Согласна»¹²⁸. Однако дело на этом не закончилось. Необходимо было еще испросить согласие императрицы Александры Федоровны, затем снестись с Главным управлением Российского общества Красного Креста и Министерством Императорского Двора. Лишь в середине октября секретарь императрицы граф Я. Н. Ростовцев уведомил отца Николая о положительном решении. С этого времени лазарет стал именоваться так: «Состоящий под Августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татианы Николаевны Лазарет во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца Комитета Красного Креста Духовно-Учебных Заведений Российской Империи».

Теперь, когда лазарет был принят под Августейшее покровительство, старший врач получил возможность решать отдельные вопросы, минуя комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, чем и поспешил воспользоваться. На следующий день после посещения Минска императором отец Николай спешно засобиравшись в Петроград, исхлопотав у Великой княжны Татьяны аудиенцию, которая состоялась 27 октября в Царском Селе¹²⁹.

Вот что писала в тот день своему венценосному родителю Татьяна Николаевна: «Я сегодня принимала какого-то архимандрита, который вместе с тем и старший доктор в моем лазарете в Минске. Ты, к сожалению, там не был, и вот он мне говорил, что солдаты ужасно плакали. Потом мне сказал, что там лежит командир Твоего Ширванского полка, подполковник, кажется, Троцкий, я не совсем помню, как фамилия»¹³⁰.

Расчет отца Николая на Августейшую покровительницу оказался верным. Вскоре после его визита в Царское Село

¹²⁸ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 4.

¹²⁹ Там же. Л. 13.

¹³⁰ Дневниковые записи Великих княжон Ольги, Марии, Татьяны, Анастасии и их письма к отцу Императору Николаю II 1914–1916 года. – <http://emalkrest.narod.ru/txt/det14.htm>

Главное управление Российского общества Красного Креста приняло решение о переименовании Серафимовского лазарета из подвижного в этапный¹³¹, что означало оставление его на прежнем месте.

Вернувшись из столицы, отец Николай не без гордости рассказывал о визите в Царское Село. А еще он намекал, что имеет связи с фрейлиной императрицы – госпожой Анной Александровной Вырубовой и даже самим Распутиным. Правда, намеки эти вызывали у сестер и братьев больше насмешки, чем восторг¹³².

Офицером, о котором отец Николай упоминал во время встречи с Великой княжной Татьяной, был командир 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка – полковник Виктор Викторович Троцкий-Сенютович. Поступил он в Серафимовский лазарет с ранением в грудь и плечо, полученным у деревни Сошево. Кроме него в лазарете в это время находились еще два офицера: капитан 120-го Серпуховского пехотного полка Леонид Викторович Кравков, раненный в ногу близ станции Творки, и штабс-капитан 146-го Царицынского пехотного полка Евгений Евгеньевич Сергеев с ранением в переднюю стенку живота навывлет¹³³. Однако отец Николай в беседе с Великой княжной упомянул лишь о полковнике Троцком, желая подчеркнуть, что в Серафимовском лазарете лечится командир полка Его Величества. Делалось это, конечно, с определенным расчетом.

Черниковский в одном из рассказов описал историю с поступлением полковника В. В. Троцкого-Сенютовича в лазарет.

Когда из эвакуационного пункта сообщили по телефону о необходимости принять полковника, писарь немедленно

¹³¹ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 66.

¹³² יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכר. [Черниковский Саул]. [Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. מירופס: 7:רכ [Т. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 89.

¹³³ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 16.

доложил старшему врачу. Присутствовавший при этом Черниховский вспоминал, как отец Николай прошелся по комнате, улыбаясь самому себе, сжал в кулак красно-рыжую бороду и стал насвистывать, чтобы скрыть улыбку. Черниховский сидел на диване, закинув ногу на ногу. В отличие от старшего врача известие о поступлении в лазарет большого воинского начальника его не обрадовало, и он недовольно проворчал:

– Только этого нам еще не доставало.

– Но, Саул Гитманович, это прекрасно, это хорошо. К нам придут «великие» – это хорошо.

– К черту.

– Саул Гитманович, что Вы такое говорите; это ведь хорошо. Нужно, чтобы увидели, чтобы у нас сложилась репутация. Придут проводить... генералы!

– Вот к этому я и готовлюсь, что мы не будем знать ни отдыха, ни покоя. И обязательно будут приходить не вовремя. Генералы, их жены, сыновья и все знакомые... И у каждого будут свои требования... Лучше десять солдат, чем один офицер; десять офицеров, чем один начальник штаба.

– Но лучше десять начальников штаба, чем одна сестра, – иронично заметил отец Николай.

– Как наша Писарева – да.

– Но, Саул Гитманович, это хорошо. Хорошо, что и генералы придут лечиться к нам. Для приобретения «известности» это неплохо.

– К черту и дьяволу!

– Нет, это хорошо! Конечно, лучше если бы бомба упала на лазарет во время перевязки. Ах... Я знаю, как подготовить доклад... «Георгия» мне, «Георгия» Вам, сестрам и санитарам – медали.

– Зачем он мне? – процедил сквозь зубы Черниховский. – На мой нос повесим?

– Не говорите так, «Георгий» это вещь важная...

– Отец Николай, – потягиваясь, сказал ординатор, – бомба не всегда попадает правильно.

– Я верю в свою судьбу: со мной ничего не случится.

– А моя судьба: в человека не попадет, пока нога его не подведет; и только так правильно.

– Почему только так?

– Отец Николай, упадет эта Ваша бомба на Вашу голову, если Вы хотите именно этого; а я вернусь к своей работе в деревне¹³⁴.

Отец Николай не случайно с таким возбуждением и нескрываемым удовольствием говорил о появлении в лазарете большого воинского начальника и о наградах. Дело в том, что с пострижением в монашество для него, как студента духовной академии, открывался в будущем широкий путь к церковной карьере. После окончания академии «ученого монаха» ждало назначение на какую-нибудь высокую церковно-административную должность, а через некоторое время – посвящение в архиерейский сан. Молодой иеромонах прекрасно понимал это. Вместе с тем, он понимал, что для того, чтобы продвижение совершалось успешно, нужно себя «проявить». И когда же, как не в военное время, можно было сделать это лучше всего. Через службу в военном лазарете открывалась возможность к быстрому получению наград и знаков отличий. Неспроста в одном из рассказов Черниковский пишет, что отец Николай очень любил знаки отличия, восклицая: «Как он их любил!» Однако нужно сказать, что подобное стремление к наградам среди духовенства того времени было явлением специфическим, особо развившемся при обер-прокуроре Святейшего Синода В. К. Саблере (1911–1915). Последний протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский писал, что будущий историк Русской

¹³⁴ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниковский Саул]. [Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. 6 מירופס: ספר 6 [Т. 6: Рассказы]. – «פר» אנליו: סופד «פר», 1932. – С. 67–69.

Церкви этого периода, заглянув в синодальный архив, удивится беспримерному количеству наградных дел. Награды сыпались как из рога изобилия: «архиереи, архимандриты, игумены, протоиереи, священники засыпались наградами, о которых и мечтать не могли их деды и прадеды»¹³⁵.

Действительно, при В. К. Саблере чрезвычайно разрослась категория спешных дел – «в первую очередь». И самыми спешными, как ни странно, оказывались именно наградные дела. «Чиновники Св. Синода, – писал отец Георгий, – рассказали бы множество случаев: какая часто спешка, суматоха поднималась, как оставляли все другие дела, чтобы немедленно двинуть дело о награждении какого-либо приятного сердцу В. К. Саблера иеромонаха наперсным крестом, архимандрита орденом и т. п.»¹³⁶ Примечательно, что награды главным образом приходились на долю монашествующих, отрেকшихся от мира.

Вместе с тем Шавельский вспоминал, что в «царствование» Саблера развилась «какая-то эпидемия пострижений студентов духовных академий, пострижений без счета, выбору и разбору, своего рода скачек к архиерейскому омофору»¹³⁷. Явление это, как система, позволявшая академическим постриженникам сделать быструю карьеру, воспринималось многими современниками крайне отрицательно. По сложившейся схеме «ученый монах» на пути к архиерейству сталкивался в действительности не с монастырской оградой, а лишь с великосветскими гостиными и салонами знати, что, естественно, откладывало определенный отпечаток на личность, развивая в человеке карьеризм и искательство¹³⁸.

¹³⁵ Шавельский Георгий, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – С. 110.

¹³⁶ Там же. – С. 111.

¹³⁷ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. – С. 283.

¹³⁸ Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. – С. 91–94.

– Итак, лучше, чтобы приехали генералы, – настаивал отец Николай.

– Лучше б только они, – ворчал Черниховский. – Завхоз не переваривает этих «великих» и их жен аристократок, городских барынь. Посочувствовать больному человеку они не смогут, только лишь состроят гримасы. Ведь почему я люблю простого солдата. Он просто больной и позволяет мне быть просто врачом. Я делаю то, что обязан согласно долгу и медицинским знаниям. Являюсь над ним властью. И прекрасно то, что поступающий сюда понимает: прежде всего он солдат и только потом раненый. Больной вообще – подлец и делает из врача мошенника: будь кудесником, знатоком, шарлатаном – лишь бы я поправился. Поплюешь трижды, по его мнению, что-нибудь пошепчешь, сделав вид мудреца всезнающего – тогда ты хороший. Поэтому я люблю военный лазарет: здесь у меня нет нужды в каком-то притворстве.

– Саул Гитманович, опять Вы погружаетесь в философию.

– К дьяволу, к черту! Вы, отец Николай, не нуждаетесь в философии. Вы – первый врач, то есть глава лазарета, у Вас нет другой ответственности кроме как за управление лазаретом, а я, ординатор, ответственный за лечение. И я вынужден философствовать, чтобы управляться, например, с подобным владельцем золотых погон.

– Разве не слова Цеге-фон-Мантейфеля: делай свое дело и не обращай внимания на то, что скажет генерал.

– Это хорошо на словах. Но иное дело – командир полка, раненный в грудь и плечо.

– И что из этого вытекает?

– Из этого вытекает, – возмутился Черниховский, – из этого вытекает.... А если он возьмет и скажет: встань и сделай, Саул Гитманович, «тренделенбург» – и я вынужден буду делать «тренделенбург».

Черниховский говорил о положении Тренделенбурга, в котором находится больной во время операции на органах

таза или при шоке: положение лежа на спине под углом 45 градусов с приподнятым по отношению к голове тазом.

– Откуда он вообще знает, что существует Тренделенбург? – резонно поинтересовался старший врач.

– Знает подлец. Возможно, он знает.

– В окопе слышал?

– Если он не знает – возмущался ординатор, – его жена знает. Взбалмошная.

– Саул Гитманович, как это Вы ругаете женщину, если Вы с ней не знакомы? Это ведь племянница Янушкевича.

– А разве я ее ругаю? Я правду говорю. Какого Янушкевича? Отец Николай встал и взялся за пуговицу ординатора.

– А сколько есть Янушкевичей? Янушкевич – начальник штаба Верховного главнокомандующего.

– Ах, но... если она не знает, его любимая дочь знает, слышала от своих подруг, работающих сестрами в лазаретах.

– Дорогой, откуда Вам известно, что у него есть дочери? Черниковский осекся.

– Это справедливо. Возможно, что у него нет дочерей, возможно, что у него вообще нет родственников. И поэтому он слышал от акушерки; от акушерки-еврейки. Все еврейки начинают как зубные врачи, но есть среди них и с общим медицинским образованием или акушерским. И они думают, что все знают.

– Саул Гитманович, опять Вы погружаетесь в бездну философии.

– Нет, я погружаюсь в положение танцора перед полковником. Пока я наложу ему повязку – Ткаченко подождет два часа.

– В этом нет ничего такого. Подождет. Ткаченко не медведь, не убежит в лес.

– Действительно, не убежит; до сих пор никто не знает, куда подевалась его нога.

Черниковский замолчал.

Старший врач прошелся по комнате, затем остановился и сказал:

– Саул Гитманович, гордитесь мной, у меня есть план.

Ординатор вопрошающе уставился на отца Николая.

– Я – человек хитроумный, знаю, как пустить пыль в глаза «великим». Будучи еще студентом, я работал в больнице Главного механического завода. Вы знакомы с парнями из рабочих районов?

И старший врач стал рассказывать, как пришел к нему один из таких типов, «гордый, лысый-прелысый и говорит: слушай, болен я, мне нужно остаться в больнице». Отец Николай понял, что тот обманывает, но спросил:

– Что с тобой?

– Врачу лучше знать.

– И насколько ты хочешь здесь остаться?

– На три дня!

– Иди, ложись, шельмец.

Но через некоторое время в больницу неожиданно явилась проверка. Тогда доктор Муравьев поспешил в палату:

– Ложитесь и накройте, шельмецы. Проверка в больнице. Стоните, и если спросят, скажите: нога сломана, запястье вывихнуто.

Когда зашел проверяющий, вся палата наполнилась стоном: нога сломана, запястье...

– Отец Николай, мы не в больнице Главного механического завода работаем, – вздохнул ординатор, – раненный в грудь полковник...

– Саул Гитманович, возьмите себе какую-нибудь из красивых сестер перевязать начальника штаба.

– Красивых сестер? И откуда я их возьму?

– Разве у нас недостаточно?

– Это ужас!

Старший врач несколько растерялся:

– Огласите список и посмотрим.

– Оглашаю: старшая сестра – «в покойницкой» и к тому же она корова.

– О ней я вообще не думал; не стоит брать ее в расчет вовсе – она старая.

– Я начинаю с нее, потому что иду по порядку, так как люблю порядок. Первая сестра – голландская корова...

– Но оставьте в покое первую сестру.

– Нет, я вспомнил о ней только из миролюбия, чтобы она не обиделась. Нужно уважать почтенных.

– М-м... – смутился старший врач.

– Нет, я не хотел о ней плохо отзываться. Я сказал: корова, из-за того, что она похожа на корову. Если Вы хотите определенно, скажем – «в покойницкой».

– Вы уже злитесь, Саул Гитманович, Вы спичка, а не человек¹³⁹.

Надо сказать, что по природе Черниковский был человеком застенчивым, нежным, ранимым, трогательным, но в тоже время пылким и легко возбудимым. В минуты вспыльчивости он был способен ранить других, нанося обиды направо и налево, даже не замечая этого. Но намеренно «он никогда и никого не обижал»¹⁴⁰.

– Писарева – противная, – продолжал Черниковский.

– Что Вы говорите! Человек в обличье человеческого, все на месте: высота и ширина, бедра и зад – старший врач описал в воздухе круги двумя руками.

Однако ординатор не соглашался:

– А облик...?

– Облик?

– Если бы Вы увидели ее сердитой – она как еж.

– Почему именно еж?

– Вы думаете, что у ежа душа пушистая?

– А разве у ежа вообще есть душа – Вы ее видели?

¹³⁹ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. [Черниковский Саул]. [Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. 6 דרכ: מירופס [Т. 6: Рассказы]. – «מר» סופד אנליוו: סופד «מר», 1932. – С. 69–72.

¹⁴⁰ *Оз Амос*. Повесть о любви и тьме. Пер. с иврита. – СПб.: Амфора, 2007.

– Отец Николай – я хирург, о душе пусть беспокоятся психиатры.

И Черниховский стал перебирать по очереди недостатки сестер: у той одно плечо выше другого, у этой красное лицо, от третьей дурно пахнет, и так прошелся по каждой. Отец Николай пытался урезонить коллегу, вступался за сестер, но младший врач был не в духе и все ворчал.

Выйдя из комнаты старшего врача, Черниховский увидел в коридоре высокого дородного человека в повязке, покрывающей всю грудь и правое плечо, а на левом плече висел китель, сверкающий золотым погоном. Слева раненого поддерживал какой-то офицер, справа – командир дивизии, также полковник, судя по погонам. «Вот он... Тип...», – подумал Черниховский.

Раненый сообщил, что на нем еще первая перевязка и ее не меняли со вчерашнего утра, когда он был ранен: осколок снаряда попал в него, санитар наложил первую повязку.

– Очень скверно, – ворчал под нос врач, – нет выбора. Нельзя откладывать. Если не будет требовать, перевежем сегодня вечером. Так будет лучше, зачем чтобы говорили «простые»: смотри, как ухаживают за начальником!

После ужина, согласно расписанию, начались вечерние перевязки. В перевязочной включили лампы. Комната казалась немного печальной. Помещение было чисто убрано, и пол еще блестел влагой: рядовой Викентий Завада, служащий перевязочной, только закончил свою работу.

Сестра, обслуживавшая офицерскую палату, поспешила отвести полковника в перевязочную. Она поддерживала его с одной стороны, дежурная сестра – с другой.

В лазаретном халате образ большого воинского начальника умалился и как будто весь утратил жизненность. Клетчатый халат изменил вид офицера – если бы не сказали, что он командир, то можно было бы подумать, что это простой обыватель, добрый отец семейства, с испуганным взглядом.

Офицер медленно шел по длинному коридору среди больных, подавленный сознанием того, что рана его тяжела и, возможно, смертельна. Раненые всегда испытывают потрясение после ранения, какой бы тяжести оно ни было.

Солдаты уступали полковнику дорогу и всматривались в него с уважением: офицер, раненный в грудь и плечо...

В перевязочной комнате, сидя на белом табурете, полковник со скрытым страхом осматривался вокруг. Черниховский и одна из сестер вымыли с мылом руки над переносным умывальником и вытянули их, чтобы просушить. Так как в комнате было холодно, от рук поднимался легкий пар. Пока руки обсыхали, доктор и сестра внимательно осматривали пальцы и ногти, проверяя их чистоту. Затем Черниховский подошел к офицеру и стал осматривать повязку на ране.

– Пин-цет! – скомандовал он.

И сестра, стоявшая у стола с вытянутыми обнаженными по локоть руками, подала доктору блестящий металлический инструмент.

Черниховский всмотрелся в полковника и понял, что перед ним больше нет начальника, а есть лишь несчастный человек, раненый, и он теперь во власти того, в чьей руке пинцет.

Рядом с офицером, справа и слева, стояли в белых халатах две сестры – «две сестры кокетливые». Одна из них начала снимать повязку, разматывая и ловко перекидывая из руки в руку бинт. Когда бинт был размотан, на груди остался пласт ваты. Сестра удалила и его. Открылся второй слой ваты, и под ним небольшая марля. Врач подхватил ее за верхний правый угол и удалил быстрым и легким движением. Осмотрев рану, он произнес:

– Пожалуйста... Рана не опасная, как и можно было предположить изначально.

– Есть опасность? – переспросил раненый, посмотрев на врача, а затем уставившись на грудь.

– Ваше высокопревосходительство, вы счастливчик. Только кожа пострадала до мяса. В мясо рана не углубилась. Рана чистая. Если Богу будет угодно, через две недели все придет в норму.

– Но?! – вымолвил раненый с каким-то недоверием.

– Взгляните господин полковник, наклоните голову.

Полковник прижал подбородок к груди и правым глазом осмотрел рану.

Рана длиной 15 и шириной 5 сантиметров, края неровные – вся багрово-красная, но вида здорового, с прозрачными каплями сукровицы в углублении. Неприятно было полковнику видеть жизненные соки.

– Итак, через две недели?

– Если все пойдет хорошо. По правде рана легкая – мелочь.

Рана на плече шла параллельно той, что была на груди, но оказалась более глубокой, проникающей. Во время движения – болела.

– Разве не видит полковник, что рана незначительная, слава Богу! – оживились сестры, рассматривая офицера с откровенным любопытством. – Еще две недели и полковник будет на своей службе на фронте.

Во время разговора полковник намекнул, что очень разочарован незначительностью ранения и ему будет стыдно перед подчиненными. Его – боевого офицера ввели в заблуждение:

– Проклятый фельдшер, он меня так напугал.

В палату полковник вернулся уверенным и ровным шагом. Сестра шла рядом и уже не поддерживала под руку. Солдаты, что встречались по дороге обратно, видели, как его высокопревосходительство шагает уверенно – раненный в грудь и плечо.

– Благословенно имя Господне – заключил врач, обернувшись к сестре во время мытья рук. – Он не пробудет у нас долго!

На следующее утро пришла жена полковника: увядшая и подурневшая блондинка. И, конечно же, пришла во внеурочное для посещений время. И, конечно же, была принята – в порядке исключения. Ее вид выражал испуг и признаки истерии:

– Ко мне! Ко мне! Ради Бога дайте мне видеть моего мужа. Разве он не в опасности? Разве нет? Ранен в грудь и руку?

Приходил навещать полковника и его родной брат – капитан Лев Викторович Троцкий-Сенютович, служивший по строевой части в управлении Минской бригады. Приходили также адъютант Троцкого, разные полковники со своими адъютантами, оказался среди его друзей и один генерал.

Всех их полковник принимал в добром расположении, лежа в кровати, с достоинством, не говорил много о болях и об опасности... Но все видели, что он ранен – в грудь и плечо. И находили его поведение достойным.

Черниковский ухитрялся перевязывать полковника последним, после того как уже были перевязаны все раненые и перевязочная пуста. Впрочем, тот не строго соблюдал распорядок.

Между тем врачи и сестры, будто сговорившись, обращались с ним как с тяжелораненым. Троцкий же, в свою очередь, оказался человеком приятным.

Раненые знали, что он полковник, но офицер намеренно не наводил на них чрезмерного страха. Мог обратиться к «простым» с просьбой дать ему спичку и сам предлагал солдатам папиросы.

Как-то стоял полковник Троцкий в углу коридора и разговаривал с одним из солдат запаса с ампутированной ногой и серебряным Георгием на левой стороне халата.

– Итак, ты видел его вблизи?

– Да, ваше высокопревосходительство... Вблизи... Он приблизился к краю окопа, оказавшись лицом к лицу, и тогда я увидел германа...

– А я вот германцев не видел. Я из штаба... Всего сорок дней как получил полк, не успел... Мы сидели за чаем... Вдруг – хо... И снаряд говорит: всем привет, я здесь! Пронесся осколок. Так германца я и не видел...

– Слава Богу, ваше высокопревосходительство. Все в руках Господа. А я – инвалид... Я из Курска...

Ежедневно навещать полковника приходила жена.

– Любимый мой, несчастный! – лепетала она, когда ее встречал ординатор, и делала кокетливые глаза: – Как он себя чувствует? Ради Бога? Ведь нет опасности?

– Все хорошо, все хорошо, с Божьей помощью.

– Слава тебе Господи, слава тебе Господи!

Также командир дивизии справлялся о его самочувствии:

– Слава Богу! Слава Богу!

Спустя несколько недель привел старший писарь в комнату Черниховского главноуполномоченного Красного Креста на Северо-Западном фронте графа Э. П. Беннигсена и с ним множество гостей.

– Ваше высокопревосходительство! Подпись на свидетельстве раненого... Для нашего полковника. Через день он уезжает.

– Как? Каким образом?

– Телеграмма из ставки Верховного главнокомандующего, от самого Янушкевича: он спрашивает, как здоровье Троцкого, и если нет опасности – разрешает приехать. На имя старшего врача. Кроме того, мундир уже принесли из цейхгауза...

По сути все было решено и лечащему врачу оставалось лишь подписать необходимые бумаги. Когда полковник Троцкий пришел к Черниховскому за выписными документами и благодарить за заботу, то был уже в кителе и папахе,

помещения для медицинского персонала, который пополнился еще несколькими сестрами¹⁴².

Что касается загруженности работой, то ее интенсивность в разные месяцы была неодинаковой. В октябре на излечении в лазарете находилось 97 воинов, а в ноябре – уже 140. «О работе персонала лазарета в ноябре месяце, – писал отец Николай в отчете, – могу отзываться самой высокой похвалой. Все без исключения работали вполне самостоятельно не жалея сил и здоровья; некоторые были несколько дней больны от чрезмерного утомления»¹⁴³.

Занятый административной деятельностью по управлению лазаретом иеромонах Николай большую часть медицинской работы возложил на С. Г. Черниховского. В своем ведении он оставил лишь две небольшие прекрасно оборудованные палаты, как «почетное отделение», куда попадали только те, кого отец Николай сам выбрал из раненых. Пациентами были обыкновенно раненые, за которыми не требовалось большого ухода, и их раны внешне не были видны: переломы, вывихи и пр. Однако ужас охватывал каждого, входящего в палату – вытянутые ноги, висящие в воздухе в различных сооружениях и механизмах, широкие полосы ткани, мешки с песком, доски, расположенные в зависимости от требования физики, вытянутые вверх и по диагонали руки внутри гипсовых повязок разных размеров. Питание здесь также было лучше. Отец Николай любил показывать эти палаты представителям Управления главноуполномоченного Красного Креста на фронте и другим важным визитерам как образцовые. При этом он всегда подчеркивал, что «мы заботимся не об увеличении операций,

¹⁴² 9 декабря 1914 г. в Серафимовский лазарет поступили: Александра Никитина и Мария Добрянская из запаса сестер при особоуполномоченном по Юго-Западному району, сестра Парфенова – из Харьковской общины. Впрочем, последняя из-за болезни вскоре была откомандирована обратно в Харьков. 5 февраля 1915 г. в лазарет поступили сестры Зоя Александровна Филиппова и Елена Константиновна Малевич.

¹⁴³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 119.

а о спасении частей тела; и все эти кандидаты в инвалиды, в конце концов, снова окажутся в окопах»¹⁴⁴.

Черниковский считал, что старший врач «скидывает» на него свою работу, но это было так и не так. Административная деятельность действительно отнимала много времени, сил и нервов. Помимо прочего отец Николай оказывал медицинскую помощь учащимся семинарии. Известно, что за первый год работы лазарета он амбулаторно принял 946 больных семинаристов, посетил на дому 38, сделал операции под местной анестезией 24 воспитанникам¹⁴⁵.

Как ни странно, но работы оказалось много не только медицинской, но и бумажной. Человеку со стороны трудно было даже представить, что в подвижном лазарете понадобится столько канцелярской работы. Требовалось составлять всевозможные отчеты: раз в день, раз в неделю, раз в две недели и раз в месяц. Необходимо было регистрировать поступавших и выписывавшихся, писать просьбы, требования, запросы, ответы, все виды похоронных свидетельств, свидетельства относительно души и имущества, хозяйства и довольствия, свидетельства входящим и выходящим, и прочее, и прочее, и прочее. При этом многие документы готовились в нескольких экземплярах для разных инстанций. Подобные требования были и у хозяйственной части: к складам, к Красному Кресту, к разным торговцам, составлялись отчеты о зарплатах и всех сопутствующих счетах и т. д.¹⁴⁶ «Эти счета затормозили у нас все канцелярские дела, но с помощью Божией надеюсь справиться», – писал в комитет в одном из писем отец Николай¹⁴⁷.

¹⁴⁴ שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. טשרניחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 196.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 308–308 об.

¹⁴⁶ שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. טשרניחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 202.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 150.

В общем, ситуация сложилась такая, что нельзя было и шагу ступить, чтобы он остался не записанным.

И вот, чтобы справиться с массой бумажной работы, старший врач с первых же дней привлек к ней студентов-санитаров, как людей не только грамотных, но и развитых. Несмотря на то что те поначалу буквально набросились на работу, им не доставало ни рук, ни ног. Вместе с тем недостаточно было быть образованным, нужно было, прежде всего, знать «форму» каждого свидетельства, а «книги примеров» у них не имелось¹⁴⁸. Поэтому во главе лазаретной канцелярии отец Николай поставил студента духовной академии Вячеслава Егорова – человека аккуратного, исполнительного и к тому же лучше других ориентировавшегося в бумажном делопроизводстве. Следует сказать о нем несколько слов. Родился Егоров 1 июля 1891 года в селе Опеченский Посад Боровичского уезда Новгородской губернии в мещанской семье. Рано осиротел, воспитывался у дяди, заведующего Александро-Невским рынком. В 1911 году Вячеслав окончил в Петербурге Петровское коммерческое училище со степенью кандидата коммерции. Однако отказался от карьеры коммерсанта, поскольку к тому времени уже твердо решил избрать духовное поприще. Его будущую судьбу предопределило знакомство с ректором столичной духовной академии Ямбургским епископом Сергием (Тихомировым), а также встречи с духовными светочами того времени – иеромонахом Анатолием (Потаповым) и протоиереем Георгием Коссовым. В 1911 году Егоров поступил вольнослушателем в С.-Петербургскую духовную академию, а через год выдержал вступительные экзамены и стал ее студентом. В 1913 году во время летних каникул он совершил поездку в Японию к преосвященному Сергию (Тихомирову), в то время уже епископу Токийскому, и принял предложение

¹⁴⁸ שלשים ושלושה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниховский Саул]. – תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 202.

по окончании учебы стать миссионером в Русской духовной миссии в Стране восходящего солнца. Когда началась война, Вячеслав, движимый высокими христианскими мотивами, решил испытать себя на поприще санитар-добровольца.

Занимаясь канцелярской работой, студенты-санитары вместе с тем продолжали выполнять обычные обязанности: несли ночные дежурства, ездили на вокзал за ранеными, помогали в перевязочной и пр., но уже гораздо реже. По сравнению с санитарями из нижних чинов, студенты, как вольнонаемные, находились в более выгодном положении, а с привлечением к канцелярской работе – в каком-то смысле даже привилегированном. Оттого нижние чины смотрели на «писарей» косо и не без зависти.

Единственным, кому не по душе оказалась канцелярская работа, был Федор Морозов. Он тяготился тем, что вместо оказания помощи истекающему кровью солдату, как мечтал, поступая в лазарет, ему приходится целыми днями просиживать над заполнением всевозможных бумаг. Не желая заниматься канцелярской писаниной, Морозов настоял, чтобы его освободили от этого. Он избрал для себя другую деятельность – просветительскую, «дававшую ему душевное удовлетворение» – занялся небольшой библиотекой, которую еще в Петрограде подготовил для лазарета Учебный комитет при Святейшем Синоде из книг и брошюр назидательного характера. Но вся эта литература без дела лежала на лазаретном складе. Тогда Морозов составил ее каталог и стал выдавать раненым. В свободное от дежурств время он ходил по палатам от кровати к кровати и одним, кто хотел, оставлял книги, другим, по желанию, – садился и читал вслух. Регулярно он делал сообщения о положении в стране и на фронтах, черпая информацию из местных газет и периодических изданий, присылаемых Учебным комитетом. Чтения эти всегда собирали много слушателей. Особый интерес вызывали военные сводки. С началом войны многие газеты, откликаясь на читательский спрос,

стали издавать «Экстренные приложения», содержавшие исключительно лишь «Сводку штаба Верховного главнокомандующего». Таким образом, новая сводка на пять-шесть часов опережала столичные газеты. Экстренные приложения издавали и некоторые минские газеты. Получив свежий номер «экстры», Морозов старался как можно скорее ознакомить с ее содержанием раненых и больных воинов. Новости быстро разлетались по палатам, особенно о крупных успехах русского или союзнического оружия, вызывая огромное оживление.

Но еще большее душевное удовлетворение Федор Морозов получал в перевязочной, где в свободное от общих перевязок время занимался по собственной инициативе обработкой ног больных и раненых. «Не было в теле поступающих солдат чего-либо более уродливого, чем ступни ног – по виду и по запаху, – вспоминал Черниховский. – Потому что ноги отекают от большого хождения, и также нет возможности помыть их»¹⁴⁹. Хотя каждый поступавший в лазарет солдат проходил через ванную комнату, откуда выходил вымытым и побритым, ступни, как правило, всегда оставались в неважном состоянии. Грязь с них, конечно, смывалась, но ноги оставались распухшими, желтовато-бледными, с болезненными натоптышами и мозолями. Так вот Морозов, как брат милосердия, нашел для себя занятие в том, что обрабатывал солдатам больные ноги, которыми никто специально не хотел заниматься. Он стал «любителем» этого дела и «занимался с усердием самыми зловонными ногами» – сидел и скоблил. «Как будто скоблил картофель на кухне, – вспоминал Черниховский, – найдя для этой работы наиболее подходящий нож, – нож крепкий, предназначенный для резания гипсовых повязок»¹⁵⁰. Занимался он этим делом изо дня в день, пока не приводил больные

¹⁴⁹ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – משרניחובסקי שאול [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 203.

¹⁵⁰ Там же. – С. 204.

ноги в порядок. Чтобы облегчить Морозову работу, Черниковский придумал для него специальную мазь с химическим элементом, разъедающим плоть, которая накладывалась на ночь вместе с повязкой на больные ноги для размягчения затвердевших тканей.

Поэт вспоминал, что когда он в послеполуденные часы видел в просторной перевязочной уединенную фигуру Морозова в медицинском халате среди «своего войска», ему казалось, что тот «наслаждался» своей работой.

Черниковский пишет, что Морозов очень любил свой знак об окончании Археологического института и всегда носил его на груди. Ему нравилось, что он внешне походил на знак выпускника Военно-медицинской академии, и кто не знал, принимал его за медика.

Между тем Морозов томился в Минске, не находя подходящей работы для своей деятельной натуры. «Мне очень хочется выбраться из Минских болот, – писал он профессору И. А. Шляпкину. – Работы за последнее время мало, а мне хочется работать. Ехать на войну, жертвовать всеми личными интересами, стремиться все время быть занятым одною лишь мыслью – помощи раненым братьям – вот дело всего. Или на войне, или дома, а жить в благоустроенном лазарете, с полным комфортом, лучше чем дома, в такое тяжелое время даже предосудительно, стыдно. А в Минске жизнь именно такова, особенно за последнее время. Здесь надо искать работы, а не работа ищет работника. Я не хвалю себя. Устройством чтений для раненых, и занятый местными памятниками старины я кое-как заполнял свободное время от лазаретных занятий. Но долго так будет? Чтения надоедают, что выдумать еще? Решил лучше ехать в Петроград, заняться прежней работой, может быть, готовлюсь к какому-нибудь экзамену в Университете (Западной литературе о Гете), да как-нибудь, с помощью друзей, устроюсь в лазарет, а если Бог пошлет, из Петрограда легче, все же, попасть на позиции, куда меня влечет желание.

Там, я чувствую, пригожусь более. Моя расторопность там пригодна, и я не боюсь смерти, смерти или за славу родины, или за делом милосердия к ближним истекающим кровью, – невинных страдальцев за честь родины; ради них я готов жертвовать всем и жертвую, тому Бог свидетель...»¹⁵¹.

К этому времени лазарет уже покинул Павел Зеньковский¹⁵². В прошении об увольнении он называл ряд причин: крайнее переутомление, домашние обстоятельства, болезнь близкого родственника – дяди, раненного на Западном фронте, беспорядки в имении, а также «переход в другое учебное заведение»¹⁵³.

Во второй раз

Каждый поступавший в лазарет новый раненый, кроме, конечно, «тяжелых», непременно становился объектом расспросов. Солдаты охотно рассказывали о ранениях, забывая даже про боль, пережитый страх и страдания. Иной сидит, осунувшись, с мучительным выражением на лице, а спросят его: «Как тебя зацепило?», вдруг оживится и начнет незатейливый рассказ о бое, о германцах, о ранении. Вот ефрейтор 8-го Московского Гренадерского полка Тимофей Котяев, ранен в руку под Ново-Александрией; рядовой 161-го пехотного Александропольского полка Билялетдин Зейнулин, получил ранение в бедро под Вислой; вот рядовой 49-го пехотного Брестского полка Иосиф Зильберглит с ранением в левое предплечье; бомбардир 3-й Гренадерской бригады Никифор Гришин, ранен в кисть левой руки у Красненки; штаб-трубач 50-й артиллерийской бригады

¹⁵¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 21 об.–22.

¹⁵² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 195.

¹⁵³ Там же.

Александр Кузилов, ранен в правую голень у Павловиц¹⁵⁴. И у каждого своя история, свои переживания...

Вместе с тем наряду с драматическими и героическими повествованиями встречались и довольно курьезные истории.

Одну из таких историй передал Черниковский.

Занимался он как-то работой в перевязочной, когда к нему подошла сестра одной из палат и сообщила, что поступил «новый», без признаков ранения, но больной. Спросила, куда его направить.

– Что с ним? – осведомился Черниковский.

– Говорит, что не может опустить предплечье. Очень болит. Уже третий день.

– У него есть жар?

– Я пока не мерила; видимо, есть.

– Отведи его во вторую палату. До моего осмотра, если есть у него жар, дай ему порцию натрия салициликум¹⁵⁵. Сейчас я очень занят.

Вечером Черниковский пошел по палатам на плановый осмотр. Во второй палате он подошел к кровати «нового». Перед ним сидел молодой низкорослый еврей с «нежным лицом». Его предплечье заметно выдавалось из-под повязки. Солдат с любопытством всматривался во все происходившее вокруг и, видимо, немного боялся. Врач заглянул в карточку: рядовой Лейзерович, 16-й стрелковый полк... «Если бы не соответствующие годы, – подумал Черниковский, – конечно, не попал бы в войско “царя-батюшки” этот малюпак еврей; очень сомнительно, что он был готов служить “левофланговым” в роте шестнадцатого стрелкового полка – последним солдатом в ряду на левом фланге. Но во время войны все по-другому!»

– Долго ты болеешь?

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 16–18.

¹⁵⁵ **Natrium salicylicum** (лат.) – натриевая соль орто-оксibenзойной кислоты; применяется в качестве анальгезирующего, жаропонижающего и противовоспалительного средства.

- Нет, господин доктор, только третий день.
- Что с тобой?
- Не могу, это, значит, левое плечо, не могу двигать им; болит.
- У тебя был жар?
- Я не знаю.
- Раньше была боль в плече?
- Нет, никогда.
- Ты прибыл из окопов?
- Нет, только это, сейчас шел с моим эшелоном, по пути... В окопе я пока не был.

Лейзеровича доставили в Серафимовский лазарет со станции Молодечно¹⁵⁶, прямо с поезда, который перевозил его на фронт.

- И все-таки, может, ты лежал на земле? – продолжал расспрашивать Черниховский.

- Да, господин доктор, я лежал на земле.
- И от этого болит плечо?
- От этого, да, точно от этого.

Это он верно сообразил, что плечо болит после лежания на земле... И Лейзерович рассказал, что на земле лежал всего несколько минут, может, только минуту, но тотчас вскочил и пошел.

Черниховский пытался выяснить, было ли место, на котором он лежал, сырым, или он лежал близко к воде, и вообще – как оказался лежащим на земле, если ехал на поезде, как рассказывал.

И тогда юный солдат поведал, что же с ним приключилось:

- Я, то есть две последние роты полка, стрелковый полк номер шестнадцать, мы ехали позавчера в поезде около станции и остановились ночевать. Нам нужно было ждать там всю ночь.

¹⁵⁶ **Молодечно** – местечко Вилейского уезда Виленской губернии; ныне город в Минской области Республики Беларусь.

Собрались местные к поезду и начали разговаривать с парнями. И местные рассказали, что в то утро летали немецкие летчики и бросали бомбы. Они остались лежать в поле, недалеко отсюда, всего две-три версты. Тогда парни захотели посмотреть, какие они бомбы, и двое из них пошли смотреть; примкнул к ним и я. И когда мы уже отделились от станции в поле, натолкнулись на большое стадо, и на нас напали собаки, сильные и наглые и страшные, а пастухи далеко отсюда. Собаки напали на нас, и мы оказались в беде... Мы вертелись во все стороны...

Лейзерович рассказывал, и все находившиеся в палате слушали историю, как трое русских солдат – «героев», совершавших путь на фронт – повернули тыл, все трое, – к их стыду! – и начали убегать со всех сил и на всех парах, пока не отстали от них пастушьи собаки. Во время этого бегства рядовой Лейзерович повалился на землю, растянувшись во всю длину своего маленького роста, – отсюда у него и было право утверждать, что лежал он на земле. Когда он вернулся в вагон поезда, плечо не слушалось...

Черниковский вспоминал, что давно не смеялись так во второй палате, как смеялись в тот раз: «Смеялись сестры, смеялся дежурный солдат, что стоял на входе в палату, смеялся брат милосердия библиотекарь лазарета, смеялись все раненые»¹⁵⁷.

– Ха-ха-ха! Все скажут герой!

От смущения «герой» не знал, что ответить...

– Сними рубашку, сестра поможет, – сказал Черниковский. – Я уже знаю верный диагноз.

– А ты, Завада, – обратился он к солдату, помогавшему при перевязках, – подойди ко мне, помоги вернуть плечо этого на место.

Лейзерович сидел с несчастным видом. Плечевой свод бездействовал, само плечо было выгнуто, рука отведена,

¹⁵⁷ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – טשרניחובסקי שאול [Черниковский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 178–180.

плечо выглядело увеличенным, ось руки подалась в сторону клювовидного отростка, головка плечевой кости выскочила, и, воткнувшись под клювовидный отросток, застряла.

Черниковский вставил руку в суставную впадину круговым движением по Кохеру¹⁵⁸ и хорошенько зафиксировал ее повязкой по Дезо¹⁵⁹.

Затем он сообщил «герою», что тот останется в лазарете на какое-то время, после чего задержится еще известное время для упражнений, чтобы не повторился, Боже упаси, вывих руки. Потом его эвакуируют из прифронтового района вглубь страны.

Черниковский также сказал Лейзеровичу, что он уже не вернется на фронт и ему теперь нечего бояться. «Раненый» смотрел на доктора и не верил своим ушам. То, что не смогли сделать врач, писарь и деньги – сделала простая пастушья собака...¹⁶⁰

Лейзеровичу в определенном смысле повезло – случайно полученная травма спасла его от окопов. А между тем среди поступавших в лазарет больных и раненых встречалось немало тех, кто сам всячески старался задержаться в лечебных заведениях, чтобы как можно дольше продлить отлучку с фронта. Правда, делали они это довольно примитивно, в наивной надежде обмануть кого-то: жаловались на плохое самочувствие, создавали видимость болезненных симптомов. Однако опытный врач легко распознавал симуляцию. Впрочем, среди пациентов попадались и такие, кто проявлял в подобном деле «чудеса» находчивости, как, например, рядовой Соломон Фельдман.

¹⁵⁸ **Кохер Эмиль Теодор** (1841–1917) – швейцарский хирург, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1909 г. «за работы в области физиологии, патологии и хирургии щитовидной железы».

¹⁵⁹ **Дезо Пьер Жозеф** (1738–1795) – французский анатом и хирург, один из основоположников клинической хирургии.

¹⁶⁰ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – שרניחובסקי שאול [Черниковский Саул]. תל-אביב: הרצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 180–181.

Поступил он в Серафимовский лазарет осенним утром, сразу в перевязочную комнату. В одном нижнем белье стоял Фельдман с растерянным видом на пороге и молча с изумлением разглядывал окружающую обстановку. На него сразу даже не обратили внимания, так как весь персонал занимался другими ранеными. Работы было столько, что не хватало времени даже на разговоры.

– Что? – спросил через некоторое время доктор Черниковский вновь прибывшего.

Фельдман приблизился к нему мелкими шажками, хромая на бедро.

– Я ранен, пуля все еще во мне, так сказал санитар.

– Куда ты ранен?

Подошла сестра милосердия и стала задирать солдату рубаху.

– Сюда, в зад, – показал раненый.

– Смотри, нашел подходящее место, храбрец какой! Ранен в зад! – весело воскликнул Черниковский.

И все находившиеся в перевязочной солдаты заулыбались.

Однако реплика врача задела Фельдмана, ему показалось, что в нем подозревают самострела. Солдат обиделся и запротестовал:

– Не подумайте, господин врач, о каком-либо умысле. Мы попали в засаду... Половина роты осталась в роще... С пулемета поливали нас сзади...

– Не обижайся, дорогой человек! Нагибай спину, нагибай больше!

Вот входное отверстие. Маленькая красная отметина. Доктор ощупал кожу и обнаружил в мякоти твердый предмет. Несомненно, это была пуля.

Черниковский мгновенно принял решение: он не собирался тратить на такое пустяковое ранение много времени,

а тем более анестезию¹⁶¹. Врач сделал знак сестре, известный и хорошо понятный ей. Она протянула скальпель, держа наготове пинцет и кусок ваты. Вторая сестра тем временем обработала кожу вокруг раны йодным раствором.

– Братец, нагибай спину еще ниже, нагибай хорошо!

Острый скальпель быстро вошел в живую плоть, через маленький разрез обнажился край пули. Не успел раненый ойкнуть, как Черниховский уже держал перед его глазами пинцет с пулей.

– Что с тобой, что кричишь, вот пуля!

Раненый замолк. Большими и испуганными глазами он смотрел на пулю, небольшую массу металла в блестящей оболочке, она его завораживала.

– Немецкая! – со знанием дела подтвердили раненые. – Она немецкая!

По глазам солдата Черниховский догадался, что тот хочет потрогать пулю.

– Доктор, дайте мне. Дайте мне, – залепетал Фельдман.

– Ай, ай! Что ты как маленький...

Но раненый страстно желал ощупать пулю, рассмотреть ее со всех сторон. Ведь она его! Его! Из его раны!

К счастью, пуля не задела кость. Все хорошо: пройдет две недели и рана заживет. После этого необходим легкий массаж. А лучший массаж в данном случае – это ходьба. Затем еще две недели положены больному для восстановления, и еще он получит две недели отдыха как выздоравливающий.

По прошествии положенного времени рядовому Фельдману предстояло предстать перед врачебной комиссией. Обычно доктор С. Г. Черниховский накануне вечером объявлял в палатах, кому предстояло завтра явиться в комиссию. Подобные объявления вызывали в палатах оживленное

¹⁶¹ В Серафимовском лазарете для серьезных операций применялся смешанный геданол-хлороформовый наркоз, мелкие же операции производились под кокаином или хлорэтилом.

брожение. Те, чьи фамилии назывались, сидели, как правило, удрученные, уставившись друг на друга, делились тревогами. Другие старались их подбодрить, давали советы, как вести себя и что говорить врачам.

В день прихода комиссии вызванные в нее собирались в кружок, волновались. Ведь комиссия имела репутацию очень строгой. Ее председатель Орлов, как уже говорилось, видел в больных и раненых лишь симулянтов, пришедших обмануть врача.

И вот перед самым началом работы комиссии к Черниковскому подошел Фельдман и объявил:

– Господин доктор, я опасаюсь, что у меня в ступне тоже есть пуля. Да, мне кажется, что там есть пуля.

– А почему ты до сих пор молчал?! – изумился Черниковский.

Солдат объяснил, что почувствовал пулю только теперь, когда начал ступать на ногу как следует.

Сестра, находившаяся рядом, сняла раненому носок, и врач действительно нащупал в ступне пулю: под самой кожей между большим пальцем и мизинцем.

– Приходи завтра, извлечем ее. Ты свободен от проверки.

Лицо Фельдмана сияло, хотя он и старался не показывать радости. Соседи по палате смотрели на «смышленного еврея» с завистью.

Пулю извлекли. Прошло еще шесть положенных недель лечения.

Фельдман ходил всегда хорошо, когда рядом никого не было из медицинского персонала. Но сразу начинал хромать с мучительным выражением на лице, когда появлялся врач, сестра или санитар.

И вот Черниковский снова объявляет в палате о предстоящей проверке, называя и фамилию Фельдмана:

– Нет у тебя еще пули? Ты знаешь, братец, кто такой Орлов? Дело проказливое у него не пройдет.

Комиссия уже в лазарете. Одного за другим начинают вызывать раненых. Сестра делает свое дело: поднимает

рубаху, закатывает рукав, снимает носки, удаляет повязку и тому подобное. Орлов бросает на раненого подозрительный и злобный взгляд, мол: меня не обманешь, я видел симулянтов и поумнее тебя... Черниковский кратко рассказывает историю болезни, состояние раненого на текущий момент, делает свои предположения.

Подошла очередь Фельдмана. Когда Черниковский кратко представил историю болезни, Орлов повернулся к нему и, уставившись изучающим и испепеляющим взглядом, бросил:

– Как сейчас твоё состояние?

– Изумительно хорошо, Ваше превосходительство! – бодро ответил Фельдман.

Орлов остался доволен: симулянт так не отвечает, а обычно жалуется на боли и плохое самочувствие.

– Сделай несколько шагов!

Глаз у Орлова наметанный, его не проведешь, но...

– Видится мне, что ты чуть-чуть хромаешь – ещё шагай!

– Конечно, ты ходишь хромая, – убеждает присутствующих Орлов.

И чем больше Фельдман шагал по комнате, тем «очевиднее» становились последствия его ранения.

– Конечно, ты ходишь хромая, – решительно заявил Орлов.

В конце концов, Фельдман получил ещё два месяца лечения!

Если бы раньше ему пообещали хотя бы месяц в команде выздоравливающих, то его счастью не было бы конца. Но два месяца!.. Такого оборота не ожидал никто.

«Хитрый еврей, лопнешь, мать твою, уклонист», – злобствовали в его адрес товарищи по палате¹⁶².

Среди череды проходивших через Серафимовский лазарет больных и раненых случались встречи, производившие

¹⁶² שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. תשרניחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 168–172.

неизгладимое впечатление. Одну из таких встреч, оставивших глубокий след в памяти, описывал С. Г. Черниховский.

Как-то в лазарет поступили трое солдат и офицер, раненные в глаза. У солдат повязки закрывали тот или иной глаз, а у офицера были забинтованы оба глаза. Он шел, опираясь на сопровождавшего санитар.

Не прошло и часа, как вновь прибывших уже привели помытых и переодетых в перевязочную. Осмотр вел Черниховский. Глаз одного был сильно поврежден, полностью утратил способность видеть, заметно выдавался и был полон застывшей крови. Солдат знал, что его глаз потерян. Об этом ему сказал еще санитар, оказывавший первую помощь. У двоих других оказались легкие ранения около глазного яблока, не угрожавшие зрению. А вот офицеру не повезло – пуля прошла оба глаза. Роговица полностью была разрушена, он навсегда потерял зрение.

Солдаты угрюмо молчали. Черниховский сказал им:

– Идите с миром!

Офицер, сидя на стуле, бормотал дрожащим голосом:

– Доктор, есть надежда?... Что я теперь буду делать? ... Меня не будет в армии... среди мобилизованных... я ученый лесовод... больше я ничего не изучу... у меня жена и двое сыновей... а сейчас...

Но, к сожалению, надежды у него не было. Он ослеп. После осмотра беднягу отвели в офицерскую палату.

Всех четверых оставили в Серафимовском лазарете, хотя в нем и не имелось специалиста по глазам. Однако вскоре в лазарет пришел молодой врач караим по фамилии Казас¹⁶³

¹⁶³ **Казас Илья Исаевич** (1874–1948) – врач-офтальмолог. Родился в Санкт-Петербурге. Учился на медицинском факультете Киевского университета Св. Владимира. Работал в глазных клиниках Л. Г. Беллярминова и В. П. Филатова. В 1912 г. в Военно-медицинской академии защитил диссертацию на степень доктора медицины на тему «К патологии метил-алкогольного амавроза». В Первую мировую и Гражданскую войны работал в военных госпиталях. С 1922 г. профессор и заведующий кафедрой Днепропетровского медицинского института. Автор около 100 научных работ по офтальмологии, из которых 25 посвящены проблеме сифилиса глаз. Большой популярностью пользовались учебники Казаса «Основы терапии глазных болезней» и «50 примеров назначения очков».

и объявил: «Главный врач госпиталя номер 264 специально для глазных болезней, приват-доцент такого-то университета...» Он попросил показать ему всех больных глазами, если таковые имеются. Доктору Казасу привели недавно поступивших четверых с ранением в глаза. Хотя было ясно, что двоим зрения не вернуть, а с легкоранеными особых проблем нет, Черниковский все же решил отправить их в специализированный госпиталь. «Можно, конечно, оставить их всех здесь, – думал он, – но зачем мне, чтобы были после этого возмущения и разговоры, мол, если бы мы попали в руки специалистов, тогда... кто знает... тогда несомненно, что не случилось бы с нами то, что случилось». И особенно нужно было дать надежду этому бедняге – ученому лесоводу.

На следующий день, после оформления необходимых документов, всех четверых отправили в сопровождении санитаров в глазной госпиталь.

Прошло время. Как-то в один из дней Черниковский, вернувшись в лазарет из загорода, узнал, что тридцать два человека, из кандидатов к отправке, уже перевезены на станцию на эвакуационный пункт. Об этом сообщил «денщик» Черниковского, солдат из санитарной команды, человек представительного вида, с окладистой седеющей бородой, работавший до войны казначеем в одной из церквей города Курска.

– Невозможно чтобы они уехали, а я не попрощался с ними! Когда отправка? – забеспокоился доктор.

Из канцелярии он позвонил на эвакуационный пункт и узнал, что отбытие эшелона через полтора часа. Черниковский немедленно приказал запрячь лошадей и отправился на станцию.

Все «его» теснились в одном бараке: кто сидел на корточках, кто стоял, «тяжелые» лежали в носилках. «Невозможно представить ту радость и возбуждение “эвакуантов”, когда они встретили меня», – вспоминал Черниковский. Один

сжимал руку, другой целовал, третий благословлял, кто-то просил фото на память. Попрощавшись таким образом смущенный и взволнованный Черниховский направился к выходу. Но только он открыл дверь, как его окликнули:

– Ваше превосходительство, подождите, пожалуйста! Здесь еще один раненый желает поговорить с Вами отдельно.

– Кто это?

– Сию минуту.

К Черниховскому подошел человек в больших черных очках, опираясь на руку солдата.

– Господин доктор!

Врач молча смотрел на него.

– Вы, доктор, не признаете меня? Видите, господин доктор, у меня нет глаз, но уже значительно обострились мои чувства. Я узнал Вас по голосу. Я был в Вашем лазарете три дня. Два месяца назад... Я ученый лесовод. Я узнал Вас.

– И как сейчас, господин офицер?

– Мои глаза? Ничего не подделаешь... Если бы меня ранили в голову, было бы еще хуже. Я уже читаю... И имею большое удовольствие. Во второй раз прочел «Му-му» Тургенева. И только сейчас я получил удовольствие от произведения.

– То есть как это Вы читаете?

– С помощью азбуки для слепых. Еврейка приходила в госпиталь, и она научила меня, благодетельница. И я еще раз прочел «Му-му».

«Мое сердце сжалось, – вспоминал Черниховский. – Столько искалеченных войной прошло передо мной, и никогда мое сердце не сжималось так, как оно сжалось от рассказа слепого, который еще раз прочел рассказ Тургенева... Во второй раз...»¹⁶⁴

¹⁶⁴ שלשים ושלשה ספורים [Черниховский Саул]. – שורן וסוקן [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת תל-אביב, 1942. – С. 172–174.

В заботах о духовном

Помимо медицинского обслуживания раненых и больных воинов иеромонах Николай совместно с руководством семинарии старался проявлять заботу и об их духовной жизни, обращая вместе с тем внимание и на организацию досуга.

В первое время после прибытия в Минск отец Николай старался как можно чаще служить в семинарской церкви, которая находилась на втором этаже, как раз там, где располагались палаты. В алтарники он взял рядового Василия Дубова из санитарной команды. По внешности и характеру Дубов вполне соответствовал своей фамилии: габаритами, силой, «выражением лица, размерами частей тела и недостатком гибкости и ума». Впрочем, это был честный и простой малый.

Отец Николай, по свидетельству Черниховского, любил совершать богослужения. Однако большинство сестер и солдаты в храме практически не бывали. Чаще других службы посещала сестра, заведовавшая аптекой¹⁶⁵.

Видя, что богослужения почти не посещаются, отец Николай еще в октябре пригласил в лазарет на должность штатного духовника иеромонаха Ювеналия (Каролевича)¹⁶⁶, казначея Минского архиерейского дома. Сам же стал заниматься в основном административной работой, служа лишь в воскресные и праздничные дни. В одном из отчетов старший врач писал об иеромонахе Ювеналии: «...по своей высокой духовной и патриотической настроенности и умению общаться с простолюдином, из среды которого имеется подавляющее большинство раненых во вверенном

¹⁶⁵ יבחק שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниховский Саул]. [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. מירופס: 7: דרכי [Т. 7: Рассказы]. — «ריעצה לעופה» תל-אביב: סופד [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. — С. 91.

¹⁶⁶ Ювеналий (Каролевич), иеромонах — монашество принял 17 февраля 1906 г., в число братии Минского архиерейского дома поступил 24 ноября 1912 г.

мне лазарете, он является для нашего лазарета человеком незаменимым»¹⁶⁷.

Не совсем понятно, почему отец Николай пригласил в лазарет духовником молодого иеромонаха, в то время как в семинарском корпусе проживал официальный духовник семинарии и духовенства города Минска – протоиерей Владимир Плышевский. Это был человек уважаемый и многоопытный, почти тридцать лет прослуживший в сане и пятнадцать лет семинарским духовником. Он был еще не стар, 56-ти лет, и вполне мог бы выполнять на месте, в семинарии, обязанности духовника лазарета. К тому же отец Владимир считался настоятелем семинарской Иоанно-Богословской церкви¹⁶⁸. Но, возможно, именно это обстоятельство и послужило поводом для каких-то разногласий со стороны иеромонаха Николая, поскольку храм теперь считался лазаретным.

С 25 ноября в лазарете было заведено правило, по которому утренние и вечерние молитвы, а также молитвы перед приемом пищи больные и раненые читали и пели вместе с санитарями. Кроме того, пациенты периодически исповедовались и причащались в лазаретной церкви. В большие праздники тех, кто не мог двигаться без посторонней помощи, но хотел побыть на богослужении, обычно переносили в семинарский актовый зал, отделенный от церкви широкими дверями. Когда двери отворялись, зал становился как бы частью храма.

26 ноября в Серафимовском лазарете торжественно отметили праздник Георгиевских кавалеров – день учреждения императорского военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия. Накануне вечером старший врач иеромонах Николай и духовник иеромонах Ювеналий отслужили

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 116.

¹⁶⁸ Плышевские – православные священно- и церковнослужители Беларуси XVIII–XX веков. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2008. – С. 222–223.

в лазаретной церкви всенощное бдение и панихиду по павшим в боях воинам. Во время богослужения присутствовал в полном составе персонал лазарета, а также почти все раненые. При этом произошла очень трогательная сцена, вызвавшая у присутствовавших слезы умиления. При первых звуках зауспокойного пения все раненые, которые во время богослужения сидели, сползли со своих мест и «с горячей мольбой устремили глаза к иконам». «Голос служащего священника, – описывал эту сцену старший врач, – умиленного этим, зазвучал яснее, и зауспокойное богослужение приняло торжественный характер, печаль соединилась с надеждой на небесную награду, ожидающую павших за Веру, Царя и Русь воинов»¹⁶⁹. В день праздника иеромонах Николай совершил литургию и молебен в присутствии персонала, раненых и большого числа богомольцев. Тех больных, которые «по тяжести страданий» были лишены возможности присутствовать в церкви, в предшествии хора священник поздравлял с праздником по палатам, осеняя крестом. Раненые, по отзывам, чувствовали себя в этот день особенно хорошо. Затем для них был устроен праздничный обед, а вечером «семейный концерт», давший многим возможность на время забыться от переносимых страданий. Вначале был исполнен гимн, затем красиво и приятно зазвучали русские народные песни... «Радостные улыбки на суровых лицах воинов и громкое хлопанье в ладоши было наградой исполнителям за доставленное удовольствие защитникам святой Руси», – писал в отчете отец Николай¹⁷⁰.

Самым активным образом подключились помогать в лазарете воспитанники семинарии. Они образовали дружины для переноски прибывавших в Минск раненых с железнодорожных вокзалов в местные лазареты. Большей частью

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 119–119 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 119 об.

учащиеся переносили их в свой Серафимовский лазарет, а также в лазарет в Архиерейском доме и госпиталь в женском училище духовного ведомства. Очевидцы рассказывали, что семинаристы, перенося раненых в холодную погоду и слыша их жалобы, снимали верхнюю одежду и укрывали солдат, сами оставаясь в одних тужурках. Расстояние же до лазарета приходилось преодолевать неблизкое – около четырех верст. При этом семинаристы старались переносить раненых так, чтобы меньше растрясать, а по дороге угощали их разными лакомствами.

В самом лазарете некоторые семинаристы с разрешения отца Николая и благословения епископа Митрофана исполняли различные поручения: помогали делать перевязки, работали в канцелярии¹⁷¹, занимались свертыванием бинтов и пр. Для развлечения и утешения раненых семинаристы читали им газеты, а иногда семинарский хор и оркестр балалаечников устраивали концерты. До конца 1914 года были даны три хоровых и два оркестровых концерта. Вместе с семинаристами в утешении раненых участвовали и дети – ученики образцовой школы при Минской духовной семинарии. Вместе с заведующим, священником Игнатием Казакевичем, малыши неоднократно приходили в лазарет, читали раненым стихи, пели песни патриотического содержания, а на праздник Рождества явились со звездой. Приходы детей особенно радовали раненых. «Своим присутствием, – писал отец Николай, – они вызывали хорошее и теплое воспоминание, а у некоторых и слезинки на грубелых лицах героев»¹⁷².

В Рождественские праздники для раненых устроили елку и раздали подарки: теплые фуфайки, рубахи, папахи,

¹⁷¹ Писарями в канцелярии лазарета долгое время работали: ученик Минской духовной семинарии Дмитрий Николаевич Черняковский (одновременно состоял санитаром в лазарете при минском Архиерейском доме, а также солдат Полубинский.

¹⁷² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 250 об.

портсигары, кошельки и другие необходимых в солдатском быту предметы. Каждый раненый получил кисет, присланный в лазарет детьми Петроградского Гаваньского приюта¹⁷³ и Т. П. Жукович. Персонал и оставшиеся на праздники семинаристы одаривали раненых гостинцами: яблоками, пряниками, леденцами, орехами. Для развлечения раненых привезли патефон и волшебный фонарь¹⁷⁴.

2 января 1915 года в день памяти преподобного Серафима Саровского Святыми Таинами причастилось 73 раненых. Вечером для них устроили чтение «из русской истории» со световыми картинами и концерт учеников образцовой школы, исполнявших русские патриотические песни.

Чтение, по всей видимости, устроил студент Федор Морозов из тех картин (150 снимков), которыми он чуть позже проиллюстрировал свое сообщение о древних новгородских памятниках в Минском церковно-археологическом обществе. Вот что писал Морозов об этом профессору И. А. Шляпкину: «Минчанам очень понравилось мое сообщение..., они сроду не видели такого искусства, особенно шитья и мои снимки совершенно их поразили. <...> Если есть возможность быть полезным для раненых, я стараюсь быть духовно полезен вообще, для ближних»¹⁷⁵. Доклад, сделанный в церковно-археологическом обществе, действительно оказался настолько успешным, что Минский епископ Митрофан попросил Морозова повторить выступление для учащихся духовной семинарии и женского епархиального училища.

Кроме обслуживания лазарета и развлечения раненых семинаристы принимали участие также и в религиозной жизни лечебного заведения. Разделенные на очереди по

¹⁷³ Заведующий Гаваньской двуклассной церковно-приходской школой священник Павел Ивановский доставил в лазарет от учащихся, учащихся и их родителей: 17 рубашек, 17 кальсон, 12 теплых фуфаяк, 17 полотенец, 2 наволочки, 1 простыню, 10 пар теплых чулок, 12 носовых платков, 1 салфетку, полфунта чая и фунт сахара, 48 кисетов с табаком, 1 макинтош и разные газеты.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 250 об.

¹⁷⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 19.

10–12 человек они ежедневно участвовали пением и чтением при совершении ранних литургий, а также всенощных бдений в семинарской церкви. В случае смерти кого-либо из раненых семинаристы участвовали в их отпевании и провожали на кладбище в тех же группах, которые несли очередь ежедневного богослужения.

Помимо Серафимовского лазарета семинаристы обслуживали и некоторые другие лечебные заведения Минска. Они организовали четыре хора, которые пели всенощные бдения под воскресные и праздничные дни в лазарете служащих Министерства внутренних дел, в полевом запасном госпитале № 261, в госпитале № 7 Полтавской общины Красного Креста, в госпитале Московской Александринской общины Красного Креста, в церкви Святого Александра Невского при военном кладбище и в церкви 2-го и 4-го полевых сводных госпиталей¹⁷⁶. Причем делалось все это с большой охотой и любовью.

Иногда Серафимовский лазарет навещал архиепископ Минский Митрофан и даже служил в семинарской церкви литургию. Кроме него лазарет посещали Минский губернатор А. Ф. Гирс, вице-губернатор Н. С. Ченыкаев, особоуполномоченный Русского общества Красного Креста доктор К. А. Вальтер и его помощник князь Ухтомский, член Государственной Думы священник Вячеслав Якубович, член Государственного Совета Г. А. Лошкарев, член комитета Красного Креста духовно-учебных заведений В. Н. Самуилов. Председатель комитета, преосвященный Сергей (Страгородский) переслал из Петрограда для раненых Евангелия.

Серьезную профессиональную помощь лазарету оказывал профессор Карл Антонович Вальтер¹⁷⁷ – известный

¹⁷⁶ Наши дети и война // Минские епархиальные ведомости. – 1915. – № 4. – С. 102–103.

¹⁷⁷ **Вальтер Карл Антонович** (1867–1918) – немец по происхождению. Окончил Медико-хирургическую академию. Работал хирургом-ассистентом Обуховской больницы и в 1895 г. защитил диссертацию доктора медицины. В 1904 г. врач амбулатории и подготовительных курсов С.-Петербургского попечительства о сестрах милосердия, руководитель клиники училища лекарских помощников и фельдшеров, член Русского

хирург. К нему регулярно обращались за указаниями и консультациями, а в трудных хирургических случаях он сам проводил операции. По совету Вальтера в Серафимовский лазарет также приезжали консультировать опытные хирурги: заведующий минским лазаретом чиновников Министерства внутренних дел Федор Казимирович Кодис¹⁷⁸ и заведующий лазаретом Земского союза при питательном пункте на Виленском вокзале – Н. И. Гуревич. Несколько раз среди сестер милосердия работали волонтерками княжна Щербатова и княгиня Ухтомская.

Особые торжества

Особыми торжествами лазарета сделались дни памяти святого Серафима Саровского 2 января и 20 июля, но еще более – день тезоименитства Августейшей покровительницы Великой княжны Татьяны Николаевны – 12 января. Именно к этому дню отец Николай всегда старался снискать

хирургического общества им. Пирогова, член совета Общества помощи недостаточным (т. е. бедным) больным образованным женщинам, главный врач больницы общины Св. Евгении. В 1909 г. старший хирург больницы общины Св. Евгении, председатель подготовительных курсов сестер милосердия Красного Креста, преподаватель училища лекарских помощников и фельдшеров, товарищ председателя совета Сестрорецкой детской санатории им. Колачевской и попечительного комитета о сестрах милосердия. В 1914–1917 гг. особоуполномоченный Красного Креста на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. В 1917 г. действительный статский советник, старший ординатор больницы, председатель Сестрорецкой санатории и попечительного комитета. Умер в январе 1918 г. от сердечного приступа. Автор работ: «К казуистике проперитонеальных грыж» (СПб., 1894), «Острый остеомиелит длинных трубчатых костей. Дис. на степ. д-ра мед.» (СПб., 1895), «Случай забрюшинного нарыва, сообщавшегося с просветом S. Romani» (СПб., 1896), «Демонстрация двух препаратов из области хирургии почек» (СПб., 1901) и др.

¹⁷⁸ **Кодис Федор Казимирович** (Куодис Теодор Казимирович) (12.01.1861–09.07.1917) – литовец по происхождению. Доктор медицины Страсбургского университета (1889), Военно-медицинской академии (1903). Окончил медицинский факультет Лейпцигского университета. Заведующий кафедрой патологии и патологической анатомии Вашингтонского университета в г. Сент-Луис (США) (1896–1901). Хирург Минской губернской больницы (с 1904 г.). С 1914 г. – заведующий лазаретом Земского союза при питательном пункте на Виленском вокзале. Автор новых методов хирургических операций. Автор работ: «Переохлаждение животного организма. Дис. на степ. д-ра мед.» (СПб., 1903); «О числе пищевых единиц в больничном пайке Минской губернской земской больницы» (Минск, 1914).

особое внимание Августейшей покровительницы к персоналу лазарета.

Так, 30 декабря 1914 года иеромонах Николай направил на имя секретаря императрицы графа Я. Н. Ростовцева официальное письмо с просьбой исходатайствовать у Великой княжны Татьяны награды младшему врачу С. Г. Черниховскому, заведующему хозяйством капитану С. П. Васильеву и духовнику лазарета иеромонаху Ювеналию. Черниховского старший врач просил представить «за отлично-усердную службу и труды, понесенные в период войны» к ордену Святого Станислава 3-й степени (для нехристианского исповедания)¹⁷⁹. Этот орден, жалуемый лицам «нехристианского исповедания», отличался тем, что вензелевое изображение имени Святого Станислава (SS) в центре ордена заменялось черным имперским орлом. Завхоза предполагалось наградить орденом Святой Анны 2-й степени, так как он уже имел младшие степени орденов Станислава и Анны, а духовника – наперсным крестом, жалуемым от Святейшего Синода. Вместе с тем относительно иеромонаха Ювеналия отец Николай прибавлял: «...если бы этот достойный иеромонах имел бы образовательный ценз, я принял бы смелость ходатайствовать пред Вашим Сиятельством о награждении его саном архимандрита»¹⁸⁰. Награды отец Николай желал приурочить непременно к 12 января.

Конечно, старший врач наивно полагал, что дело о наградах можно будет устроить менее чем за две недели. И действительно, вопрос этот решился очень нескоро...

День празднования тезоименитства Августейшей покровительницы отец Николай постарался обставить с возможно большей торжественностью: распорядился украсить семинарию, разослал приглашения важным особам, позаботился о хорошем угощении и даже выхлопотал у Минского

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 28, 30 об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 28 об.

архиерея отмену занятий для семинаристов. Накануне он совершил в семинарской церкви всенощное бдение в со-
служении духовника лазарета и заведующего образцовой
школой в присутствии раненых воинов, воспитанников
семинарии и городских богомольцев. На следующий день,
12 января, здание семинарии украсилось флагами. Ко вре-
мени литургии в лазарет прибыл Слуцкий епископ Фео-
филакт, встреченный ректором семинарии протоиереем
Иоанном Язвицким и иеромонахом Николаем. За богослу-
жением присутствовали Минский губернатор с супругой,
начальник штаба Минского военного округа генерал-май-
ор В. Н. Минут, председатель Минского военно-окружного
суда генерал-лейтенант В. А. Арбузов, комендант города
барон В. Ф. Остен-Сакен, вице-губернатор Н. С. Ченькаев
с супругой, помощник особоуполномоченного Российского
общества Красного Креста князь Л. Ухтомский с супругой,
губернский врачебный инспектор С. Н. Урванцов, уездный
предводитель дворянства А. С. фон Мореншильд, началь-
ница Минского женского училища духовного ведомства
М. А. Краузе, генерал-лейтенант Н. А. Кованько, княжна
Щербатова, главный врач губернской Земской больницы
И. У. Зданович, старшие врачи лазаретов Красного Креста,
сестры милосердия, директор народных училищ П. Г. Со-
колов, семинарская корпорация, смотритель духовного учи-
лища И. Е. Зенькевич и другие представители губернского
общества.

Отсутствовавший на празднике по делам службы доктор
К. А. Вальтер прислал телеграмму: «Сердечно поздравляю
лазарет с торжественным праздником, больным желаю ско-
рого выздоровления, всему персоналу полного удовлетво-
рения и успеха в дружном труде на пользу святого дела»¹⁸¹.

¹⁸¹ Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семействам. Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений // Прибав-
ление к Церковным Ведомостям. – 1915. – № 4. – С. 108–109.

Вечером того же дня для раненых устроили чтение со световыми картинами при участии хора учеников образцовой школы.

В ответ на сообщение о праздновании в лазарете памяти мученицы Татьяны и поздравления с днем тезоименитства Великая княжна откликнулась телеграммой: «От души благодарю вас, весь персонал и раненых, призреваемых в лазарете, за молитвы и поздравления. Татиана»¹⁸².

15 января Серафимовский лазарет посетил протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский. Он обходил палаты и беседовал с ранеными, сообщая, что прибыл передать им благодарность Верховного главнокомандующего за службу. Прощаясь с персоналом, отец Георгий заметил, что остался очень доволен состоянием лазарета¹⁸³.

В середине января работы в лазарете стало гораздо меньше, что дало персоналу возможность несколько передохнуть, но это было лишь временное затишье. 21 числа отец Николай писал в Петроград: «Сейчас идет чистка лазаретов от раненых и после 14 января у нас 55 человек. Дня через 3–4 ожидают громадного числа раненых из-под Кракова. Сами мы все мирны и благополучны, но переутомлены»¹⁸⁴.

13 февраля отец Николай уехал в Петроград и спустя три дня был принят Великой княжной Татьяной¹⁸⁵. Возможно, именно с этой поездкой связано то, что вскоре по ходатайству комитета Красного Креста духовно-учебных заведений перед Главным управлением Российского общества Красного Креста Серафимовский лазарет переименовали из этапного в постоянный с предписанием оставаться в Минске до конца

¹⁸² Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям. Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений // Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1915. – № 4. – С. 108.

¹⁸³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 253 об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 150–150 об.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 36.

войны¹⁸⁶. Это обстоятельство стало причиной увольнения из лазарета студента-санитара Федора Морозова. В глубине сердца он еще надеялся, что лазарет могут перевести на фронт, но теперь больше не видел смысла оставаться в тыловом лечебном заведении и 6 марта уехал из Минска.

Чуть раньше лазарет покинули санитары-добровольцы Сергей Занфирков и Вячеслав Егоров. Из старой «гвардии» остался лишь Владимир Панасюк.

Буквально через пару дней после отъезда Морозова отец Николай направил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений ходатайство о награждении Ф. М. Морозова и В. А. Панасюка серебряными медалями «За усердие» на Станиславской ленте¹⁸⁷.

В течение Великого поста все больные говели и причащались. Праздник Пасхи, пришедшийся в 1915 году на 22 марта, прошел в лазарете с большой торжественностью. За пасхальной заутреней и литургией присутствовали все больные и раненые. Тяжелораненых по обычаю принесли в храм на носилках. После богослужения всех ожидал праздничный стол. Что-то к празднику приготовил Жигадло, что-то закупили на стороне. Например, в минской кондитерской «Жорж», принадлежавшей Г. В. Рачковскому, приобрели со скидкой: торт, яйца, мазурки, пасхи, бабки и бонкухан (особого сорта белый хлеб в виде большой лепешки с какой-нибудь начинкой: со сливочным или растительным маслом, тмином, чернушкой, луком)¹⁸⁸. Больше всего, конечно же, закупили крашеных яиц, так чтобы каждому досталось по три пасхальных яичка.

Кроме того, персонал и все находившиеся на излечении получили подарки от комитета.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 158.

¹⁸⁷ Там же. Л. 50.

¹⁸⁸ Там же. Л. 160.

«Исключительно теплое отношение к раненым со стороны персонала создало общую праздничную атмосферу благорасположенности, – писал в Петроград отец Николай. – Лазарет представлял собой в эти светлые дни одну родную семью, живым священным звеном которой была горячая преданность и желание помочь и облегчить страждущего брата со стороны персонала и теплая неподдельная благодарность со стороны раненых»¹⁸⁹.

На третий день праздников в лазарет доставили подарки для раненых от Великой княжны Татьяны Николаевны.

А императрица Александра Федоровна от себя лично прислала всем больным и персоналу пасхальные открытки с вензелевым изображением имени Августейшей покровительницы¹⁹⁰.

Наблюдая в дни пасхальных торжеств подъем религиозного настроения среди больных и раненых, отец Николай решил привлекать их к пению во время литургий. Первый такой опыт выразился в исполнении во время службы «Отче наш» и «Верую». Опыт оказался удачным и вселил надежду, что после разъезда семинаристов на каникулы, можно будет петь литургию собственными силами.

В апреле Серафимовский лазарет опять посетил протопресвитер Георгий Шавельский, как и в первый приезд очень одобрительно отозвавшись о нем.

С 1 по 7 мая отец Николай снова выезжал в Петроград¹⁹¹.

Случай с Поплавским

Приблизительно к этому времени относится история, едва не обернувшаяся для отца Николая большими

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 256.

¹⁹⁰ Там же. Л. 252 об.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 61.

неприятностями. Где-то в конце февраля в лазарете появился некий Поплавский, старший унтер-офицер, которого отец Николай определил писарем в канцелярию. Он бежал с фронта после разгрома немцами русских войск у Мазурских озер. Кажется, Поплавский хотел вернуться в свой полк, но, чтобы не подпасть под подозрение в дезертирстве, решил раздобыть медицинское свидетельство о ранении. С этим он, видимо, и явился к отцу Николаю, имея протекцию из Минской духовной консистории, так как до мобилизации состоял в правлении одного из местных церковных попечительств. Кроме того, Поплавский был уже человеком немолодым, имел жену и пятерых детей¹⁹². Отец Николай решил проявить участие к судьбе многодетного семьянина и оставить его при лазарете старшим писарем, так как в это время некому стало возглавлять канцелярию. Исполнявший обязанности заведующего студент Вячеслав Егоров заболел туберкулезом легких и вынужденно покинул лазарет¹⁹³. А тут появился опытный в канцелярской работе человек – Поплавский.

«Так как нам нужен был специалист с каллиграфическим почерком, – вспоминал Черниховский, – он был принят: лет за сорок пять, пузатый, красноносый (очевидный признак любителя спиртного), глаза с хитринкой и густая борода, покрывающая щеки. И оказалось, что должность подходит ему, и он подходит должности»¹⁹⁴. Официально было представлено, что Поплавский оказался в лазарете по ранению и оставлен при нем для продолжения службы. Однако заведующий хозяйством капитан Васильев, в подчинении которого находились санитары из нижних чинов, с недоверием отнесся к появлению нового писаря. Из разговоров с Поплавским он заподозрил, что тот дезертир,

¹⁹² שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 204.

¹⁹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-д. Л. 253.

¹⁹⁴ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 204.

а, следовательно, укрывательство его являлось военным преступлением. Васильев несколько раз высказывал свои подозрения и недовольство старшему врачу, на что отец Николай обещал «пристроить» Поплавского, однако ничего не предпринимал, и тот продолжал находиться в лазарете.

Как-то отец Николай пригласил к себе в комнату Черниховского. Стал угощать его чаем «из лучших», полученным в подарок, какого не сыскать было во всем Минске. Предложил хорошей колбасы, послав за ней в кладовую своего денщика. В общем, вел себя нарочито обходительно. Черниховский вспоминал, что отец Николай всегда держал в кладовой колбасу «для хороших гостей», сам же, как монах, ел одну рыбу.

За угощением старший врач как бы невзначай отпустил в адрес Черниховского комплименты, делал намеки на награды и, наконец, коснувшись его руки, вкрадчиво попросил:

– Пожалуйста, придумайте мне свидетельство болезни для Поплавского. Наше. В одной из палат.

– Отец, документы – Ваши документы, лазарет – Ваш лазарет, и у Вас есть свои палаты, Вы дайте ему, – попытался отговориться Черниховский.

– Нет, нет, любезный! Есть мотивы... мотивы... я знаю... Вы это сделаете.

После этого отец Николай еще не раз напоминал младшему врачу о своей просьбе. «Несчастный, я не знал, как выйти из ситуации, – вспоминал Черниховский. – И после, когда он также начал меня торопить, я ответил, наконец, определенно, что не дам ему никакого свидетельства».

– Почему?

– Потому что это подделка!

– Нет, Боже упаси, это не подделка! Он действительно был ранен.

– Если это так, пусть получит свидетельство там, где его лечили.

- Сейчас? Где тот врач, который нашел и перевязал его? В Мазурских озерах?

- Но я не дам, так как я не занимался им. У меня вообще нет уверенности, что он был ранен.

- Значит, дорогой, он придет к Вам для осмотра.

- Пусть придет ко мне – сегодня вечером!

С наступлением темноты Поплавский явился к Черниховскому.

- В какое место ты был ранен?

- Здесь, в поясницу справа – пикой.

- Сними рубашку.

И как Черниховский ни старался, он не нашел и признака следа от раны.

- Если бы тебя укусила муха, остался бы более отчетливый след. Скажи отцу, что я не дам тебе свидетельство.

На следующий день отец Николай сам обратился к коллеге за ответом:

- Итак, что относительно свидетельства?

- Ему не быть!

- Почему, Саул Гитманович?

- Если бы укусила его муха, и то остался бы след; и поясница...

«К моему удивлению, – писал Черниховский, – отец не выказал признаков неудовольствия и отстал от меня»¹⁹⁵.

Между тем капитан Васильев, видя, что в отношении Поплавского ничего не меняется, и беспокоясь за последствия, сообщил о своих подозрениях в управление Главноуполномоченного Красного Креста на Северо-Западном фронте. И в этом была его ошибка, так как из управления информация ушла к военному начальству.

...Прошло время. И вот к Черниховскому заходит один из писарей с неожиданным известием:

¹⁹⁵ שלשים ושלושה ספורים [Черниховский Саул]. – תשרי וחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 204–209.

– Вас хочет видеть генерал и просит немедленно прийти в помещение канцелярии.

– Кто просит?

– Не могу знать! Генерал из важных. И с ним еще три офицера.

В канцелярии Черниковский увидел сидящего за столом высокого генерала представительного вида. По погонам было видно, что он из действующей армии в звании генерал-лейтенанта. Рядом с ним сидели Орлов, капитан Шамраев и седой нервозный подполковник – глава Минского эвакуационного пункта.

Когда Черниковский вошел, Орлов поднялся и отрекомендовал незнакомого визитера:

– Генерал-лейтенант, генерал-инспектор Северо-Западного фронта...

Черниковский плохо различил фамилию, поэтому не указывает ее в воспоминаниях.

Генерал предложил врачу сесть и начал дознание. Он задавал разные вопросы, в основном о руководстве лазарета, о регистрации больных, о положении служителей-санитаров и т.д. и т.д.

Черниковский спокойно отвечал, как вдруг Орлов вскочил со своего места и энергично выпалил:

– Ваше превосходительство! Разве я не говорил Вам: это один из давних наших врачей...

Черниковский совершенно не понимал, в чем был смысл этого комплимента и чего хочет от него генерал-следователь.

– И что относительно поступающих раненых, они регистрируются? – продолжал допытываться генерал.

– Они регистрируются тотчас же в журнале; затем регистрируются здесь: результаты лечения, куда впоследствии эвакуирован, и история болезни вкратце. – И Черниковский подал ему большой толстый журнал.

Генерал стал листать его, всматриваясь в фамилии.

- Но ведь здесь трудно найти кого-либо, среди сотен и сотен имен!

- Для этого есть алфавитная книга, позволяющая быстро найти страницу, на которой зарегистрирован раненый.

- И где эта книга?

- Вот, Ваше превосходительство, вот она.

Черниковский протянул книгу, которая, к счастью для канцеляристов, лишь за несколько дней до этого была дописана ими. К этому времени уже около двух тысяч больных и раненых прошло через Серафимовский лазарет. Все истории болезней вошли в архив. Один экземпляр большого журнала был заполнен. Только алфавитная книга по вине работавших в канцелярии «братьев» велась не совсем аккуратно. Заполнение журналов было работой несложной, не требовавшей особой мудрости и концентрации мысли. Ей можно было заниматься даже в своих комнатах в любое время. Но братья, бывало, ленились. Сколько ни делал им выговор отец Николай, не помогало. Теперь же вообще остался один Панасюк. Лишь после того как работники канцелярии пожаловались на него, он сел, в конце концов, и поспешно дописал – карандашом, чтобы потом вернуться и сделать как следует. И теперь, чтобы скрыть перед генералом-инспектором оплошность, Черниковский поспешил заявить, что это черновик.

- Почему Вы так полагаете? – спросил генерал.

- Ведь она написана карандашом.

Генерал стал перелистывать книгу и все задавал и задавал бесконечные вопросы...

Офицеры молчали. Писари стояли напряженные на своих местах.

Генерал снова полистал книгу и спросил:

- И это все?

Черниковский взял книгу из его рук, открытую на букве «П». Все еще не понимая, с чем связан весь этот допрос, и

полагая, что, по мнению генерала, книга не закончена, он перелистал ее и показал:

- Нет, вот буквы «К», «Ц» – до конца.
- А откуда у вас санитары?
- Из Медицинского управления.
- Кто у них командир?
- Капитан Васильев, из кадровых военных.
- А кто отбирает и принимает их?
- Старший врач.
- Ведь Ваше превосходительство видит, – снова вмешался Орлов, – что он не касается дел, кроме относящихся к медицине. Я возвращаюсь к сказанному: он один из давних в медицине.

Черниковского охватила смутная тревога: «Что это? Почему это Орлов возносит меня до небес?»

- И это все раненые, которые поступили в лазарет? – продолжал генерал.

- Да, все.
- И не было еще, которых недостает здесь?
- Не было.
- А может быть, Вы припоминаете поступившего раненого по фамилии Поплавский?
- Не поступал раненый по фамилии Поплавский!
- Как Вы так полагаетесь на свою память?
- Ваше благородие! У меня профессиональная память, я помню фамилии всех раненых, бывших здесь, а также их раны. Только имена не помню, но фамилии...
- И Вы настаиваете, что такой раненый не поступал?
- Да. Не поступал!
- А, может, Вы вообще знаете эту фамилию, Поплавский?
- Да, я знаком с человеком с этой фамилией.
- Кто он?
- Старший писарь у нас.
- Где он?

Черниховский обернулся в сторону Поплавского. Все писари стояли, а тот бледный как мел облокотился на стену у окна.

- Ты Поплавский? – спросил генерал.
- Да, Ваше превосходительство!
- Подойди сюда!
- В каком батальоне ты служил?
- Батальон номер... В третьей роте.
- Кто был командиром твоей роты, и как ты попал сюда?
- После поражения около Мазурских озер... я попал в плен... Был ранен. Оставался там три дня. Один еврей дал мне одежду. Я убежал. И пришел в Минск.

- И ты не знаешь, что твой батальон комплектуется заново? Явка по командам?

- Нет, Ваше превосходительство.
- Где удостоверение?

Рука Поплавского нерешительно потянулась в сторону нагрудного кармана и вся тряслась, пока он доставал удостоверение. Генерал выхватил у него бумагу.

- Ты старший унтер-офицер, ты получил это удостоверение? В какой день ты вернулся?

- В день такой-то.
- Капитан Шамраев! Вы знакомы с этим субъектом?
- Да, Ваше превосходительство! Я знаю его хорошо.
- Где стоял отряд в этот день? – продолжил допрос Шамраев.

- В месте таком-то.
- Неправильно, любезный. В этот день стоял твой отряд вместе с моим отрядом в деревне такой-то, около деревни...
- Где вы были днем раньше?
- В деревне Ж.
- Неправильно, дорогой, в этот день вы переходили через реку...

– Меня ранили и забрали в плен, а когда я убежал, ухаживали за мной.

– И ты был в лазарете? У тебя есть свидетельство? Показывай!

Рука Поплавского не слушалась, она тряслась и ходила ходуном, пока он извлекал из кармана свидетельство.

Генерал внимательно осмотрел его.

– Господин доктор, это свидетельство из вашего лазарета?

Черниковский посмотрел в раздел регистрации раненых и увидел, что «только новичок, святая простота, смог бы заполнить так». Но свидетельство оказалось подлинным – из Серафимовского лазарета, и подпись отца Николая была на нем.

Черниковский протянул свидетельство Орлову. Тот посмотрел в него и усмехнулся.

Генерал продолжил дознание:

– У тебя есть удостоверение лазарета, но в списке зарегистрированных раненых твоя фамилия отсутствует. Доктор, это ваше свидетельство и подпись первого врача истинная?

– Истинная.

– Каким образом?

Черниковский достал книгу «Свидетельства раненых». На месте каждого выдаваемого свидетельства – расписка. Лазарет выдавал их всем выбывающим. И еще канцелярия выдала одиннадцать пустых свидетельств с подписью отца Николая. Иногда ему было недосуг, поэтому он подписывал свидетельства заранее. Кроме того, каждый желающий, а тем более служащий канцелярии, мог вырвать из книги свидетельства, сколько хотел. Именно так и поступил Поплавский. Лицо Орлова сияло. Седой подполковник – глава эвакуационного пункта улыбался Черниковскому. Шамраев тоже улыбался. По их взглядам Черниковский понял, что «красиво вышел из скверного дела».

– Главный врач в лазарете? – спросил генерал. – Арестовать его. Доставить его к коменданту крепости!

Второй писарь поспешно вышел. Все молчали.

Через некоторое время дверь в канцелярию распахнулась, и перед присутствующими предстал отец Николай во всем великолепии черных священнических одежд, в мантии, в высоком клобуке с ниспадающей на плечи и спину наметкой. На его груди красиво покачивался большой серебряный крест на серебряной цепочке, а справа и слева – разные знаки организаций и обществ, подобно знакам отличия, эффектно поблескивали золотом на черном фоне. «Его красная борода, – описывал эту сцену Черниховский, – как будто сделалась еще более красной и удлинилась – украшенная впереди бледной сединой. И суровые глаза смотрели правдивой уверенностью. И весь он – как будто вдруг вырос, и его выпрямившееся тело выдалось из монашеской мантии и ее широких складок. Он степенно шагнул прямо к генералу, вставшему со стула, и протянул ему тыльную сторону узкой и белой ладони для поцелуя»¹⁹⁶.

– Господин доктор... Вы свободны...

Так все неожиданно разрешилось!!!

Дело замяли, однако история на этом не закончилась. По случаю такого благоприятного исхода Поплавский устроил в своем доме праздник с обильным угощением и выпивкой. Во время застолья гости перепились и, как это нередко бывает, – перессорились. Возникла потасовка, и кого-то силой выставили за дверь. В результате – донос. Поплавского вскоре арестовали, и он не избежал трибунала. Судили его по трем пунктам: а) побег с фронта, б) уклонение от воинской службы и в) подделка документов. Но так как на суде могли вспомнить также имя старшего врача Серафимовского лазарета, причем не для похвалы, то отец Николай вынужден был поневоле вникнуть «в суть дела» и начать хлопотать о нем. Дело дошло до Минского

¹⁹⁶ שלשים ושלושה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниховский Саул]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 209–214.

епископа, а также попало в руки протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского. Между тем в семье Поплавского родился очередной ребенок, очень «вовремя», став утешением для своей матери, так как старшие дети находились в действующей армии. Суд учел в деле Поплавского смягчающие обстоятельства, и его вернули на фронт, чтобы он «смог доказать – когда вновь предстанет перед судом – что была у него возможность исправиться...»¹⁹⁷

Визиты

Жизнь Серафимовского лазарета продолжала идти своим чередом. Торжественными богослужениями и праздничным столом отметили 29 мая – день рождения Августейшей покровительницы Великой княжны Татьяны и 19 июля – день прославления преподобного Серафима Саровского. В праздничные дни лазарет посетили Минский епископ Митрофан, протопресвитер Георгий Шавельский, директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода В. И. Яцкевич, Холмский епископ Анастасий (Грибановский) и др.

1 августа в лазарете побывал помощник Верховного начальника санитарной и эвакуационной части генерал от кавалерии Федор Федорович Трепов. Он осмотрел лазарет и вручил восемнадцати тяжелораненым нижним чинам серебряные медали «За храбрость»¹⁹⁸.

С подобным посещением связано награждение серебряной медалью и лазаретного повара Степана Жигадло.

Он давно мечтал о награде и очень огорчился, что его никак не награждают, в то время как медали уже получили возглавлявший команду санитаров унтер-офицер Семин и кое-кто из писарей. Следующим на очереди Жигадло считал

¹⁹⁷ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – משרניחובסקי שאול [Черниковский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 214.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 308.

себя как руководителя кухни, однако говорить об этом напрямую с отцом Николаем не решался. Он намекал о награде капитану Васильеву, не находя, впрочем, возможным высказать просьбу открыто, ведь это дело целиком зависело от старшего врача. Черниковский вспоминал, как Жигадло буквально спал и видел себя расхаживающим в праздники среди знакомых с серебряной медалью на груди. А после Жигадло надеялся получить и другую медаль – золотую! И тогда он пойдет к фотографу и отправит снимок в деревню матери, которая с гордостью покажет его взволнованной бабушке... Разве он не работает? Кто еще как он работает каждый день на благо лазарета? А что канцелярия, как в ней работают? Сидят, переписывают и марают лист за листом, в то время как он со своими помощниками потеет среди плит... Нет справедливости на свете, ведь первую медаль должен был получить он – повар. Так рассуждал Жигадло¹⁹⁹.

И вот однажды в лазарет пришла очередная проверка. Когда дежурный солдат доложил старшему врачу, что в лазарет прибыл генерал, тот проворно побежал встречать важного визитера. Начался осмотр лазарета: генерал шагал впереди, за ним сопровождающий, следом старший врач, затем младший, а сзади легкой неслышной поступью – сестры.

Как обычно отец Николай повел проверяющих по специально продуманному маршруту. Сперва гостей отвели в канцелярию, где старший писарь показал его превосходительству все книги, журналы, отчеты, которые периодически отправлялись комитету Красного Креста духовно-учебных заведений, санитарному управлению, в Управление главноуполномоченного Креста на фронте и т. д. и т. п. Оттуда гостей повели в аптеку и аптечный склад, столовую, спустились в подвальный этаж в кладовую, показали санитарное

¹⁹⁹ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниковский Саул]. – אנלייו: סופד «מר», 6 תרכ: מירופס. – Саула Черниковского: в десяти томах]. – (Т. 6: Рассказы). – (Вильно: Изд. «Рам»), 1932. – С. 61.

проверяющий генерал хотел войти, его вежливо предупреждали, что входить нельзя, и сестры оставались у порога, а старший врач делал внутрь шаг или два. Два-три шага делал и генерал, не находя, впрочем, необходимости здесь задерживаться. Если генерал имел отношение к медицине, то одна из сестер передавала ему белый халат, и он при желании мог войти осмотреть операционную.

На этот раз проверяющие «с серьезными лицами» решили пройтись по палатам. Когда генерал задерживался около раненого, все застывали на месте, только сестры подходили к изголовью больного и с улыбкой трепали ему волосы. После этого осмотрели перевязочную, где отец Николай как всегда похвалился «тремя кранами». Затем генерал мельком заглянул в операционную, подивился пустынности помещения и странному столу, стоявшему посередине.

По воспоминаниям Черниховского «так проходил путь всех генералов, посещавших лазарет».

– Можно посмотреть кухню? – поинтересовался проверяющий.

Кухня обычно не входила в маршрут осмотра, поэтому отец Николай несколько напрягся. Сестры ушли, а врачи с генералом и его спутником спустились в подвал. Трое работников кухни застыли на месте.

– Что варите сегодня для солдат? – спросил генерал.

– Первое блюдо – капустный суп с картошкой и фасолью, – отрапортовал отец Николай.

– И как, вкусно?

– Ваше высокопревосходительство, ведь это дело вкуса, по-моему, недостаточно соли, – дипломатично ответил старший врач, сделав вид, что до этого уже пробовал суп.

Генерал подал знак, и Жигadlo погрузил деревянный черпак в котел, наполнил супом миску и подал гостю. Попробовав, тот с удовольствием заметил:

– Божественно! А что готовите на второе?

– Мясо с лапшой!

Жигадло подал порцию второго. Генералу пришлось по вкусу и это блюдо.

– Ваш повар – мастер своего дела, – авторитетно заключил генерал. – А также я нашел врача, относящегося серьезно к блюдам для солдат.

Эта похвала в адрес отца Николая не осталась без внимания с его стороны. Спустя три месяца Жигадло вызвали в канцелярию лазарета, и старший писарь показал ему приказ. Но бедняга так разволновался, что не понял ничего из написанного. Тогда писарь объяснил ему: получен приказ, Жигадло награжден «за усердие» – серебряной медалью на Станиславской ленте²⁰¹.

По поводу награждения счастливый повар устроил на кухне праздник. Ошалевший от радости он сидел и подробно рассказывал, как готовят рыбу в доме архиепископа: леща, морского волка, окуня, угря и все виды рыб, что есть на свете...

А вот еще одна забавная сцена, связанная с посещением лазарета, которую описал Черниховский. На этот раз в центре внимания оказался шкаф для грязной одежды, без дела стоявший в коридоре возле ванной комнаты.

Прибывший с проверкой очередной генерал оказался человеком дотошным. Он прошелся по всем палатам, всюду совал нос, нашел даже окурки папирос между кроватями, обратив на это особое внимание. Это было очень неприятное замечание – окурки в палате! Обойдя весь лазарет, генерал на обратном пути наткнулся на «пузатый шкаф». В подвижных лазаретах, каковым тогда еще числился Серафимовский, всякие излишние вещи вызвали вопросы, поскольку обременяли передвижение, а тем более большой шкаф, зачем-то стоящий в коридоре. Естественно, генерал спросил:

²⁰¹ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. [Черниховский Саул]. – סופד «מר» – אנליוו: סופד «מר» – 6 חרכ: מירופס. – [Т. 6: Рассказы]. – [Вильно: Изд. «Рам»], 1932. – С. 65–66.

– Для чего служит этот шкаф?

Черниковский откозырял и совершенно уверенным голосом отрапортовал:

– Ваше высокопревосходительство! Это шкаф, чтобы складывать вещи раненых. Раненый, когда поступает в лазарет, его испачканные вещи забирают и кладут на шкаф. Доска, которая сверху, автоматически наклоняется и вещи падают в шкаф, в ящик, который внизу. Затем мы оттуда достаем вещи и кладем в мешок. Привязываем на мешок деревянную табличку с номером. Для каждого свой мешок.

– Хорошо! Очень хорошо! – ответил генерал.

Черниковский прекрасно осознавал нелепость сказанного, поэтому понимал, почему сестры сжимают и кусают губы. Но нужно было дать какое-то объяснение, и непременно – уверенным тоном.

Конечно, начальник должен был рассмеяться и спросить: зачем класть вещи на доску и опускать в шкаф, выдвигать ящик, доставать оттуда вещи и складывать в мешок, если можно их сразу положить в мешок?

Безусловно, Черниковский не мог знать, как отреагирует генерал, но отвечал ему голосом уверенным, смелым, без йоты какого-либо сомнения. И это сработало. Сработало, «потому что это был генерал...»²⁰²

Впрочем, приключился один раз случай, когда подобный прием не сработал.

Следует заметить, что Черниковский практически всех проверяющих называет генералами, оговариваясь лишь, что одни были из армии, а другие нет, но стояли по рангу на одном уровне. Он имел в виду разных высокопоставленных чиновников, которые в связи с военным временем оделись в военную форму и практически не имели с генералами

²⁰² יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниковский Саул]. Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. 6 חרכ: מירופס [Т. 6: Рассказы]. – «פר» אנליוו: סופד «פר», 1932. – С. 306–307.

никаких различий, кроме погон. Носили они папахи и подстриженные на военный манер усы, а на бедре тяжелые длинные шашки. Правда, у этих «военных» шашки часто были непригодные для использования из-за какого-нибудь дефекта – списанные, и их в шутку называли «зубочистками». Между тем «их превосходительства», как правило, были весьма строги относительно субординации и вообще вели себя «по обычаю генералов».

Как-то лазарет посетил, также одетый в военную форму, профессор Харьковского университета Левицкий. Будучи врачом, он сразу же взял у сестры белый халат, осмотрел операционную, а затем перевязочную. Здесь профессор подробно расспрашивал обо всем, что касалось перевязок, заинтересовался и «тремя кранами». Черниковский пишет, что если бы Левицкий был действительно генералом, то все прошло бы как обычно, но он был профессором, поэтому решил узнать, как действует это устройство.

Отец Николай естественно попытался объяснить, хотя понятия не имел, как работают «краны». Как уже говорилось, изготовил их рабочий-жестянщик. А поскольку он запросил за свою работу невысокую плату, то старший врач при расчете с ним решил не раздражать рабочего расспросами, в полном доверии к механизму. И получилось, что в лазарете так никто и не знал, по какому принципу действуют «три крана». Довольствовались тем, что устройство работает, и все. Да и вообще им практически не пользовались.

Однако отец Николай – специалист по части «знай, что нужно ответить неверующему» – тут же объяснил гостю, что как только вода достигает известной высоты, тотчас ручка открывается сама собой и вода начинает поступать.

Но его превосходительство был профессором и попросил поставить небольшую лестницу, чтобы заглянуть в «котел». Обследовав его, он не обнаружил даже намека на какую-либо ручку...

Поскольку же «ручка» отсутствовала, невозможно было настаивать на механизме ее действия. Тогда отец Николай взял свои слова обратно и, продолжая объяснения, выстроил «законченную прочную систему о давлении воздуха».

Эта теория выглядела действительно красиво и даже научно, но... в устройстве не оказалось места для давления воздуха – «проклятый котел» не был покрыт вообще, и в нем не могло создаваться давление.

Старшему врачу пришлось отказаться и от этой теории и предложить другую, положив в ее основу давление воды. Но и новая версия оказалась несостоятельной. Тогда он попытался объяснить принцип действия «трех кранов» на основе перепада температур. «Теория эта сама по себе была бы действительно хорошей, – вспоминал Черниховский, – если бы тот жестянщик сделал ее основой для механизма. Объяснение старшего врача было красивым, но беда была в том, что жестянщик пришел к своей теории, а старший врач к своей, но эта теория была для механизма другого, совсем другого, который еще предстояло создать».

А профессор стоял и слушал...

«К сожалению, не осталось в голове старшего врача места для физики – замечал Черниховский. – Известно, что когда он сдавал экзамен в гимназии – проскочил, также и во время экзамена в академии – снова проскочил, и не сохранилось у него в памяти ничего кроме вида учебника: темно-серый тканевый переплет и золотые буквы на корешке – физика Малинина, обработанная Хвольсоном. Помнил он, что был еще учебник физики, для повторения, переведенный с французского, но чей – уже не помнил. Но был...»

Теперь отцу Николаю, конечно, очень быгодились эти знания. Но позабылись, и физика представлялась ему как пространное и мутное море, в котором он тонул, зацепившись в отчаянии напоследок за закон Бойля и Мариотта.

А профессор все стоял и слушал...

мирного времени. И в этом смысле на Черниховском исполнилось известное изречение: «inter arma silent Musae» («среди оружия музы молчат»). Биограф поэта Клаузнер пишет, что если бы даже он и написал в это время новые стихи, то их просто негде было бы публиковать, так как после начала войны правительство запретило печатать не только ивритское слово, но и ивритскую букву²⁰⁴.

Надо сказать, что в эти годы Черниховский не имел возможности не только заниматься творчеством, но даже уделять достаточно времени образованию горячо любимой дочери, отчего сильно переживал. Его семья: супруга и дочь Изольда жили здесь же, в Минске²⁰⁵.

Думается, что и с представителями местного еврейского общества поэт общался нечасто. В минских газетах этих лет не встречается никаких упоминаний о Черниховском. А между тем в первый год войны культурная жизнь в Минске протекала довольно оживленно. В городских театрах устраивались благотворительные концерты, ставились спектакли, выступали заезжие артисты, время от времени проходили творческие вечера еврейских писателей и поэтов. Так, например, в декабре 1914 года в городском театре известный поэт З. И. Онейхи, писавший на иврите, читал цикл новелл «Реб Абе». Весной 1915 года в кинотеатре «Гигант» выступали молодые еврейские литераторы-идишисты Зусман Сегалович и Иосиф Тункель.

Впрочем, когда появлялась возможность, хотя и редкая, Черниховский выбирался в свет. Любопытный рассказ о встрече со знаменитым поэтом в Минске оставила поэтесса Мирьям Ялан-Штекелис. Произошла встреча вскоре после приезда Черниховского с лазаретом в Минск. Мирьям, тогда еще 14-летняя девочка, вместе с родителями, дедушкой

²⁰⁴ רנזולק פסוי [Клаузнер Йосеф]. יקסבוכינרשט לואא: פרושמהו מדא: סילשורי הטיסרבינווא י"עש מירפס-תאצוהל תירבעה – ויטרג ויגטנומ ריס מש-לע תירבע זרק: הרבחה ידחי לע [Саул Черниховский: человек и поэт]. – Милшורי הטיסרבינווא י"עש מירפס-תאצוהל תירבעה [Иерусалим: Еврейский фонд имени сэра Монтегю Бертона совместно с группой издательства Еврейского университета], 1947. – С. 147.

²⁰⁵ Там же. – С. 144.

и бабушкой пошла в городской театр, где давался большой еврейский концерт в пользу благотворительных организаций. Семья расположилась в обширной ложе в центре театра. Но так как дедушка неважно слышал, то решил пересестись поближе к сцене. Выйдя из ложи, он подозвал распорядителя, и тот провел его в первый ряд. Однако к своему большому неудовольствию дедушка обнаружил, что рядом с ним сидит военный: крупный, широкоплечий, с большими усами и шевелюрой, «какие подобают русскому офицеру». Почтенный старец разозлился на распорядителя: «Куда он смотрел, сажая меня рядом с русским офицером? И что делает этот гой в еврейском театре?»

Следует заметить, что в семье Мирьям сложилось не очень хорошее отношение к представителям русской власти, и в частности к военным. Ее отец Лейб Вольфович Виленский, доктор химии и философии Базельского университета, с 1903 года занимал должность общественного раввина города Николаева. Однако в 1906 году по обвинению в революционной деятельности был арестован, а затем выслан из России. Семья Виленских выехала в Берлин, где Лейб Вольфович продолжил активно участвовать в сионистском движении. После начала Первой мировой войны Виленские, как российские подданные, обязаны были вернуться в Российскую империю. Так они оказались в Минске. Понятно, что Виленские, как недавние ссыльные и находящиеся под политическим подозрением, не могли питать особой любви к русской власти.

«Не буду сидеть около этого ненавистника Израиля», – подумал дедушка Мирьям и, сделав знак распорядителю, сказал ему по-еврейски, в надежде, что незнакомец не поймет:

– Мой хороший, пересади меня на другое место.

Однако офицер понял! Он обратился к соседу на чистом русском языке и с большой учтивостью:

– Мне кажется, Вы господин Виленский, из Кременчуга?

– Да, – ответил дедушка, и волосы на его голове приподнялись.

– А Ваш сын доктор Виленский, он здесь?

– Да... да... Но, господин офицер... Я не понимаю... Господин офицер, кто Вы?

– Я? – Офицер обнажил белые зубы и громко засмеялся. – Я Черниховский! Разве забыли меня?

Не было конца радости дедушки, вспоминала Мирьям. Ведь он очень любил и обожал Черниховского, а не признал его сразу лишь из-за военной формы. И Черниховский, и дедушка, и распорядитель рассмеялись.

Немедленно Виленский повел Черниховского в ложу. «Вижу я, – вспоминала поэтесса, – идет дедушка и беседует с русским офицером. Какие дела у дедушки с этим человеком? Я очень изумилась, и изумилась еще больше, когда офицер вошел в нашу ложу и отец встал ему навстречу, с радостью и любовью приветствовал, пожимая руку, и мама обрадовалась и разволновалась, и оба они взволнованно говорили. Кто этот человек, пришедший сюда?»

Тогда доктор Л. В. Виленский велел дочери приблизиться, поставил ее напротив незнакомца и торжественно объявил:

– Это наш Шауль Черниховский!

Сердце Мирьям сжалось от восхищения и счастья – вот он Шауль Черниховский! Вот он любимый поэт, почитаемый, обожаемый, великий, тот который написал «Я верю», «У статуи Аполлона», вот он стоит перед ней красивый, бодрый, широкоплечий и сильный, герой, излучающий свет и жизнерадостность. «Его глаза гордые и мужественные и взгляд радостный, такой радостный! – восторженно вспоминала она. – Его радостный взгляд проник в мое сердце, и сердце наполнилось гордостью: все-таки, это наш Шауль Черниховский»²⁰⁶.

²⁰⁶ לאַערזי י"ח יקסבוכינרשט לועש [Цореф Эфраим]. [Жизнь Саула Черниховского]. תל-אביב: תל-אביב, 1964. – С. 59–61.

В начале мая 1915 года «Минская газета» сообщила, что в город ожидается приезд известного поэта Хаима Бялика, о чем тот уведомил телеграммой одного из местных культурных деятелей. Впрочем, Бялик оговаривался, что пока болен и откладывает поездку до выздоровления. Появление Бялика в Минске, бесспорно, стало бы большой отрадой для Черниховского, с которым они давно дружили и сотрудничали на литературном поприще. Но приезд знаменитого поэта не состоялся. Сначала Бялика удерживали какие-то обстоятельства, возможно недомогание, а затем в Белоруссию ехать стало затруднительно в связи с активизацией военных действий на Северо-Западном фронте...

Эвакуация

Весна 1915 года ознаменовалась для русской армии крупными военными неудачами. В апреле немцы перебросили с французского фронта более десятка дивизий в Австро-Венгрию и начали широкомасштабное наступление на центр русских позиций Юго-Западного фронта. Благодаря численному преобладанию в живой силе и подавляющему превосходству в тяжелой артиллерии немецко-австрийские войска прорвали фронт и стали быстро продвигаться вперед. Оказавшись в невыгодном положении, русская армия начала стратегическое отступление на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах, вошедшее в историю под названием Великое отступление. В результате пришлось оставить большую часть Галиции, Польши и часть Прибалтики. Хотя русское отступление и носило плановый характер, тем не менее, сопровождалось большими потерями в живой силе и материальной части, падением боевого духа армии и массовыми сдачами в плен.

Фронт стремительно приближался к пределам тыловой Белоруссии. Уже в начале лета сюда хлынул поток беженцев из Польши. В Минске начал действовать крупный

фильтрационный пункт, на котором беженцы получали медицинскую помощь, продовольствие, а затем направлялись далее вглубь империи. Но железнодорожный транспорт был слишком загружен военными перевозками, поэтому более миллиона беженцев из Польши, Литвы, Курляндии и Волыни осело в Белоруссии. Только в Минской губернии их скопилось около 120 тысяч. Минск был буквально переполнен беженцами. Генерал-майор Д. И. Ромейко-Гурко так описывал колонну беженцев на шоссе Брест–Минск в середине августа 1915 года: «Шоссе было забито беженскими телегами, одна колея была свободна для войск. На телегах сидели бабы и дети, мужики шли пешком, на обочинах лежали больные и умирающие. Если какая-нибудь телега ломалась, казаки вешивались и ее опрокидывали на обочину. По сторонам дороги, где местность это позволяла, образовывались таборы из повозок... Несмотря на ужасные условия исхода, в обозе наблюдался большой порядок. Эпидемий, слава Богу, не было никаких, кроме ящура на скоте»²⁰⁷. Плотная вереница беженских телег, груженных незамысловатым скарбом, все тянулась и тянулась на восток, оставляя вдоль дорог разбитые телеги, трупы животных и могильные холмики с крестами и без...

«Все как бы оцепенело под страхом перед врагом, естественные чувства крови притупились, – писал другой современник, житель Минска. – Приходилось видеть оставленных своими родными на произвол судьбы беспомощных старцев и стариц. С тупой покорностью воле судьбы, без всякой надежды и упования, как бы застывших в своих позах сидели они и по краям дорог и под заборами в городе».

В начале августа 1915 года 10-я немецкая армия под командованием генерала Эйхгорна перешла в наступление в районе Вильно. Ввиду стремительного продвижения неприятельских войск Серафимовский лазарет 22 августа

²⁰⁷ Цит. по: *Бондаренко В. В.* Утерянные победы Российской империи. – Минск: Харвест, 2010. – С. 39.

получил распоряжение немедленно эвакуировать находившихся в нем больных и раненых, что и было сделано уже на следующий день. 26 числа главноуполномоченный Российского общества Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта граф Э. П. Беннигсен вызвал иеромонаха Николая (Муравьева) на совещание по поводу событий на фронте. На совещании, в частности, обсуждался вопрос о возможной эвакуации лазаретов, но о свертывании их пока распоряжения не поступало. До начала сентября Серафимовский лазарет пустовал, хотя в Минск постоянно прибывало большое количество раненых. 5 сентября отец Николай снова присутствовал на заседании в Управлении главноуполномоченного, на котором объявили приказ главнокомандующего: вывезти лазареты в трехдневный срок. Было даже произведено распределение вагонов, которые, впрочем, «по извещению начальника передвижения войск» не могли быть предоставлены ранее 9 сентября.

Вспоминая эти дни, С. Г. Черниховский писал, что ежедневно ровно в шесть утра и в шесть вечера появлялись немецкие аэропланы – «стройные серебристые птицы – лета-ли-парили над нашими головами». Неприятель вел усиленную воздушную разведку. О приближении самолетов оповещали пушки дальнобойной артиллерии, располагавшейся за рекой Свислочь. Как уже говорилось, здание семинарии находилось недалеко от реки, на противоположном берегу которой и располагалась артиллерийская батарея. Черниховский вспоминал: «Когда раздавался звук первого выстрела и после него шло гудение потрясенной меди – бом... м..., мы спешили к окнам и смотрели в зеленовато-голубое небо, и если металлическая птица была одна, закрывали шторы и снова укладывались в постели. Но когда было, по крайней мере, три, с любопытством наблюдали, как они неожиданно проблескивали среди серо-голубых облаков, появлялись и исчезали»²⁰⁸.

²⁰⁸ שלשים ושלושה ספורים [Черниховский Саул]. – *שוקן* [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת תל-אביב: Изд. Шокен], 1942. – С. 188.

Едва ли не каждый день Серафимовский лазарет получал телефонограмму: свернуться в течение трех часов и ждать команды. Начинались поспешные сборы, суета, беготня. В такие часы лазарет походил на разворошенный муравейник, после чего помещения его становились молчаливыми и пустынными.

Спустя некоторое время приходила другая телефонограмма: развернуться до команды. Затем все повторялось вновь...

Случалось, что целые ночи персонал проводил в готовности, сидя на своих вещах, пока снова не поступала телефонограмма: развернуться... до команды²⁰⁹.

Между тем в город приходили тревожные известия о том, что немцы прорвали фронт в районе Свенцяи, что противник обошел Минск и нацелился на Смоленск, что уже сожжена станция Витгенштейнская²¹⁰ в тридцати верстах к востоку от Минска и двести тысяч русских солдат оказались в «мешке».

Наконец 13 сентября, в воскресенье, была получена окончательная команда: в течение трех часов свернуться и быть на станции, ждать поезда, место назначения – Спасо-Бородинский монастырь, письменный приказ придет.

Все имущество Серафимовский лазарет забрать с собой не мог. Поэтому, согласно распоряжению главноуполномоченного Красного Креста Северо-Западного фронта, здание, некоторые вещи, продукты, а также имущество Минской духовной семинарии, которым пользовался лазарет, передали 312-му полевому подвижному госпиталю²¹¹.

Спешно погрузившись в фургоны, Серафимовский лазарет двинулся к вокзалу Московско-Брестской железной

²⁰⁹ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – ששרניחובסקי שאול [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 188.

²¹⁰ В начале XX в. железнодорожная станция у местечка Смолевичи Борисовского уезда Минской губернии, названная в честь князя Людовика Витгенштейна, владельца Смолевич.

²¹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 308.

дороги. С Александровской улицы, где находилась семинария, фургоны медленно покатали по Екатерининской, затем по Немигской, Ново-Московской, пока не вышли на большую Московскую улицу, ведущую к Александровскому вокзалу. Здесь остаток пути в полтора километра пришлось преодолевать больше часа. В сторону вокзала двигался плотный поток всевозможных повозок, нагруженных разнообразными вещами, мебелью, пожитками, военным снаряжением, ящиками с боеприпасами и пр. Поток двигался медленно и уныло, а в воздухе висели надсадные крики и ругань. Самые нетерпеливые, пытаясь обогнать, сворачивали в сторону, невзирая на следивших за порядком конных казаков, и этим создавали сумятицу, еще больше замедлявшую общее движение. Упрямится лошадь – и все стоят, сломается колесо – и все ждут, проходит эскадрон – и все снова стоят.

Уже ближе к вокзалу, к пущему замешательству, усиливая общий беспорядок, стал вырастать встречный поток...

Черниковский вспоминал, как он удивился, увидев двигавшуюся навстречу повозку с большой вывеской на борту и надписью «... Серафимовский лазарет». «Мы тоже имени чудотворца Серафима, – подумал поэт, – почему тогда они входят в место, из которого мы выходим?»²¹² По всей видимости, это была повозка Московского Серафимовского подвижного лазарета, как раз в это время прибывшего в Минск – ближе к театру военных действий. Выглядело это, конечно, несколько курьезно: один Серафимовский лазарет покидал город, другой Серафимовский лазарет прибывал в него, при этом оба лечебных заведения работали под флагом Красного Креста.

По дороге к вокзалу у каждого встречавшегося госпиталя или лазарета царила суматоха: выводили и выносили раненых, грузили мебель, оборудование. К работам привлекли

²¹² שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. שחרית חובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – שוקן תל-אביב: הוצאת [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 189.

пленных чехов и других славян. Трудились они усердно и преданно. Пленных немцев, австрийцев или венгров среди работавших не попадалось, так как их отправляли за Урал²¹³. Доверяли только славянам.

Черниковский вспоминал, что бежали из Минска «без оглядки и понятия от кого бежим, от кого удираем».

На железнодорожной станции было настоящее столпотворение: суета, галдеж, крики, хриплые команды, ругань. Паровозы подавали свистки, чадили черным дымом, грозно шипели, выпуская из могучих котлов густой пар, и медленно уползали с переполненными составами на восток, а на их место подавались новые.

Наконец, Серафимовский лазарет после «многих усилий и напрасных мучений» погрузился в специально выделенные для него вагоны. Перед самым отбытием у отца Николая вышла размолвка с С. Г. Черниковским, который просил взять с собой его жену и малолетнюю дочь. Поэт, естественно, не желал оставлять их с шестью сотнями рублей, имевшихся в наличии, в городе, который в любой момент мог оказаться в руках неприятеля. Но старший врач братъ «посторонних» отказывался, отговариваясь тем, что поезд военный и он не вправе пускать туда лиц, не имеющих предписания к лазарету. Тогда Черниковский категорически заявил, что без семьи никуда не поедет, добавив, что отец Николай «найдет выход – когда захочет». В конце концов, официально сестрами лазарета еще записали: госпожу... и девочку...

Во всех местах, которые проезжал Серафимовский лазарет, царили суматоха, смятение и беспорядок. Вдоль железной дороги в направлении Смоленска, растянувшись на десятки и десятки километров, двигался поток повозок

²¹³ В соответствии с распоряжением Главного управления Генерального штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев и венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке.

с личным и государственным имуществом: мука... пианино... самовар... сломанный диван на трех ножках, детская колыбель... ящики, мешки, узлы, корзины...

Направлялись серафимовцы в Московскую губернию, на станцию Бородино, где неподалеку от нее в Спасо-Бородинском женском монастыре для лазарета выделили помещения²¹⁴. Стоял монастырь на Бородинском поле, близ деревни Семеновское. Основан он был в 1839 году Маргаритой Михайловной Тучковой – вдовой героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора А. А. Тучкова на месте его гибели. Впоследствии генеральша сама приняла монашеский постриг с именем Мария и сделалась игуменьей монастыря.

В дороге по пути к месту назначения не обошлось без приключений. Когда в Смоленске поезд сделал продолжительную остановку, одиннадцать сестер отпросились у отца Николая посмотреть древний кремль. Они намеревались вернуться ко времени отбытия, однако поезд непредвиденно отправился на полтора часа раньше, и сестры остались в незнакомом городе без документов, без денег, без теплой одежды. Перепуганные, они бегали по станции, пока им не помогли сесть на другой поезд и догнать свой лазарет на следующей остановке. Но здесь персонал Серафимовского лазарета встретила новая неожиданность: поступил приказ освободить московский поезд и перегрузиться из вагонов 2-го и 3-го класса в обычные товарные вагоны. Один такой вагон вмещал 40 человек или 6 лошадей.

15 сентября Серафимовский лазарет прибыл в Бородино. Когда стали выгружаться, оказалось, что в пути, по всей видимости, во время перегрузки в товарный состав, потерялись вагон и две платформы с лазаретным имуществом, а вместе с ними охранявшие их – рядовой Василий Дубов и ефрейтор Вильгельм Курц. В поисках пропавшего имущества отец Николай несколько дней отправлял на

²¹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 307 об.–308.

станции телеграммы, письма, просьбы, но ответов не приходило. Через некоторое время он сделал вывод, что «немец Курц подговорил Дубова, и они выдали имущество лазарета немцам»²¹⁵. Однако через полторы недели имущество и его охранники, грязные и голодные, прибыли в целости и сохранности в пункт назначения. Как выяснилось, Дубов и Курц не только не помышляли передавать имущество немцам, но даже, напротив, самоотверженно оберегали его от посягательств различных дорожных начальников, неоднократно намеревавшихся разгрузить вагон и платформы, чтобы забрать их для своих нужд. За время странствий бедолаги-санитары натерпелись всевозможных лишений, и если бы не деньги, всегда водившиеся в кармане Курца, Дубов бы «помер с голоду»²¹⁶.

Итак, 26 сентября лазаретное снаряжение было доставлено в Бородино. Его сразу же перевезли в монастырь и начали разворачивать лазарет, хотя отец Николай и считал, что помещения для этого совершенно непригодны. В тот же день он отправил главнокомандующему армиями Западного фронта генералу А. Е. Эверту и главноуполномоченному Российского общества Красного Креста графу Э. П. Беннигсену ходатайства о возвращении Серафимовского лазарета в Минск²¹⁷. Дело в том, что предоставленные монастырские помещения – в нескольких небольших деревянных постройках – оказались совершенно неподходящими для лечебного заведения, хотя в них и пришлось волей-неволей временно расположиться. Сам лазарет оборудовали в небольшом здании монастырской гостиницы, где в чрезвычайной тесноте смогли поставить всего 40 кроватей. В других помещениях расселился персонал. Водопровод здесь отсутствовал, освещение было керосиновое, а продукты пришлось доставлять

²¹⁵ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – *טשרניחובסקי שאול* [Черниковский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 190.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 289 об.

из Москвы. Ко всему прочему большинство помещений оказались настолько ветхи и не держали тепло, что на полу во время ночных холодов замерзала вода²¹⁸.

О непригодности помещений для лазарета отец Николай сразу же заявил настоятельнице монастыря игуменье Ангелине (Курочкиной), о чем просил ее уведомить Московский епархиальный комитет попечения о беженцах духовного звания. 23 сентября комитет сообщил архиепископу Сергию (Страгородскому), что разместить Серафимовский лазарет в Спасо-Бородинском монастыре не представляется возможным²¹⁹. Однако, наведя справки, комитет Красного Креста духовно-учебных заведений спустя три недели ответил, что монастырские помещения, перед тем, как направить туда лазарет, предварительно осматривал специально командированный графом Э. П. Беннигсеном человек, после чего отцу Николаю сообщили, что лазарет сможет развернуться в монастыре на 70 коек. А так как лазарет уже развернулся, то «заявление о невозможности разместиться» рассматриваться не может²²⁰. Между тем еще до этого главноуполномоченный Красного Креста ответил отцу Николаю, что в Бородино лазарет задержится недолго и недели через три вновь будет переведен в Минск²²¹.

К этому времени наступление германской армии в Белоруссии остановилось, и фронт стабилизировался на линии Двинск–Поставы–Барановичи–Пинск.

Военные тайны...

Когда стало ясно, что в Бородино в ближайшее время никакой медицинской работы не предвидится, С. Г. Черниковский отпросился у отца Николая навестить родителей.

²¹⁸ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 28. – С. 698–699.

²¹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 288.

²²⁰ Там же. Л. 292.

²²¹ Там же. Л. 308.

Точно так же поступили некоторые сестры и два санитар-добровольца – Владимир Панасюк и Василий Рубахин, не так давно появившийся в лазарете.

Решив никого не извещать о своем приезде, поэт в середине октября отправился в Таврию²²². Это был последний раз, когда он посещал родное село.

Приезд сына несказанно обрадовал стариков-родителей. С радостью приветствовали Черниховского и евреи Михайловки, кроме лишь тех немногих, кто считал, что он занимается мобилизацией солдат, носит капитанские погоны и оружие. «Никогда так не почитали меня жители деревни, как в тот раз», – вспоминал поэт. Впрочем, все недоумевали, отчего не надеты у него знаки отличия. А их и не было, так как Черниховский не имел офицерского звания, а форму носил как чиновник военного времени.

Поэт вспоминал, что деревня жила слухами, страхами, предчувствиями: как будто ожидание чего-то страшного таилось в глубине сердец. Ужас перед грядущим, тревожные предсказания, предчувствия витали даже в этих отдаленных от фронта краях. «Что же будет в конце? – спрашивали люди друг друга. – Кто победит?» В деревне было немало солдат, приехавших на побывку после ранения или демобилизованных по инвалидности. Вели они себя заносчиво, уважения к власти почти не проявляли. Солдаты-мужики были уверены, что грядет их время, что будущее в руках тех, у кого винтовка. Уже тогда Черниховскому стало совершенно ясно, что над миром повис незримый топор, который пройдет каждую дверь²²³.

По ночам поэт наблюдал, как в полумраке краснела степь: то тут, то там полыхали зарницы. Это уже горели хутора ростовщиков и их гумна. И никто не спрашивал:

²²² 6 октября отец Николай уехал по служебным делам в Петроград, поручив исполнение своих обязанностей С. Г. Черниховскому. Следовательно, поэт не мог уехать к себе на родину раньше возвращения в Бородино старшего врача.

²²³ שלשים ושלשה ספורים [Черниховский Саул]. ששרניחובסקי שאל [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 191–192.

кто поджег? Черниховский страстно желал, чтобы члены дорогой ему с детства маленькой общины поспешили уйти из деревни, по крайней мере, в город.

«Что же будет в конце?» – с грустью размышлял он. Этот вопрос офицеры задавали друг другу еще в начале войны. И многие приходили к одному ответу: конец войны – революция!..

После недолгой побывки, распрощавшись с родителями и знакомыми, поэт отправился в Бородино. Несколько дней он провел в Александровске²²⁴, где жили его брат и сестра.

Во время отъезда Черниховский столкнулся на железнодорожной станции с обычной в то время проблемой: поиском места. Пробираясь сквозь пеструю толпу на перроне, он выискивал и выспрашивал в вагонах место. В составе имелись три вагона для офицеров, но и они оказались переполнены. Первый вагон – нет мест, второй вагон – нет мест, третий вагон – тот же ответ: нет мест! А на станции Черниховского ждали близкие, чтобы попрощаться. Не надеясь уже найти место, он попросил проводника присмотреть за вещами, пока сам не вернется, пояснив, что на станции его ждут. Тогда растерявшийся проводник сказал:

– Ваше превосходительство, нет мест! То есть по правде есть, но...

– Что это значит?

– Это не в моей власти. Место есть, но... Не в моей власти, Ваше превосходительство.

– Значит, есть? Покажи!

Проводник открыл купе. Оно было пустое. Судя по обстановке, его занимал один человек, военный. Остальные места были не заняты, как бы ничейные. Недолго думая, Черниховский оставил вещи в купе под ответственность проводника и, выходя, бросил:

²²⁴ **Александровск** – уездный город Екатеринославской губернии, ныне город Запорожье, административный центр Запорожской области Украины.

– Закрой!

В мирные годы станция Александровска была типичной для юга России, с бойкой и веселой суетою, вроде «приятного празднества». Но теперь, в военное время, она стала шумна вдвойне и уже не столь «празднична».

Прощаясь с родными, Черниковский невольно обратил внимание в толпе на молоденького курносого офицера-морьяка, перед которым навтыяжку стоял краснощекий детина-солдат, «парень что надо». Офицер назидательно говорил:

– Итак, запомни и не забывай! Через две недели ты здесь!

– По Вашему приказанию, Ваше благородие!

Когда Черниковский вернулся в вагон и вошел в купе, перед ним стоял тот самый морской офицер. Попутчики отдали друг другу честь. Пожимая Черниковскому руку, офицер сказал:

– Ладно, если господин врач уже здесь – оставайтесь!

– Что это значит? – спросил Черниковский. – Вы один занимаете целое купе?

– Совершенно верно, господин доктор, купе действительно все мое.

– Как же такое возможно?

– Все мое! Я еду по особому поручению и в моем распоряжении особое купе.

– В самом деле?

Молодой офицер извлек из кармана удостоверение: на имя такого-то... едущего по особому поручению... есть у него право на особое купе...

После этого Черниковский несколько утратил решительность и более деликатно спросил:

– И все-таки, почему для одного особое купе? Ведь Ваше поручение не остановится, если даже не окажется своевременно отдельного купе? Разве нет?

– Вы видите, господин доктор, этот пакет? – с некоторым тщеславием сказал мальчишка-блондин, подняв подушку у

изголовья и достав большой и пухлый конверт, вложенный внутрь брезента, увязанного тонкой веревкой и облепленного по бокам темно-красными сургучными печатями. По свертку проходил длинный адрес, выведенный превосходным крупным почерком.

– Конверт этот я везу в Петроград в главный морской штаб.

– Конверту необходим особый посланник? – не унимался Черниковский.

– Несомненно! В этом конверте новый план установки мин в районе Рижского залива.

– Из этого вытекает, что в нем как бы военный секрет?

– Совершенно верно! Я ответственен головой. Военная охрана сопровождала меня, и часовой стоял возле двери, но это только привлекало чрезмерное внимание. Отказались. Последний часовой остался в Александровске.

– Но, господин офицер, как же это, такой важный пакет находится под подушкой? Вложите его, по крайней мере, в Ваш багаж.

– Мой багаж не вместит его. Правильно! Знаете что? Вы вложите внутрь своего багажа, потому что он большой!

– Нет, нет, дорогой! Дело в том, что я не хочу брать на себя ответственность за военную тайну. Пусть Ваше будет у Вас!

Завязав, таким образом, разговор, спутники продолжали его: и открылась Черниковскому масса вещей, содержащих некую тайну и военные секреты. Морской офицер, к немалому удивлению доктора, говорил не иносказательно и совершенно не хранил уста.

Разговор все продолжался, станции сменялись одна за другой, наконец, прибыли в Харьков. Харьковский вокзал считался одним из красивейших среди железнодорожных станций больших городов. Когда поезд остановился, моряк-офицер предложил:

– Господин доктор, выпьем чаю?

- А конверт?
- Пакет в моем кармане!

Черниковскому казалось, что о конверте тревожится больше он сам, нежели этот мальчишка-офицер.

Вокзал, как и следовало ожидать, оказался переполнен. В буфете не нашлось свободных столиков, так что пришлось ждать, пока освободится место. Пока дожидались, Черниковский стал свидетелем забавного разговора двух пожилых чиновников, которые пытались иносказательно говорить о военных секретах. Однако морской офицер прекрасно их понял и обескуражил собеседников, выложив напрямую то, что они так тщательно скрывали от посторонних.

Когда вернулись в вагон и поезд едва отошел от станции, в купе кто-то постучал.

- Входите!

Вошел капитан, отдал честь и поклонился морскому офицеру:

- Капитан В... командир батальона такого-то полка... направляюсь в Курск. Господин офицер, нет места даже присесть, а я очень уставший, только прибыл из Таврии после ранения... у меня нет выбора кроме как просить Вас о любезности...

В итоге капитан занял место рядом с Черниковским. И сразу начались разговоры о том, о сем, о командующем и о командовании вообще, о Генеральном штабе. Хорошо, что никто не стоял за дверью и не слышал всего, что рассказывали военные.

- И когда мы заняли Иоганнисберг²²⁵, солдаты набросились на женщин. Не осталось и восьмилетней не изнасилованной девочки... Что я мог поделать? Не осталось в моем подчинении никого, кроме евреев и татар. Стреляли в меня люди из «Армии Спасения».

²²⁵ **Иоганнисберг** (нем. *Johannisburg*) – восточнопрусский городок, ныне польский город Пиш.

– А они? Несомненно, что нет им ничего хорошего от нас, но у них есть фотографии того, что мы сделали, а у нас: военные секреты...

За беседой капитан доставал из своей вместительной корзины бутылку за бутылкой.

– Запасы из складов князя Голицына, – пояснял он.

Пили всю ночь. Когда рано утром Черниховский открыл глаза, капитана в купе уже не было. Поэт посмотрел на голову морского офицера, она «пока еще болталась на шее», а обернутый брезентом пакет со многими печатями покоился под его головой²²⁶.

Вот такой «неожиданный охранник» оказался попутчиком Черниховского...

Вскоре после возвращения в Бородино Черниховский приказом по Западному фронту был награжден сразу двумя орденами: Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-й степени²²⁷. Одновременно с ним награду получил и капитан С. П. Васильев – Анну 2-й степени²²⁸.

Поскольку здесь никакой медицинской работы не было, Черниховский с капитаном коротали время за прогулками по живописным окрестностям, особенно когда выдавались погожие деньки.

Места эти были овеяны героической славой русского оружия и русского духа. Сам монастырь располагался на месте средних Багратионовых флеш. Прямо напротив монастырской гостиницы, где разместился Серафимовский лазарет, возвышался величественный монумент – «Благодарная Россия своим защитникам», воздвигнутый в 1912 году по проекту архитектора С. К. Родионова²²⁹. Представлял он собой грандиозный обелиск четырехугольной формы: на

²²⁶ שלשים ושלשה ספורים [Черниховский Саул]. – טשרניחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 192–196.

²²⁷ Приказ главнокомандующего армиями Западного фронта от 20 ноября 1915 г. № 2386.

²²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 150.

²²⁹ В советское время монумент был снесен. В 1995 г. восстановлен вновь.

мощном гранитном пьедестале серого цвета возвышалась многоярусная пирамида из стволов артиллерийских орудий с гербами российских городов, пожертвовавших средства на сооружение этого монумента. Венчала памятник фигура святого Георгия Победоносца на коне, обрамленная лавровым венком. На боковых гранях основания имелись литые шильды со словами Александра I и Николая II о незабвенных подвигах героев Бородинского сражения. Стоял памятник метрах в ста от гостиницы, недалеко от развилки дороги, ведущей от деревни Семеновское к Спасо-Бородинскому монастырю и деревне Шевардино.

Вообще здесь повсюду было немало памятных мест и памятников, установленных к 100-летию Бородинской битвы в юбилейный 1912 год.

Чуть поодаль, в сторону Семеновского, у дороги стоял памятник 4-му кавалерийскому корпусу генерала К. К. Сиверса. На гранитной глыбе со сколами, увенчанной литым двуглавым орлом, золотом были начертаны: на лицевой стороне посвящение полкам корпуса, на тыльной – список погибших и раненых воинов в день сражения.

В поле за селом Семеновским, в сторону Бородино, стоял камень с двуглавым орлом наверху – памятник Волынскому пехотному полку. Чуть дальше находился памятник полевой конной артиллерии с бронзовым барельефом, изображавшим выезд на позицию конной артиллерии, созданный по рисунку командира 20-й конной батареи К. А. Буйницкого. Еще дальше высился памятник 12-й пехотной дивизии генерала И. В. Васильчикова. Далее, в сторону батареи Раевского, стоял памятник 24-й пехотной дивизии генерала П. Г. Лихачева. Вокруг памятника были установлены четыре гранитные плиты с названиями полков дивизии. На одной из них значилась надпись: 84-й пехотный Ширванский Его Величества полк. Тот самый полк, недавний командир которого В. В. Троцкий-Сенютович лечился в Серафимовском лазарете.

Главный монумент русским воинам – героям Бородинского сражения на Курганной высоте – возвышался на месте батареи Раевского. Установлен он был еще в 1839 году по проекту архитектора Антонио Адамини. Чугунную восьмигранную столпообразную часовню высотой 27,7 метра венчали глава в виде булавы и позолоченный православный крест. Западную грань украшала икона Спаса Нерукотворного – покровителя русского воинства. Тексты на памятнике, начертанные золотом, представляли краткую летопись всей Бородинской битвы. Рядом с памятником находилась могила генерала П. И. Багратиона, командовавшего 2-й Западной армией и смертельно раненного в Бородинском сражении.

В окрестностях Спасо-Бородинского монастыря и села Семеновского стояло еще немало памятников: 27-й пехотной дивизии генерала Д. П. Неверовского, 4-й пехотной дивизии генерала Е. Вюртембергского, 1-й конной батарее лейб-гвардии Артиллерийской бригады капитана Р. И. Захарова, Муромскому пехотному полку, 2-й кирасирской дивизии генерала И. М. Дуки, лейб-гвардии Измайловскому полку, лейб-гвардии Литовскому полку, лейб-гвардии Финляндскому полку и др.

На капитана Васильева, который, как уже говорилось, почти нигде не бывал и знал в основном лишь людей своего круга, широкие русские просторы, овеянные ратными подвигами, производили глубокое впечатление. Кроме того, по воспоминаниям Черниховского, он с удивлением смотрел на жизнь крестьян, «как европеец на жителей Австралии».

Но вообще здесь царил скука...

Возвращение

В Спасо-Бородинском монастыре существовало любопытное предание: если войне суждено будет прорваться вглубь страны, монахини найдут в известном месте на земле пятна крови, и всем нужно будет уходить из обители. «Все три

сотни монахинь, – вспоминал Черниховский, – трудящиеся 18 часов в день ради Небес, сидят на своих мешках – “чресла их препоясаны, обувь их на ногах их и посохи их в руках их”²³⁰, совершенно готовые во всякое время и во всякий час уносить старые и больные ноги и идти в Москву. Кто еще, как не они, знает, что этой дорогой прошел враг так же сто лет назад?»²³¹

На самом же деле исхода из монастыря, больше чем монахини, ожидали серафимовцы, особенно отец Николай.

Но никаких распоряжений о возвращении лазарета в Минск не поступало. Не зная, что предпринять, иеромонах Николай решил искать помощи у Августейшей покровительницы. В середине октября он выехал в Петроград, где 21 числа был принят в Царском Селе Великой княжной Татьяной²³².

Из Петрограда отец Николай отправился в Минск, чтобы выяснить обстановку на месте. Оказалось, что семинарский корпус занят Управлением главного начальника снабжения армий фронта. Тогда отец Николай встретился с епископом Митрофаном, который предложил занять под лазарет здание духовного училища. При этом нужно было спешить, поскольку Минский городской распределительный комитет мог в любой момент предоставить помещения кому-либо другому. 27 октября отец Николай послал в Петроград телеграмму, чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений срочно телеграфировал в Минск в распределительный комитет с просьбой предоставить здание духовного училища Серафимовскому лазарету²³³. Так и поступили. Однако уже

²³⁰ Черниховский перефразирует фрагмент библейского стиха из книги Исход, повествующий как следует есть пасхального агнца накануне ухода из Египта: «Ешьте же его так: **пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших**, и ешьте его с поспешностью: это – Пасха Господня» (Исх. 12: 11). – *Авт.*

²³¹ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – תשרי חובסקי שאול [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 190.

²³² РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 65.

²³³ Там же. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 298.

29 октября на имя архиепископа Сергия (Страгородского) от епископа Митрофана пришла телеграмма с сообщением, что здание училища занял лазарет Курского земства. Вместе с тем в ней говорилось: «1 декабря тут открываются занятия семинарии. Разрешение главнокомандующего дано. Серафимовский лазарет надеется получить здание семинарии»²³⁴.

Итак, отец Николай вернулся в Бородино ни с чем. Время шло, а возможности занять какие-либо помещения в Минске пока не предвиделось. Тогда отец Николай решил снова прибегнуть к авторитету Августейшей покровительницы. Невзирая на то, что здание Минской духовной семинарии занимало столь жизненно важное для армии учреждение, как Управление главного начальника снабжения армий фронта, старший врач Серафимовского лазарета решил во что бы то ни стало вернуть его в свое распоряжение. 19 ноября отец Николай послал в Царское Село на имя Великой княжны Татьяны телеграмму с просьбой о содействии в возвращении лазарета в здание семинарии, приспособленное для него «исключительно средствами лазарета». В телеграмме говорилось, что здание находится в распоряжении генерала Эверта и «занято канцелярией снабжения»²³⁵.

Когда о телеграмме узнали в Главном управлении Российского общества Красного Креста, поступок иеромонаха Николая вызвал большое недовольство среди его руководства. Начальник канцелярии Главного управления счел поступок «заслуживающим и с дисциплинарной, и с моральной точки зрения строгого порицания»²³⁶. Дело в том, что отец Николай грубо нарушил субординацию: он не должен был предпринимать официальных шагов «через голову» главноуполномоченного внутреннего района Российского общества Красного Креста А. Д. Самарина, которому подчинялся Серафимовский лазарет. А попытка через Великую

²³⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 297.

²³⁵ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 66.

²³⁶ Там же. Л. 67–67 об.

княжну изменить распоряжение главнокомандующего «вызвала глубокое негодование». В управлении Красного Креста считали, что эту телеграмму следовало адресовать А. Д. Самарину или, в крайнем случае, самому генералу Эверту. Не понравилось и «развязное» выражение в телеграмме: «...занят канцелярией снабжения», низводившее Управление снабжения армий фронта до уровня какой-то канцелярии²³⁷. Впрочем, это были уже мелочи.

В дело вмешалась императрица, причем весьма корректно. Александра Федоровна распорядилась сообщить А. Д. Самарину о своем желании, чтобы Серафимовский лазарет «имелся в виду, на первой очереди, в случае назначения госпиталей, расположенных вне города Минска, к переводу в означенный город». 4 декабря граф Я. Н. Ростовцев сообщил об этом отцу Николаю²³⁸.

11 декабря в Царском Селе граф вновь докладывал то же дело Александре Федоровне. Императрица порекомендовала пока подождать.

Между тем вопрос к этому времени уже решился, причем безо всяких затруднений, после того как архиепископ Сергей (Страгородский) от имени комитета Красного Креста духовно-учебных заведений обратился непосредственно к генералу А. Е. Эверту. Тот в телеграмме от 7 декабря ответил, что «помещения Минской духовной семинарии освобождены и могут быть предоставлены Серафимовскому лазарету»²³⁹.

21 декабря 1915 года лазарет вновь вернулся в Минск. Теперь помещения для него предоставили только в верхнем этаже семинарского корпуса, хотя раньше лазарет занимал верхний и половину нижнего этажа. Правда, взамен предложили квартиру ректора и помещение образцовой школы, которая, по мнению отца Николая, была «ни к чему».

²³⁷ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 67 об.

²³⁸ Там же. Л. 69–69 об.

²³⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 160.

Семинарские помещения меж тем оказались в ужасном состоянии: почти все электрические провода были оборваны, выключатели и другие приборы «выдраны вместе с частью стен», плиты в кухне выворочены и «утащены неизвестно куда», в окнах выбито более 100 стекол, через разбитые окна в помещения нанесло снег, стены оказались изуродованы – «прямо варварски испорчены специального характера литературой насколько позволяет рост человека». В квартире ректора также все обои оказались исписаны похабщиной и автографами. Следы разрушения обнаружились и в семинарской церкви: стекла были выбиты, штукатурка отпадала, электрическая арматура разбита, иконостас отставал от своего места и был несколько поврежден, церковные облачения и утварь отсутствовали²⁴⁰.

Первым делом пришлось застеклять окна и убирать мусор, лишь после этого можно было занять помещения. «Мы с двадцать первого в Минске, но сегодня первый день в лазарете, пока ничего не устроено», – писал 30 декабря отец Николай архиепископу Сергию²⁴¹.

Первое время в помещениях невозможно было находиться без теплой одежды, так как стены промерзли и их долго не могли прогреть. Утешало персонал лишь то, что «другим приходится хуже».

О состоянии семинарских помещений отец Николай сразу же сделал подробный доклад главноуполномоченному Красного Креста на Западном фронте. После осмотра здания специалистами был разрешен полный ремонт, причем на приведение в порядок церкви была отдельно выделена дополнительная сумма в 300 рублей. Во время ремонтных работ выяснилось, что вследствие небрежного надзора за зданием во время зимних месяцев, а также сильной течи крыши начали обваливаться потолки. Ввиду этого потолки были заново исправлены, стены перетерты и покрыты

²⁴⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 160–160 об.

²⁴¹ Там же. Л. 160.

краской, полы окрашены. Восстановить помещения удалось лишь к концу апреля, при этом было израсходовано более 4500 рублей. Причем деньги эти выделило Управление главноуполномоченного Красного Креста.

Дело о нагрудном знаке

Вскоре после возвращения Серафимовского лазарета в Минск отца Николая встретило приятное известие. Приказом по армиям Западного фронта от 24 декабря 1915 года он был награжден сразу двумя орденами: Святой Анны 2-й и 3-й степеней.

Но отцу Николаю хотелось также иметь особый нагрудный знак...

Еще в декабре 1915 года он обратился к графу Я. Н. Ростовцеву с письменной просьбой ходатайствовать перед Великой княжной Татьяной об учреждении нагрудного знака для персонала и служительской команды Серафимовского лазарета. Эскиз знака и проект положения о нем прилагались. Знак должен был иметь форму прямоугольного равностороннего креста, покрытого красной прозрачной эмалью, обрамленной узкой золотой полоской, с рельефными накладками: золотым вензелевым изображением имени Великой княжны Татьяны и золотой великокняжеской короной. Согласно проекту положения, знак учреждался «в ознаменование трудов понесенных лицами персонала при исполнении ими служебных обязанностей во время военных действий в учреждении, состоящем под Высоким Покровительством Ее Императорского Высочества». Никаких прав и преимуществ он не давал. Знак предполагалось присвоить лицам персонала – врачам, заведующему хозяйством, делопроизводителю и сестрам, состоящим на службе в лазарете к 12 января 1916 года. Лицам же, поступившим в лазарет после указанной даты, для получения знака необходимо было прослужить в лазарете год. Нижние чины,

вольнотнаемные санитары и другие служащие лазарета, согласно проекту, имели право на ношение такого же знака, но металлического, оксидированного без золота и эмали²⁴².

«Смею льстить себе надеждой, что персонал лазарета будет обрадован новой к нему Милостью Ее Императорского Высочества ко дню Ея Тезоименитства 12 января 1916 года», – заключал просьбу отец Николай²⁴³.

4 января граф Я. Н. Ростовцев написал об этом председателю Российского общества Красного Креста А. А. Ильину с просьбой высказать мнение относительно прошения иеромонаха Николая. Через две недели А. А. Ильин ответил, что Главное управление находит удовлетворение ходатайства невозможным, так как по принятому в Управлении взгляду «учреждение нагрудных знаков для местных организаций Красного Креста недопустимо, в случае же надобности учредить какой-либо знак в воспоминание как о пожертвованиях, так и о личном участии в деятельности Красного Креста, таковой может быть разрешен только в виде жетона и при том непременно условии, чтобы рисунок жетона, а в случае распространения за плату, и условия выдачи были представлены предварительно на утверждение Главного Управления»²⁴⁴. 29 января Я. Н. Ростовцев доложил императрице о просьбе иеромонаха Николая и об отзыве А. А. Ильина. Александра Федоровна распорядилась передать старшему врачу Серафимовского лазарета мнение Главного управления, на чем дело и закончилось.

В начале января 1916 года отец Николай возбудил ходатайство о награждении духовника лазарета иеромонаха Ювеналия наперсным крестом. Старший врач писал о духовнике: «С сентября 1914 г. по август 1915 г. безвозмездно с отменным усердием и ревностью нес свои обязанности, часто навещая раненых, ободряя их словом утешения,

²⁴² РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 81–81 об.

²⁴³ Там же. Л. 72.

²⁴⁴ Там же. Л. 76–76 об.

удовлетворяя их духовные потребности таинствами Святой Церкви»²⁴⁵. Весной этого же года Синод удовлетворил ходатайство.

Мелодии войны

Полгода в Серафимовском лазарете не велось медицинской работы. Имея много свободного времени, доктор Черниховский снова смог вернуться к творчеству. В начале 1916 года он написал два совершенно противоположных по настроению стихотворения: «Из песен нашего времени» (Мимангинот га-зман) и «Моя песнь» (Мангина ли).

О чем же писал поэт в эти дни? Что занимало его мысли и чувства?

Охвативший Россию в начале войны патриотический подъем не обошел стороной и евреев. Мобилизация среди них прошла практически без недобора. Процент евреев в армии оказался выше, чем в составе населения России в целом: в 1914 году в армии насчитывалось 400 тысяч евреев, а в 1916 году их число возросло до полумиллиона. Много евреев состояло в армии врачами, даже офицерами. Тысячи евреев получили награды, некоторые стали полными Георгиевскими кавалерами. Тем не менее, с первых дней войны среди высшего командования армии и военной администрации прифронтовых районов проявлялось недоверчивое отношение к евреям. Широкое распространение получали слухи о якобы поголовной поддержке евреями Германии, об их ненадежности в войсках, о шпионской деятельности в пользу врага и т. д. Не будем вдаваться в исследование причин такого отношения – вопрос этот очень сложный и неоднозначный.

Еще в самом начале войны на местах появились приказы о выселении евреев из прифронтовой полосы. Но настоящим

²⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 143.

бедствием для еврейского населения стал 1915 год, когда во время Великого отступления начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич, подозревая в евреях пособников врага, стал издавать распоряжения о массовом выселении их из большей части Курляндской и Ковенской губерний. Россия наполнилась еврейскими беженцами, которые скитались с места на место, не находя пристанища. Такая политика военного руководства вызвала волну возмущений в России и за границей. Управляющий делами Совета министров А. Н. Яхонтов вспоминал, что «даже непримиримые антисемиты приходили к членам правительства с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте»²⁴⁶. Особоуполномоченный по гражданскому управлению Прибалтийского края П. Г. Курлов под свою ответственность остановил высылку некоторых категорий еврейского населения – врачей и всех тех, кто участвовал в снабжении армии. На заседании Совета министров министр внутренних дел Н. Б. Щербаков и министр земледелия А. В. Кривошеин прямо заявляли, что генерал Н. Н. Янушкевич пытается свалить на евреев ответственность за неудачи на фронте. После этого военное командование было вынуждено отдать приказ о приостановке выселений²⁴⁷.

После того как 23 августа 1915 года генерал Н. Н. Янушкевич был смещен с должности, антиеврейская политика военных властей несколько смягчилась.

Между тем из Ставки шли распоряжения изгонять евреев с армейских нестроевых должностей, особенно из писарей, хлебопек, санитаров, телефонистов, телеграфистов. Для предотвращения антиправительственной пропаганды, которую якобы вели евреи-врачи и санитары, предписывалось направлять их не в санитарные поезда и госпитали, а «в

²⁴⁶ Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. – СПб., 1996. – Кн. 7. – С. 293.

²⁴⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, Еврейский университет в Иерусалиме, 1994. – Колонки 356–357.

такие места, где условия мало благоприятствуют развитию пропаганды, как, например, на передовые позиции, уборку раненых с полей сражений»²⁴⁸. Предписывалось также изгонять евреев из персонала Красного Креста, Земского союза, Союза городов и Северопомощи, кроме врачей²⁴⁹.

Бедствия единоплеменников Черниховский наблюдал воочию. Уже в первые месяцы войны в Минск стали стекаться тысячи еврейских беженцев. Все чаще доходили известия о несправедливостях и насилиях по отношению к евреям в Галиции и других местах. Виденное и слышанное болью отзывалось в сердце поэта, копилось внутри невысказанным страданием, бессилием и, наконец, нашло выход в стихотворении «Из песен нашего времени». Это крик боли за своих единоплеменников, подвергающихся в России с началом войны страшным унижениям. Черниховский говорит о своей судьбе и судьбе каждого еврея, участвующего в войне: он поит своей кровью «родную землю», и никто не знает ни места, ни времени, где и когда будет лежать «среди трупов убитых и убивающих по неведению», где найдет последнее пристанище и кто будет «свидетелем его агонии». Поэт описывает места, в которых умирают солдаты: «в опустевшем окопе», «в почерневшей воронке», «в углу зловонной душной хаты на полотне носилок»...

Хотя в размышлениях о судьбе страдающего народа Черниховский пессимистичен, однако, как великий поэт, он возносится над крайним пессимизмом:

*Я знаю, в огромном мире
Никогда не прекратятся
Кровь и слезы, это навечно...
И если голоса их не слышно,
Не напрасно каждая капля адела,*

²⁴⁸ Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. – Берлин, 1928. – Т. XIX. – С. 249.

²⁴⁹ Там же. – С. 276.

Святая, горячая.

Не зря текла, не зря упала на землю,

Но пробивалась сквозь стены рабства

И оковы многих поколений

К спасенью и свету.

И если сулит мне судьба – о, мой Боже, готов я...

Черниковский верит, что страдания и пролитая кровь не останутся бесплодными и в конечном итоге послужат «для спасения и для света». Огорчает поэта лишь то, что воспользуются приобретенными благами другие: «Если сжалится Господь над этим благословенным краем... И если силою моей крови заколосится нива... Не мои сестры станут собирать васильки меж колосьев... Не мои братья станут жать и вязать снопы – Но чужие, одни лишь чужие...».

В этом произведении Черниковский постарался описать то, что случилось с евреями России в Первую мировую войну, что случалось и будет случаться с народом Израиля в каждом поколении и во время каждого большого мирового события. И познание этого удручало его до крайности.

Противоположностью печальным «Песням нашего времени» стало стихотворение «Моя песнь», заканчивающееся радостью, надеждой и мощью духовного подъема. Мелодия эта полна огня и силы, она поднимается из глубин и будоражит «доверчивое сердце», ибо «песня моей крови это песня моей победы, песня возвышенная и полная мощи»²⁵⁰.

Именно эти два стихотворения Черниковский написал в Минске. Но с кем он мог тогда поделиться своими переживаниями?

²⁵⁰ רמולק פסוי [Клаузнер Йосеф]. יקסבוהינרשט לואש [Саул Черниковский: человек и поэт]. – וועט ויגטנום ריס מש-לע תירבע נרק: מילשורי הטיסרבינואה י"עש מירפס-תאצוהל תירבעה. – הרבחה ידחי לע [Иерусалим: Еврейский фонд имени сэра Монтегю Бертона совместно с группой издательства Еврейского университета], 1947. – С. 148–150.

Снова работа

В январе–феврале 1916 года в здании Минской духовной семинарии шли ремонтные работы и оборудование помещений для Серафимовского лазарета. Рассчитывали развернуться на 150 коек: 5 для офицеров и 145 для нижних чинов. Впрочем, пока это были лишь планы. Дело в том, что до эвакуации лазарет, имея 100 коек, занимал два этажа семинарского корпуса, за исключением части квартиры ректора, помещения семинарского правления на втором этаже, библиотеки, двух небольших комнат, одной спальни и квартиры инспектора на первом этаже. Теперь же лазарет занимал только верхний этаж семинарии, но с квартирой ректора и помещением правления. В части ректорской квартиры разместился персонал, очень и очень плотно, а в помещении правления устроили бельевую. В отведенных помещениях удалось установить всего 100 коек, в то время как имелось предписание развернуться на 150, а в случае экстренной необходимости – на 200.

В связи с расширением лазарета возникала и необходимость увеличения персонала. Планировалось: число сестер милосердия довести до 12, открыть вакансию третьего врача, пригласить специалиста для обслуживания предполагаемого рентгеновского кабинета, а число санитаров увеличить на пять-восемь человек. Только вот разместить их пока было негде, так как первый этаж семинарии занимал Пермский госпиталь²⁵¹.

Вместе со служебными и жилыми помещениями в порядок привели и лазаретную церковь. При ней теперь состояли: священник – духовник лазарета – иеромонах Иларию и диакон Григорий Кебец (позже диакон Михаил Оберман). Для церкви комитет Красного Креста духовно-учебных заведений прислал священническое и диаконское облачения,

²⁵¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 238–238 об.

евхаристические сосуды, напрестольное Евангелие и крест, 12 подсвечников (выносные, местные, подвесные и настольные), водосвятную чашу с кропилом, богослужебные книги и некоторые другие вещи церковного обихода²⁵².

По-прежнему с Серафимовским лазаретом продолжала разделять его нужды и семинария. По указанию центрального духовно-учебного управления в распоряжение лазарета была вновь передана часть семинарских постельных принадлежностей, ввиду чего приезжим воспитанникам предлагалось привозить с собой чехол для сенника, подушки и одеяло²⁵³.

Вместе с тем в связи с обстоятельствами военного времени администрация семинарии испытывала серьезные трудности с организацией учебного процесса. Всю половину 1916 учебного года учащимся приходилось перебираться с места на место. Занятия проходили в трех разных местах: в мужском духовном училище, в Архиерейском доме и в Екатерининской двуклассной церковно-приходской школе. Спальные помещения для учеников находились в больнице при семинарии, в больнице при женском епархиальном училище и в Свято-Духовом мужском монастыре²⁵⁴.

1 марта отец Николай сообщил в Управление главного уполномоченного Красного Креста на Западном фронте, что Серафимовский лазарет развернулся на 100 коек: 5 для офицеров и 95 для нижних чинов. В тот же день поступили первые больные и раненые²⁵⁵. Направлялись они в основном из 8-го Головного эвакуационного пункта, и лишь незначительная часть поступала по переводу из других

²⁵² О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 28. – С. 699–700.

²⁵³ В духовной семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 3–4. – С. 103.

²⁵⁴ В духовно-учебных заведениях // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 6. – С. 195.

²⁵⁵ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 28. – С. 698–699.

лечебных заведений города. Все поступавшие в это время были в основном терапевтические.

В конце марта отец Николай писал архиепископу Сергию: «Работы и нет и в тоже время громадное количество. С ремонтом управились; раненых мало, больных много; разворачиваемся на 150, в дальнейшем возможно 200. Убедительно просил бы Вас разрешить некоторые вопросы в благоприятном смысле для лазарета. Дело в том, что все здесь расположенные лазареты частной организации получили подарки к Рождеству в половинном размере месячного содержания или же вещами, лазареты общин Креста получили из своих мест, т. е. от местных крестовых отделений минимально на сумму 50 рублей не говорю уже об организации Великой Княгини Марии Павловны, где врачи получили золотые вещи – все это побуждает меня просить Вас сделать к Пасхе что-либо для всего медицинского персонала и санитаров, тем более, что число коек увеличено, а оклады пока прежние, самого меня это интересует мало – все равно растащат семинаристы, но у меня есть другие, с которыми пришлось по этому поводу говорить на Рождество и которые в праве и обижаются: сестры находятся в самых наилучших условиях – им и в крестовых складах даются на крайне экономических условиях различные вещи – служащие же мужчины этого получить там не могут и вынуждены за худшее платить в трое-четверо больше, да и в другие организации идти прельщают значительно большие оклады, так что если немного обласкать каким-либо знаком внимания, то не будет чувствоваться и обойденности – опять говорю, что это заставляют меня писать те условия и те обстоятельства в каких я оказался и как мне пришлось давать персоналу на Рождество и искусственно оправдываться тем, что лазарет не работал, а в таком положении правда быть не легко. Так же прошу не обидеть и санитаров, они во всяком случае работают значительно больше сестер, а ничего не получают за исключением копеек в месяц. У нас

в прошлом году получили все пасхальные подарки, хотя и скромные, но все же оцененные как знак внимания. Владыка, пожалуйста, поддержите это ходатайство, поверьте, что интересы подчиненных заставляют меня хлопотать об этих и о других вопросах, что даже в ущерб себе. Сам я очень устал и утомился, если смогу, то неделю думаю отдохнуть. Главное все нервная работа и какое-то улаживание и примирение лиц различных взглядов и характеров. Чувствую, что тем, у кого еще больше сестер чем у нас, много грехов простится; лучше с кем угодно можно ладить, чем бабами править»²⁵⁶.

10 апреля в Серафимовском лазарете встречали Светлое Христово Воскресение. Прошла пасхальная служба, был организован праздничный стол, подарки. Но... уже не так как год назад. Стало хуже с продуктами. Да и «пасхальные» деньги из комитета к празднику, кажется, не поступили.

Вечером того же дня отец Николай писал архиепископу Сергию: «Христос Воскресе! Приветствую Вас Светлым праздником. Послание Ваше получил и большое, большое Вам спасибо за весточку. Мы Пасху встретили хорошо, раненых и больных было до 90 человек, служили, молились и Вас вспоминали. Лазарет расширяем, устраиваю специальное челюстное отделение (зубное), уже назначен врач без затрат со стороны комитета. Хочу обменять часть своего помещения на более удобное, тем более что его хотят захватить для Пермского госпиталя, и в этом отношении уже предприняты шаги со стороны упомянутого госпиталя, если не смогу справиться один, то телеграфно буду просить Вашей помощи; помещение очень нужно, а то нас сжали со всех сторон». В просимом помещении отец Николай планировал разместить персонал, а освободившуюся площадь занять койками для больных и получить таким образом лишних 50 мест. «Сильно устал, – продолжал отец

²⁵⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 203–204 об.

Николай, – как от медицинской, так и от административной работы, часто многое принимаю близко к сердцу и треплю нервы. Очень и очень облегчает меня П. К. Рыболовов, не знаю, как благодарить за его устройство в лазарет и Вас и Александра Ивановича²⁵⁷, в то же время в виду его крайней полезной для лазарета службы прошу не отказать устроить его до конца, а именно – необходимо утвердить его в чине, он имеет свидетельство об окончании среднего учебного заведения, оно находится у меня в нотариальной копии – если возможно Владыка то, пожалуйста, устройте его по учебному комитету, он стоит того, человек ценный. Владыка Митрофан собирается служить у нас, но мы очень ждем Вас. Прошу Ваших молитв...»²⁵⁸.

Петр Константинович Рыболовов, о котором так усердно ходатайствовал отец Николай, появился в Серафимовском лазарете в конце октября 1915 года. Незадолго до того отец Николай просил комитет прислать специального человека «для ведения канцелярских дел». Именно для этого и прибыл студент Петроградского университета П. К. Рыболовов «с присвоением ему права ношения формы чиновника военного времени»²⁵⁹. Усердный и исполнительный, работавший без жалованья, он вскоре сделался «любимцем» отца Николая, пользуясь его неизменным расположением и покровительством, а вместе с тем и разными мелкими привилегиями. Отец Николай ходатайствовал о Рыболовове в связи с выходом 31 января 1916 года Высочайшего указа о призыве на воинскую службу студентов младших курсов, родившихся в 1895–1897 годах. Под этот указ подпал и П. К. Рыболовов, как родившийся в 1896 году. Он получил уведомление о необходимости явиться в распоряжение Минского уездного воинского начальника, однако отец Николай, не желая

²⁵⁷ Речь идет об Александре Ивановиче Оранском – секретаре комитета Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи. – *Авт.*

²⁵⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 234–234 об.

²⁵⁹ Там же. Л. 286.

отпускать верного помощника, искал способы оставить его при лазарете. Думается, что Рыболовов и сам не горел большим желанием идти на фронт, а потому усердно держался за свое место. В общем, являться к воинскому начальнику он пока не спешил...

15 апреля к Серафимовскому лазарету был прикомандирован зубоврачебный кабинет, которым заведовал известный минский дантист Яков Соломонович Напельбаум. Происходил он из мещан Минского уезда. Имел двойное имя Яков-Меер, что было довольно широко распространено среди ашкеназских евреев, да и отчество свое часто писал – Зальманович. Специальности Напельбаум обучался в Зубоврачебном институте Берлинского университета. Чтобы иметь возможность практиковать в России, он в 1904 году сдал в Харьковском университете специальные экзамены и получил свидетельство зубного врача. Когда в 1907 году в Минске открылась частная зубоврачебная школа доктора Льва Наумовича Шапиро и дантиста Абрама Лейбовича Демиховского, Напельбаум стал заведующим лечебницей при школе и руководителем практических занятий. Кроме того, он имел собственный зубной кабинет в доме, в котором сам проживал на улице Юрьевской 8, где принимал в вечерние часы. С 1914 года Напельбаум стал преподавать в зубной школе дентиатрию, пока в августе 1915 года учебное заведение не эвакуировали из Минска в Екатеринославль.

В начале 1916 года Напельбаум узнал, что подлежит призыву на воинскую службу как ратник ополчения 1-го разряда. Но в окопы идти он не хотел, да и по своей специальности мог больше пригодиться в тылу. Чтобы получить отсрочку Яков Соломонович решил поступить на службу в Красный Крест. 6 февраля 1916 года Напельбаум обратился к главноуполномоченному Красного Креста Западного фронта графу Э. П. Беннигсену с просьбой предоставить ему место врача в одном из подведомственных Кресту

учреждений. При этом он предоставлял в распоряжение главноуполномоченного свой «отлично оборудованный» зубной кабинет²⁶⁰. Предложение оказалось весьма кстати, поскольку в Минске в это время при военных госпиталях зубоврачебных кабинетов не имелось, а больных зубами поступало много. В тот же день, узнав о прошении Напельбаума, к главноуполномоченному обратился начальник минского 8-го Головного эвакуационного пункта ротмистр Алексеев с просьбой прикомандировать зубной кабинет к Уфимско-Приамурскому этапному лазарету. А поскольку лазарет не располагал свободными площадями, Алексеев выразил готовность выделить помещение для кабинета на пункте. После некоторых формальностей вопрос решился и 22 февраля Я. С. Напельбаума зачислили на службу в Красный Крест, поручив открыть кабинет на эвакуационном пункте. Вместе с тем он получил отсрочку от призыва до 1 июня 1917 года²⁶¹.

Уже через месяц в Управление главноуполномоченного поступила телеграмма от особоуполномоченного при 2-й армии, в которой сообщалось, что Уфимско-Приамурский лазарет переводится на фронт. При этом выражалась просьба прикомандировать зубоврачебный кабинет Напельбаума к одному из лечебных заведений Минска²⁶². Вскоре Напельбаум вместе с кабинетом был откомандирован от лазарета и переведен в резерв – впредь до особых указаний. Сначала кабинет предполагали перевести в Слуцк в распоряжение особоуполномоченного Кочубея, затем в распоряжение Варшавского эвакуационного тылового пункта № 1, но в конечном итоге прикомандировали к Серафимовскому лазарету. А поскольку в лазарете пока не имелось свободного места, кабинет временно оставили на 8-м Головном эвакуационном пункте²⁶³.

²⁶⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 513. Л. 1.

²⁶¹ Там же. Д. 19. Л. 57–57 об.

²⁶² Там же. Д. 513. Л. 2–9.

²⁶³ Там же. Д. 513. Л. 10–16.

Положение с помещениями в Серафимовском лазарете по-прежнему оставалось проблемным. Разместившийся на первом этаже семинарии Пермский госпиталь «не разбираясь путями», по выражению отца Николая, старался захватить дополнительные площади и уже вел переговоры о занятии семинарской больницы. 22 апреля отец Николай писал архиепископу Сергию: «Владыка, большая к Вам просьба – поддержите мою просьбу у преосвященного Митрофана в том, чтобы эту больницу никому не отдавал кроме нас, это, во-первых, во-вторых же, очень и очень необходимо нам сейчас помещение, я бы почтительнейше просил Вас поспособствовать обмену указанной больницы на образцовую школу и квартиру духовника, в указанных помещениях свободно можно разместить первый класс, т. е. спальные комнаты, кои расположены в больнице, а мы бы немедленно приступили к ремонту, помогите Владыка в этом нашем деле»²⁶⁴.

Заняв больницу, отец Николай рассчитывал установить недостающее число коек и решить проблему с расселением персонала, количество которого к этому времени уже увеличилось. Так, в составе лазарета появились временно прикомандированные обслуживать зубной кабинет дантист и женщина-врач «в качестве сестры милосердия». Кроме того, ожидался хирург с Либаво-Роменской железной дороги – «человек очень опытный и благочестивый».

«Зная, что преосвященный Митрофан в Петрограде, – продолжал письмо отец Николай, – я и решился обратиться к Вам с убедительной просьбой о больнице и еще раз прошу о содействии. Раненых ждем – вчера чистили лазарет, т. е. эвакуировали больных; мы отправили от себя 47 человек – почти половину. Медицинской работы пока немного, но административной ужас и утомляет она очень и нервы мотает. Устал. Если удастся, то в конце мая на неделю

²⁶⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 238 об.

думаю поехать в отпуск; очень были бы счастливы мы все повидать Вас среди нас в лазарете, сейчас и вагон беспересадочный идет из Петрограда. Простите! Очень утомляю Вас письмом своим. Прошу благословения...

Р. С. Владыка! Мы не получили денег из Комитета: наградных сестрам и санитарам, жалованье сестре Кутасовой за февраль, март, апрель в мое безотчетное распоряжение за эти же месяцы. У нас есть 500 рублей для раздачи раненым, их я считаю не вправе тратить на это. Если возможно распорядитесь о высылке этих сумм»²⁶⁵.

В 20-х числах апреля Серафимовский лазарет получил долгожданное оборудование для рентгеновского кабинета. Вопрос о необходимости его приобретения отец Николай впервые поднял еще в ноябре 1914 года, когда пришлось столкнуться с проблемой рентгенизации раненых. Рентгеновские кабинеты Минска, которых в то время было всего четыре²⁶⁶, оказались перегружены работой. Ближайшим к Серафимовскому лазарету был рентгенкабинет при губернской Земской больнице, расположенной на той же улице, что и семинария. Однако при обращении туда приходилось, как правило, ожидать очереди, а время, назначенное на рентгенизацию, часто совпадало с часами усиленной работы в лазарете и наносило общему делу «громадный ущерб, отрывая рабочие руки». Поэтому иногда приходилось даже отказываться от направления раненых на рентген и переводить их поскорее в другие лечебные заведения. Случалось, что из-за невозможности произвести рентген приходилось откладывать операции, что крайне негативно сказывалось на состоянии пациентов. А между тем нередко возникала необходимость отправлять некоторых раненых на рентген

²⁶⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 241–241 об.

²⁶⁶ Рентгеновские кабинеты в Минске на начало 1915 г. имелись: 1) в губернской Земской больнице (ул. Александровская, д. 4), заведующий Т. К. Кодис; 2) в Еврейской больнице (ул. Губернаторская, д. 52–54), заведующий С. Л. Соломонов и Л. Н. Шапиро; 3) в доме 46 на Губернаторской улице, заведующий И. З. Зак и Т. К. Кодис; 4) в доме 15 по улице Койдановской, заведующий М. Н. Шапиро.

не только перед операцией, но и после ее проведения. Ввиду этого отец Николай уже после второго месяца работы лазарета докладывал в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений о желательности приобретения рентгеновского оборудования и даже указывал, что ему по случаю предлагают приобрести за 1800 рублей кабинет (вместе с установкой), который стоит 3500 рублей²⁶⁷.

Комитет, однако, не нашел тогда возможным удовлетворить просьбу, видимо, из-за отсутствия необходимых средств. Вопрос о приобретении рентгеновского кабинета отец Николай поднимал периодически²⁶⁸, но комитет не сразу смог удовлетворить его просьбу. Лишь в октябре 1915 года приток пожертвований позволил ассигновать в распоряжение лазарета 2300 рублей на покупку рентгеновского оборудования.

Заказывали его в Петрограде в фирме медицинских инструментов Шаплыгина, но кое-какие дополнительные части для устройства кабинета получили в Минске на складе Красного Креста. Собирать оборудование пригласили специалистов из местного Управления главноуполномоченного Креста. Впрочем, монтажом в основном занимался заведующий рентгеновскими кабинетами Красного Креста на Западном фронте профессор Николай Антонович Линниченко. Однако в процессе сборки выяснилось, что, во-первых, присланный аппарат не приспособлен к току такой силы, как просили, а во-вторых, кроме мелких дефектов, которые могли быть заменены частями со склада Красного Креста, ценная вещь – катушка – «оказалась поломанной и причем грубо склеенной». На все выявленные дефекты пришлось составить акт для предъявления фирме-поставщику.

28 апреля отец Николай писал архиепископу Сергию по этому поводу: «Исходя из того положения, что Шаплыгин будет доставать аппарат у Сакса в Москве, т. к. других

²⁶⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 119.

²⁶⁸ Там же. Л. 88 об.

источников этих вещей в настоящее время не имеется, то профессор Линниченко предложил свои услуги, и ввиду того, что многие части дают бесплатно со склада Креста, аппарат обойдется дешевле. Со склада же берем все, что будет, там же заказ в настоящее время солидный. Также профессор просит дать ответ скорее, ибо на днях он едет в Москву. От Шаплыгина же этого мы не ожидали. Больных сейчас не много, лазареты все вычищаются. Ждут боев. Во всем остальном мы благополучны, только жить персоналу негде, а он увеличивается»²⁶⁹. В конце письма отец Николай добавлял: «Полагаю справедливым аппарат отправить обратно Шаплыгину».

Началась переписка по поводу замены некачественных деталей...

В отпуске

30 мая отец Николай, как и планировал, уехал на неделю отдохнуть в Петроград. Подменял его по традиции С. Г. Черниковский²⁷⁰.

Вскоре в лазарете появились два новых молодых врача. Первый, Всеволод Владимирович Верещагин, только что окончивший Саратовский университет – на скорую руку, в связи с военным временем. Второй, стоявший профессионально на более низкой ступени, принадлежал к зауряд-врачам²⁷¹, которых в то время в шутку называли «навряд-врачами». Тем не менее, оба «довольствовались всеми преимуществами врача, должны были вести себя строго в соответствии

²⁶⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 239–240.

²⁷⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12676. Оп. 4. Д. 781. Л. 1.

²⁷¹ **Зауряд-врач** (правильно: зауряд-военный врач) – аналог воинского звания для наименования зауряд-военно-медицинских чиновников в Российской империи. Звание зауряд-врача присваивалось студентам IV и V курсов мединститутов, медицинских факультетов университетов и императорской Военно-медицинской академии с 1894 г. при назначении к исполнению должности младшего врача при мобилизации войск и в военное время.

с общепринятыми вежливостью и тактом, чтобы не стыдиться перед сестрами и не уронить свою честь в глазах больных, и делать всю тяжелую работу». Это все что от них требовалось. Между тем Верещагин сразу удостоился покровительственного отношения со стороны отца Николая и в качестве привилегии получил разрешение обедать еще с двумя «приближенными» в покоях старшего врача²⁷².

Нужно сказать, что отец Николай уже давно перестал трапезовать с остальным персоналом. «Раскол» произошел еще в конце 1914 года, когда постепенно авторитет старшего врача в силу разных обстоятельств сильно пошатнулся. Поначалу братья и сестры милосердия относились к нему с большим благоговением, любовью, преданностью и даже восхищением. Черниковский вспоминал, как еще в поезде по дороге в Минск одна из сестер, всплеснув руками, восторженно говорила:

– Посмотрите! Вы только посмотрите! Вы видели обувь батюшки?!

Действительно, невозможно было не заметить большие дыры в его обуви, сквозь которые виднелись белые носки.

Но уже в Минске, на расстоянии сотен верст от Петрограда, оказались совсем другие вещи. Больше не показывались залатанные ботинки, а их место заняло несколько пар новых, начищенных до блеска. Старое пальто уступило место новому, пошитому под заказ у дорогого портного. И великолепный монашеский клобук был тут же, а молодой иеромонах – превратился в педантичного и честолюбивого начальника, управлявшего персоналом свысока. И не было у отца Николая «никакого свободного времени делать что-то для других или для лазарета».

Зато были у него постоянные отношения с руководством Управления главноуполномоченного Красного Креста, с духовным начальством и, насколько возможно – с

²⁷² שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. – *טשרניחובסקי שאול* [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 197.

и сам не явился. Раненый умер без напутствия. Согласно выписке из приемной книги, Зот Лосев был 33-х лет отроду, уроженец села Русанова Тамбовской губернии и уезда, женатый, православного исповедания...

Когда в Петрограде отцу Николаю поставили на вид этот случай, он объяснил, что причастить Лосева не мог, так как в тот день предполагалась очень сложная операция – вскрытие брюшной полости, что обязывало старшего врача не ходить к гангренозному больному. На самом же деле никакого вскрытия брюшной полости не предполагалось и не производилось.

Не способствовал укреплению авторитета старшего врача и случай с Поповым, больным пятой палаты, умершим от столбняка. Когда стало очевидным столбнячное заболевание Попова, сопровождавшееся страшными болями, «его всего ломало, корбило больную ногу, по всему лазарету стоял страшный и почти непрерывный стон», С. Г. Черниковский решил сделать больному субдуральное впрыскивание антистолбнячной сыворотки. Немедленно по его приказу санитар Владимир Панасюк уехал в город за сывороткой и вскоре привез. Но впрыскивание в тот вечер произвести не удалось, так как на приглашение Черниковского помочь проделать эту сложную операцию, при которой жидкость должна была впрыскиваться в позвоночный столб, отец Николай ответил отказом, сославшись на какое-то дело, и уехал. На следующий день Черниковский вторично обратился к нему с просьбой, если ни помочь, то хотя бы присутствовать в силу установившейся традиции, чтобы на сложных операциях имелись налицо, по крайней мере, два врача. Но и на этот раз отец Николай сказался занятым и уехал. Попов же от столбняка вскоре скончался.

Показателен случай и с рядовым 165-го Луцкого полка Михаилом Акимовичем Гринченко²⁷⁴, поступившим в лазарет 17 мая 1915 года с огнестрельным сквозным ранением левого бедра. Во время пребывания Гринченко в лазарете отец Николай почему-то заподозрил в нем симулянта и для уличения мнимого обмана пустил в ход «домашние меры» – приказал раненому ходить без костылей и с выпрямленной ногой, от чего тот падал или скакал на одной ноге, поскольку у него был поврежден седалищный нерв. Но отец Николай усмотрел в этом притворство и приказал санитарам нести больного в перевязочную для наложения гипсовой повязки. «Трудно описать и крики, и стоны, и слезы больного, – вспоминал этот случай Владимир Панасюк, – через несколько часов больной Христом Богом просил снять гипс, обещая не только ходить, но и скакать». Гипс сняли, но нога не слушалась и болела. Напрасно сестры пятой палаты Елена Малевич и Зоя Филиппова пытались доказать, что в Гринченко нельзя видеть симулянта, поскольку он анатомически правильно показывает болевые места, что в свою очередь предполагает в нем великолепное знание анатомии, немыслимое для простого крестьянина. Меры пресечения оставались несколько дней в силе, пока С. Г. Черниховский не пригласил специалиста по нервным болезням, авторитетно признавшего повреждение седалищного нерва. Врач-специалист отверг всякую симуляцию, о чем дал соответствующую справку, которая и была приложена к истории болезни²⁷⁵.

Уже первый случай с Лосевым возмутил студентов братьев милосердия и через некоторое время они «восстали»: стали писать в Петроград, а затем один за другим покинули

²⁷⁴ Согласно лазаретной справке, Гринченко Михаил Акимович – уроженец хутора Редькино Роменской волости Роменского уезда Полтавской губернии, 23 года, холост, православный.

²⁷⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 3 об.–4.

лазарет. Сестры тоже уже больше не восхищались отцом Николаем. Так и образовался «раскол».

Следует сказать, что появление в лазарете новых врачей, не слишком заметно отразилось на нагрузке С. Г. Черниховского, он по-прежнему оставался ведущим специалистом. Поэт вспоминал, что к этому времени уже чувствовал сильное утомление от работы. С самого начала службы в лазарете он ни разу не был в отпуске, хотя таковой и полагался по закону. Следуя примеру старшего врача, Черниховский обратился в управление главноуполномоченного Красного Креста Западного фронта с просьбой предоставить ему месячный отпуск, но... столкнулся с множеством препятствий и всевозможных отговорок. В Медицинской части управления ему заявили, что в Минске много больных и раненых, а врачей не хватает, поэтому сейчас не время для отпуска. Сказали ждать.

Больных и раненых в Минске действительно было много. Началась Барановичская наступательная операция и наши войска несли большие потери. Кроме того, в Минске к тому времени скопилось около 20 000 беженцев, многие из которых нуждались в медицинской помощи.

Спустя несколько недель Черниховский обратился в управление главноуполномоченного снова, но услышал тот же ответ. Еще через некоторое время ему пообещали, что он сможет получить отпуск, если сам подыщет себе временную замену, «так как нет врачей в списке армии и нет врачей в списке Красного Креста». Но в то время врачи, оставшиеся не мобилизованными, были сильно загружены, «занимаясь благотворительностью». Поэтому найти кого-либо на замену, да еще на короткий срок, было практически невозможно. Черниховский же хотел получить отпуск непременно летом, чтобы пожить в Финляндии в лесной усадьбе близ станции

Куоккала²⁷⁶, излюбленном дачном месте творческой интеллигенции Петрограда. Там находились дачи И. Репина, Л. Андреева, Н. Евреинова, К. Чуковского и многих других. Именно там у кого-то из своих друзей и мечтал провести отпуск Черниховский. Только вот где он мог найти замену?

Не видя выхода, поэт решил поговорить непосредственно с новым главноуполномоченным Красного Креста на Западном фронте А. В. Кривошеиным, бывшим министром земледелия²⁷⁷.

В один из дней, после посещения главноуполномоченным Серафимовского лазарета, видя, что тот остался доволен осмотром, Черниховский вечером пришел в его управление и попросился на прием, где изложил просьбу об отпуске. Но, к своему огорчению, услышал те же ответы, что уже слышал в канцеляриях. Впрочем, в конце разговора Кривошеин обмолвился, что со своей стороны не возражает против отпуска.

– Господин главноуполномоченный, могу ли я этим воспользоваться? – спросил Черниховский.

Кривошеин улыбнулся:

– В каком смысле?

Черниховский улыбнулся в ответ:

– Есть французская пословица: *le ton fait la chanson*²⁷⁸.

Главноуполномоченный, улыбаясь, согласно кивнул.

На следующий день Черниховский опять пошел в управление Медицинской частью при главноуполномоченном, которое чинило ему препятствия. На этот раз он сказал, что побывал у Кривошеина и тот не возражает против отпуска.

²⁷⁶ **Куоккала** (финск. Kuokkala) – станция Финляндской железной дороги, ныне платформа Репино Октябрьской железной дороги на участке Санкт-Петербург–Выборг.

²⁷⁷ А. В. Кривошеин прибыл в Минск на должность главноуполномоченного 15 июня 1916 г.

²⁷⁸ **Le ton fait la chanson** (франц.) – тон задает песню. Черниховский перефразировал пословицу *le ton fait la musique* – тон задает музыку.

Аргумент возымел действие, и на этот раз Медчасть дала разрешение²⁷⁹.

Уведомив о том отца Николая, Черниховский 11 июля подал ему прошение об увольнении в месячный отпуск «с сохранением содержания и выдачей проездных свидетельств в Петроград и обратно»²⁸⁰. Отец Николай в это время пребывал в весьма благодушном расположении, так как на днях получил орден Святого Владимира 4-й степени. А поскольку вопрос с отпуском в принципе был решен, старший врач поставил лишь одно непереносимое условие: ехать после 19 июля – дня памяти небесного покровителя лазарета преподобного Серафима Саровского. 17 числа отец Николай подал заведующему Медицинской частью ходатайство об отпуске Черниховского на три недели, вместо месяца, с просьбой дать заместителя.

Теперь оставалось дожидаться праздника.

Между тем с тревогой ожидал этого дня капитан С. П. Васильев. Как-то недели за две до праздника он зашел к Черниховскому необычайно взволнованным и раздраженным, что было для него не свойственно. По всему было видно, что капитан сдерживает свои чувства лишь как человек воспитанный. Он начал какой-то бессвязный разговор и вдруг обратился к Черниховскому:

– Друг, я хочу рассказать Вам о вещах, которые, честно говоря, вообще не хотел Вам сообщать из-за того, что Вы принадлежите к другой религии. Но я должен рассказать. Я опасаюсь, что здесь скоро может совершиться кощунство, именно поэтому я и обращаюсь к Вам. Я верю Вам, что Вы никому не расскажете. Поверьте, мне очень тяжело говорить об этом... Но мне непонятно... Великая мерзость может произойти скоро.

И взволнованный капитан начал рассказывать:

²⁷⁹ שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – שוקן – תשרניחובסקי שאול [Черниховский Саул]. תל-אביב: הוצאת, 1942. – С. 198.

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 12676. Оп. 4. Д. 781. Л. 2.

– Сегодня утром пришел ко мне наш Дубов...

Солдат поведал завхозу секрет, который до этого никому не открывал. Он рассказал, как однажды отец Николай, будучи в семинарской церкви, вошел в алтарь, к престолу, и когда вышел оттуда с чашей в руке, показалось вдруг на краю сосуда что-то вроде сияния, которое сияло несколько мгновений и погасло. Тогда отец Николай настоятельно приказал солдату никому не рассказывать об увиденном. И Дубов действительно молчал и никому не рассказывал о «чуде». Но сегодня опять произошло то же самое «чудо», и отец Николай уже ничего не сказал. Поэтому простодушный Дубов и решился рассказать о нем своему главному начальнику – капитану Васильеву.

– В его глазах я увидел сияние на краю чаши... – с досадой рассказывал капитан.

Он постарался объяснить простаку Дубову, что действительно в мире есть чудеса и знамения, но... У отца Николая неясное прошлое, как же у него могут быть чудеса? Чудеса случаются только со святыми. И Васильев пригрозил солдату, чтобы тот никому больше не рассказывал об этом.

– Вы же знаете, любезный, отца и его методы, и не с таким человеком будут чудеса и знамения, – волновался капитан. – Ведь он человек, который ни перед чем не остановится и даже святотатством: если только выйдет у него из этого какая-то выгода. Не забывайте, друг мой, через две недели день прославления святого Серафима Саровского, и мы приглашены на молитву вместе со всем начальством Управления главноуполномоченного Красного Креста. Я опасюсь, что «чудо» снова случится во время богослужения. Господин доктор, ведь Вы понимаете, почему архиерей за глаза называет отца Николая – «отец обманщик». И если он тоже станет свидетелем этого «чуда», не выдержит искушения; понимаете Вы, он зависит от мнения Святейшего Синода; тем более во время нынешнего бедствия, во время

войны. Ведь понимаете Вы тенденции... Я не могу объяснить Вам дело, Вы понимаете... Я не верю в чудеса и знамения, которые сделаны руками этого священника ...

Капитан Васильев продолжал возмущаться и довольно резко высказываться в адрес отца Николая.

– И поэтому, господин капитан, что от меня нужно?

– Ведь Вы понимаете что-то в химии, ведь Вы, конечно же, учили химию? Как он смог зажечь это? Что есть в нашей аптеке, что можно использовать для этого?

– Можно бензин, спирт и эфир.

– Вы сможете, дорогой, взять все это, и испробуем при Дубове, пусть скажет, какое из этих свечений похоже на виденное им на чаше.

На следующий день Черниховский пришел в комнату Васильева с тремя пузырьками: с эфиром, спиртом и бензином. Позвали Дубова. Капитан взял большой стеклянный шприц, изобразив чашу, как держал в руке отец Николай, намазал кончик шприца раствором и поднес горящую спичку. И так проделали с каждым веществом. Дубов сказал, что горящий эфир походил на то свечение, которое он видел.

После этого капитан нашел «подходящее время», чтобы обстоятельно поговорить с солдатом-санитаром – денщиком отца Николая. Васильев подробно расспросил, что в последние дни тот покупал для старшего врача. Солдат вспомнил, что покупал зажигалку для батюшки, который приказал купить самую лучшую из маленьких.

Тогда снова пришли капитан Васильев и Черниховский к Дубову и спросили, не чувствовал ли он какой-либо запах во время чуда. Тот ответил отрицательно. Тогда спросили, не слышал ли он звук. Оказалось, что он слышал как бы стрекотание кузнечика.

Капитан не мог успокоиться и не знал, что делать. Он ни минуты не сомневался, что отец Николай собирается устроить «чудо» в день лазаретного праздника, публично,

когда церковь будет полна гостей, военачальников и служащих Красного Креста. Поэтому-то с тревогой и ждал праздника²⁸¹.

И вот этот день наступил...

Всенощное бдение накануне совершал иеромонах Илариий. На литию выходило все духовенство Красного Креста города Минска во главе с иеромонахом Николаем (Муравьевым). Он же совершил на следующий день и Божественную литургию. Так как семинаристы в это время были отпущены на каникулы, за богослужением пел хор сестер милосердия и санитаров²⁸². Церковь была полна до отказа. Еще с вечера в ней натянули два каната, один за другим, чтобы устроить что-то вроде отделений: первое для знатных гостей, второе для «хороших людей», третье – для всех остальных²⁸³.

Из высокопоставленных лиц на литургии присутствовал А. В. Кривошеин с представителями своего управления и другие важные гости. Затем после богослужения был устроен праздничный обед²⁸⁴.

К большому облегчению капитана С. П. Васильева «чуда» во время богослужения не произошло, что само по себе он уже воспринял как чудо.

А вот С. Г. Черниховский, хотя и получил долгожданный отпуск, все же несколько огорчился. После праздничного обеда представитель Медчасти передал отцу Николаю бумагу, в которой говорилось, что «младшему врачу С. Г. Черниховскому разрешен отпуск по семейным обстоятельствам с 20 сего июля на две недели, если на это время не потребуется заместитель»²⁸⁵. Вместо желанного месячного,

²⁸¹ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниховский Саул]. [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. מירופס: 7: דרכ [Т. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 91–93.

²⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 65.

²⁸³ יבתכ שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниховский Саул]. [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. מירופס: 7: דרכ [Т. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – С. 94.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 65.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 12676. Оп. 4. Д. 781. Л. 3.

затем обещанного трехнедельного отпуска поэт в итоге получил – двухнедельный.

К счастью, нашелся и заместитель, который даже пришел заранее. Черниховский передал ему истории болезней и журналы. Вещи он уже собрал и упаковал загодя, оставалось лишь получить дорожное удостоверение из канцелярии лазарета. Но там что-то мешкали. Вот уже и кучер приехал, Черниховский погрузил в коляску вещи, сам сел, а документ все не несли. «Часы в руке, глаза в окне канцелярии, – вспоминал он. – Каждую минуту возрастает опасность: не только, что не найду место в поезде, но и просто опоздаю на него. И я кричал в сторону окна, пока не появился заместитель главного писаря с документом в руках. Я дал знак кучеру, сложил документ вчетверо и положил в карман»²⁸⁶.

На станцию Черниховский приехал ровно за минуту до отправления поезда, едва успев забраться в вагон.

В Петроград он прибыл поздним вечером. Ночевать отправился «на квартиру близких знакомых из Императорской библиотеки», намереваясь следующим утром выехать в Финляндию.

Так как время было военное, вошел дворник, чтобы взять у него паспорт. За этим строго следили.

Черниховский протянул документ:

– С условием, что завтра к семи утра документ будет у меня.

На следующий день в семь утра вошел тот же человек и сказал:

– Полиция просит, чтобы Ваше превосходительство написали, по крайней мере, кто Вы.

Черниховский изумился, он ничего не понимал.

– Что это значит написать кто я?

²⁸⁶ שלשים ושלשה ספורים [Черниховский Саул]. – *טשרניחובסקי שאול* [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 198.

– Вот так, Ваше превосходительство, никто не знает в полиции, кто господин, просьба записать, по крайней мере, на обороте бумажки.

– Зачем тогда этот документ? – продолжал удивляться Черниховский.

– Не могу знать, Ваше превосходительство. Просьба записать.

Черниховский развернул свой паспорт и пробежал взглядом по написанному: «Этот документ уведомляет о враче военного лазарета и т. д.». «Но где имя?» – изумился поэт. Стояла печать, подпись первого врача, дата..., но имя, фамилию и отчество Черниховского не вписали. Осталось пустое место!

Поэт написал несколько слов на визитной карточке, и передал ее швейцару для полиции. Он сперва хотел вписать свое имя в документ, однако одумался и стал размышлять: «Если в полиции видели, что мое имя отсутствует, то, так или иначе, документ для них негодный. Невозможно использовать его, но, несомненно, им еще можно воспользоваться. Что же делать?»

Вернуться в Минск значило потерять несколько дней. Оставаться в Петрограде грозило неприятностью от коменданта города. Впрочем, достаточно было бы телеграммы в Минск или на имя архиепископа Сергия (Страгородского). Можно было бы сразу обратиться к коменданту города или в канцелярию Святейшего Синода, чтобы исправить документ, но Черниховский решил не рисковать. Во-первых, его, несомненно, сперва бы арестовали, а, во-вторых, пока выяснилось бы дело, он опять же – потерял бы время. А между тем поэта ждали на станции Куоккала и, не приедь он, сильно бы обеспокоились.

Приняв решение ехать на свой страх и риск с тем документом, который был, он вызвал кучера и отправился на станцию.

Вот поезд проехал Белоостров и у границы с Финляндией остановился. Вошли жандармы пограничного пункта. Жандармский ротмистр обратился к пассажирам:

– Господа, пожалуйста, предъявите паспорта!

Черниковский вытащил свой документ и приготовил для осмотра, сложив его лицевой стороной наружу, где в левом верхнем углу была длинная надпись витиевато-славянским шрифтом с заглавными буквами тускло-красного цвета, выделяющимися вместе с красным крестом: «Состоящий под Августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татианы Николаевны Лазарет во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца Комитета Красного Креста Духовно-Учебных Заведений Российской Империи».

Черниковский положил документ на колено.

Жандарм ходил между скамейками, получал паспорта и внимательно осматривал их.

Вот он вошел между скамейками в отделение, где сидел Черниковский, всмотрелся на расстоянии в его удостоверение, и, даже не прикоснувшись к нему, откозырял, и удалился. Маленькая хитрость удалась, и поэт совершенно благополучно добрался до Куоккалы²⁸⁷.

Пока Черниковский находился в отпуске, в жизни Серафимовского лазарета произошли некоторые перемены. 25 июля 1916 года заведующий рентгеновскими кабинетами Красного Креста на Западном фронте профессор Н. А. Линниченко после предварительного испытания, наконец, принял приобретенный для лазарета рентгенкабинет²⁸⁸. Заведовать им назначили младшего врача В. В. Верещагина, в распоряжение которого поступил специально прикомандированный рентгенотехник. Помимо нужд Серафимовского лазарета рентгеновский кабинет стал обслуживать также

²⁸⁷ שלשים ושלשה ספורים [Черниковский Саул]. טשרניחובסקי שאול [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 198–201.

²⁸⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 638. Л. 95.

Пермский госпиталь, располагавшийся в здании семинарии, а затем и другие лечебные заведения Минска²⁸⁹.

12 августа Серафимовский лазарет посетил генерал-адъютант князь Феликс Юсупов, вручивший от имени его императорского величества Георгиевскую медаль 4-й степени рядовому 268-го пехотного Пошехонского полка Фахрееву Мухамед-Шарипу. Перед отъездом князь от имени императора поблагодарил персонал за состояние лазарета²⁹⁰.

Между тем прошли две недели, а Черниковский из отпуска не возвращался. Видимо он, несмотря ни на что, как и планировал изначально, решил отбыть полностью полагавшийся ему по закону месячный отпуск. Спустя три недели поэт прислал старшему врачу рапорт, в котором уведомлял, что задерживается по уважительной причине – болезни.

Пробыв почти месяц в Финляндии, он возвращался на службу. Снова поезд сделал остановку на границе, недалеко от Белоострова. Снова в вагон вошел жандармский ротмистр.

– Господа, пожалуйста, ваши паспорта!

Черниковский, как и в первый раз, положил свой документ на колени, текстом со славянским шрифтом и красным крестом наружу. «Он казался как та свинья с кошерным копытом», – вспоминал поэт. Жандарм прошел между скамейками, посмотрел на его удостоверение, взял в руки, пробежал по документу взглядом и недоуменно уставился на предъявителя. Черниковский невольно улыбнулся.

– Господин доктор, почему Вы улыбаетесь?

– Потому что знаю, чем Вы так удивлены.

– Но как мне это понимать?

Вкратце Черниковский рассказал суть дела.

– И мне следует Вам верить?

²⁸⁹ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 47. – С. 1137.

²⁹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-д. Л. 61.

– Господин ротмистр, – ответил поэт, – уже тридцатый день этот документ у меня, разве я не мог исправить его, по меньшей мере, тридцать раз в день?

– Господин доктор, сейчас военное время. Финляндия полна немецких шпионов. Разве это не обязывает вести себя осмотрительно?

Жандарм сложил бумагу и вернул ее.

«То, что получил от меня главный писарь, когда я вернулся, – вспоминал поэт, – пусть лучше расскажет он сам, если когда-нибудь напишет воспоминания»²⁹¹.

Возвратившись в Минск, Черниховский в оправдание своей задержки представил от «заведующего» лечебницей «Общества вспоможения приказчикам и сидельцам г. Петрограда» врача Исаака Соломоновича Рубинштейна справку, в которой говорилось: «Удостоверяю, что гражданин Черниховский Саул Гитманович был пользован мной от 2 по 17 августа сего года от сухого плеврита. В настоящее время – здоров»²⁹².

На самом деле Рубинштейн не был заведующим, а являлся лишь одним из врачей лечебницы. Заведовал же ей Саул Варшавчик, давний знакомый Черниховского, у которого поэт до войны работал в частной лечебнице на Забалканском проспекте.

Справка была небольшой хитростью, к которой Черниховский решил прибегнуть, задерживаясь в отпуске. Тем более что он уже видел пример. Буквально за месяц до него в семидневный отпуск в Петроград отпрашивался зубной врач Я. С. Напельбаум. Вернулся он с большой задержкой, предоставив справку от петроградского врача Моисея Израилевича Граудана, в которой сообщалось, что Напельбаум «болел от 20 июня по 4 июля катаральным воспалением легких, вследствие чего не мог раньше 5 июля выехать из

²⁹¹ שלשים ושלשה ספורים [Черниховский Саул]. תשרי תשנ"ב [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן, 1942. – С. 201.

²⁹² РГВИА. Ф. 12676. Оп. 4. Д. 781. Л. 5.

Петрограда»²⁹³. И старший врач Серафимовского лазарета, и Медицинская часть при Управлении главноуполномоченного Креста признали причину опоздания Напельбаума из отпуска уважительной и законной²⁹⁴. Точно так же была признана законной задержка из отпуска и Черниховского.

Снова начались привычные лазаретные будни. Работы, впрочем, в конце августа и начале сентября было немного. Каждый вечер Черниховский и капитан Васильев выходили на прогулку, что давно стало у них своеобразным ритуалом.

Но вот, накануне праздника Воздвижения капитан зашел к Черниховскому и сказал, что сегодня не пойдет гулять, так как собирается идти в церковь. Вместе с тем он предложил сходить на богослужение и Черниховскому – посмотреть торжественный чин воздвижения Креста. Поэт вежливо отказался, сказав, что уже видел этот чин. Хотя Васильев давно дружил с Черниховским, все же удивился, что его приятель-еврей не раз бывал в церкви.

– Разве возможно это? Я думал, что он гнушается ... Вас.

Минули две недели и пришли дни еврейского нового года – Рош ха-Шана. Тогда уже Черниховский предложил капитану Васильеву пойти с ним в синагогу, послушать молитву.

– И евреи позволяют христианам заходить? – спросил тот.

Поэт на это ответил, что есть одна еврейская молитва – «Коль нидрей» Бруха²⁹⁵, красоту которой признают во всем мире...

²⁹³ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 513. Л. 23.

²⁹⁴ Там же. Л. 24.

²⁹⁵ **Брух Макс Христиан Фридрих** (1838–1920) – немецкий композитор и дирижер. Родился в Кельне в немецкой католической семье. Первоначальное музыкальное образование получил дома, потом учился у Фердинанда Хиллера, а затем занимался в Лейпциге у Карла Райнеке. В 1862–1864 гг. Брух работал в Мангейме, в 1865–1867 гг. занимал пост музыкдиректора в Кобленце, в 1867–1870 гг. руководил придворным оркестра Зондерсхаузена, затем работал в Берлине и Бонне. В 1880–1883 гг. возглавлял оркестр Ливерпульского Королевского филармонического общества. В 1890–1910 гг. Брух преподавал в Берлинской Высшей школе музыки, где его учениками были Отторино Респиги, Оскар Штраус и Ральф Воан-Уильямс. При

Черниковский говорил об известной пьесе для виолончели с оркестром «Kol nidrei» немецкого композитора Макса Бруха. Написана она была на тему еврейских литургических мелодий и прежде всего молитвы «Коль нидрей», читаемой в синагоге в начале вечерней службы праздника Йом-Кипур. Пьеса эта считается одним из лучших произведений Бруха и является своего рода его визитной карточкой.

Навряд ли Васильев был знаком с этим произведением, но согласился составить Черниковскому компанию. Придя в синагогу, приятели заняли место впереди, где уже сидело много людей в военной форме – евреев-врачей.

Возвращаясь из синагоги, капитан Васильев расспрашивал своего друга о еврейских обычаях и традициях синагоги.

Вспоминая этот случай, Черниковский отмечал, что капитан, хотя и проявил толерантность, все же был человеком твердым в своей вере. Он верил, как «человек верующий по своей природе, но при этом не был религиозным фанатиком, верил в святых, в чудеса, в мощи святых и во все требующее веры»²⁹⁶.

Перемены

В середине лета на Минскую кафедру прибыл новый архиерей – епископ Георгий (Ярошевский). Его появление обрадовало отца Николая, поскольку отношения с преосвященным Митрофаном (Краснопольским) к тому времени

жизни композитора определенной популярностью пользовались его масштабные хоровые произведения – «Одиссей» и «Огненный крест». Позднее внимание музыкантов привлекали его симфонические сочинения: скрипичные концерты, «Шотландская фантазия» для скрипки с оркестром, пьеса «Коль нидрей» для виолончели с оркестром и др. В нацистской Германии Брух попал в черный список, поскольку нацисты ошибочно полагали, что Брух, автор пьесы «Коль нидрей», был евреем. Его произведения были сняты с репертуара, и в послевоенной Германии почти забыты. Интерес к его творчеству возрастает в последнее время.

²⁹⁶ יבתח שאול טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ. [Сочинения Саула Черниковского: в десяти томах]. תרכ"ז: מירופס. [T. 7: Рассказы]. – «ריעצה לעופה» – תל-אביב: סופד, 1932. – С. 85.

заметно расстроились. Владыка Митрофан, кажется, разочаровался в Муравьеве.

18 сентября, в воскресенье, епископ Георгий (Ярошевский) служил литургию в церкви Серафимовского лазарета. На богослужении присутствовали главноуполномоченный Красного Креста статс-секретарь Кривошеин, его помощник профессор миротворец Б. Р. Гершельман и другие представители Креста и местного высшего общества. Во время богослужения епископ сказал краткое слово, обращенное к руководству лазарета. После литургии преосвященный обходил палаты, раздавал больным и раненым крестики и Евангелия, расспрашивал о семьях, желал скорейшего выздоровления²⁹⁷.

В лице епископа Георгия иеромонах Николай вновь обрел себе покровителя.

Вместе с тем не все складывалось так, как хотелось отцу Николаю. Все никак не разрешался вопрос об оставлении при лазарете П. К. Рыболовova. Еще весной старший врач лично стал обращаться по этому вопросу в военное ведомство, дойдя до мобилизационного отделения Главного управления Генерального штаба, но ничего не добился. Впрочем, прямого отказа отец Николай также не получал. В некоторых ответах ему разъясняли, что исключение из мобилизационных правил может допускаться с Высочайшего соизволения. Тогда отец Николай вновь решил обратиться за помощью к Августейшей покровительнице. Однако напрямую просить о таком щекотливом деле он не решился, а обратился за содействием к ближайшей подруге императрицы – фрейлине А. А. Вырубовой. С ней отец Николай познакомился, вероятно, в один из визитов в Царское Село. Зная, какое влияние Вырубова имела при дворе, он написал ей 21 июня письмо. Проситель уверял фрейлину, что обращается к ней, руководствуясь исключительно интересами

²⁹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 635. Л. 9–9 об.

лечебного заведения и призреваемых в нем больных и раненых, а также безграничной отзывчивостью ее сердца «на все светлое доброе». Ходатайствуя за Рыболовova, отец Николай писал, что тот зарекомендовал себя «выдающимся – честным и беспримерно ревностным – отношением к своим служебным обязанностям и замечательно сердечным отношением к нуждам призреваемых в лазарете» и в настоящее время является среди администрации лицом незаменимым. Его уход, по заверению отца Николая, грозил нанести лазарету громадный вред. «Не смея дерзнуть обратиться с подобной просьбой к таким высоким и Священным для каждого русского сердца Особам, – писал он, – я принял смелость обратиться к Вам с просьбой сделать для лазарета, чтобы упомянутый студент П. К. Рыболовов ввиду исключения не в пример другим тотчас после призыва был направлен в распоряжение начальника и старшего врача Серафимовского лазарета». Вместе с тем старший врач просил во внимание к понесенным Рыболововым на службе в лазарете трудам произвести его в классный чин. Подчеркнув, что для ходатайства перед начальником Генерального штаба осталось мало времени, отец Николай просил, чтобы мобилизационный отдел сообщил Минскому уездному воинскому начальнику распоряжение относительно Рыболовova по телеграфу²⁹⁸.

Получив от А. А. Вырубовой это письмо, Великая княжна Татьяна через исполнявшего в то время должность секретаря императрицы А. М. Никитина обратилась за содействием к другой фрейлине – баронессе С. К. Буксгевден. Великая княжна попросила, чтобы именно баронесса от ее имени походатайствовала за Рыболовova перед соответствующими воинскими начальниками²⁹⁹. Неизвестно, исполнила ли фрейлина эту просьбу, но 8 июля от имени Татьяны Николаевны к начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту

²⁹⁸ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 87–88.

²⁹⁹ Там же. Л. 89.

П. И. Аверьянову обратился А. М. Никитин с вопросом: не изволит ли тот признать возможным откомандировать в Серафимовский лазарет студента первого курса университета П. К. Рыболовova «подлежащего ныне призыву на военную службу»³⁰⁰. Но начальник мобилизационного отдела Главного управления Генштаба полковник Г. А. Якубович ответил, что «на основании закона от 31 января 1916 года, студент 1-го курса Рыболовов, к сожалению, не может быть командирован в лазарет»³⁰¹.

Докладывая 15 июля результаты по этому делу Великой княжне Татьяне, А. М. Никитин спросил, не благоугодно ли будет ее высочеству, чтобы он испросил у генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова Высочайшее соизволение императора на откомандирование Рыболовova в Серафимовский лазарет. Великая княжна решила ходатайства не возбуждать, о чем и распорядилась уведомить иеромонаха Николая³⁰².

В Генеральный штаб по делу П. К. Рыболовova обращался и председатель комитета Красного Креста духовно-учебных заведений архиепископ Сергей (Страгородский). Ему также ответили отказом, подчеркнув, что Рыболовов подлежит «привлечению в войска» и должен безотлагательно явиться к исполнению воинской повинности. Вместе с тем начальник Генштаба разъяснил причины такого категоричного требования. Призыв в армию воспитанников высших учебных заведений осуществлялся с целью повысить качественный уровень молодых офицеров пехоты, в связи с чем все призываемые студенты направлялись в пехотные военные училища и школы прапорщиков. Исключения в порядке их назначения не допускались, так как в противном случае одни, получив офицерские погоны, пошли бы под огонь неприятеля, а другие – укрылись от этой опасности

³⁰⁰ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 91–92.

³⁰¹ Там же. Л. 93.

³⁰² Там же. Л. 94–95.

в тыловых учреждениях, что, несомненно, отразилось бы негативно на настроении офицеров из студентов³⁰³.

Несмотря на то что не удалось официально отстоять Рыболовова, отец Николай решился все же оставить его при лазарете и, по сути, пошел на укрывательство.

Между тем стало известно, что военное ведомство намеревается забрать из Серафимовского лазарета врача Верецагина. Его уход для лазарета представлялся очень нежелательным, так как в Красном Кресте в то время ощущалась крайняя нехватка врачей и найти замену было практически невозможно. С накопившимися проблемами отец Николай в конце сентября выехал в Петроград. Там он исходатайствовал аудиенцию у Великой княжны Татьяны, принявшей его 1 октября в Царском Селе³⁰⁴. Можно предположить, что при встрече речь шла и о статусе Рыболовова, и, возможно, даже было обещано в этом вопросе покровительство.

Не успел отец Николай вернуться в Минск, как его встретила еще одна не очень приятная новость. 13 октября младший врач С. Г. Черниховский подал рапорт с просьбой отпустить его с занимаемой должности по «домашним обстоятельствам»³⁰⁵. Причина, впрочем, была другая. Еще во время отпуска поэт через кого-то из знакомых решил приискать место службы в столице. И вот ему предложили должность в отделении санитарии и статистики Главного управления Российского общества Красного Креста.

Рапорт младшего врача весьма озадачил отца Николая, так как в лазарете вся медицинская работа держалась главным образом на Черниховском. Именно он среди персонала являлся самым квалифицированным и опытным специалистом. Поэтому отец Николай решил не отпускать Черниховского, пока не найдет ему замену или, по крайней мере,

³⁰³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ш. Л. 57–58.

³⁰⁴ Возвращение иеромонаха Николая Муравьева // Минская газета. – 1916. – № 1498. – С. 3.

³⁰⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 635. Л. 8, 17.

не добьется оставления при лазарете Верещагина. Этим вопросом он уже занимался и, как обычно, решил искать помощи у Августейшей покровительницы, только на этот раз через архиепископа Сергия (Страгородского). 12 октября преосвященный Сергий направил секретарю императрицы Ростовцеву письмо, в котором просил ходатайствовать об оставлении Верещагина при Серафимовском лазарете до окончания военных действий. «В случае перечисления Верещагина в военное ведомство, – писал он, – Минский лазарет лишится незаменимого работника, и Комитет будет лишен возможности своевременно оказывать помощь больным и раненым воинам, ввиду полного отсутствия в Красном Кресте запасных врачей с законченным высшим образованием»³⁰⁶. К письму архиепископ прилагал телеграмму помощника главноуполномоченного Красного Креста на Западном фронте профессора С. Р. Миротворцева, ходатайствовавшего об оставлении врача Верещагина в лазарете³⁰⁷.

3 ноября Ростовцев с разрешения Великой княжны Татьяны направил по данному делу ходатайство начальнику Генштаба. Через несколько дней главный инспектор военно-медицинского управления А. Я. Евдокимов уведомил его, что, согласно Высочайшему повелению, последовавшему 23 октября о предоставлении Российскому обществу Красного Креста 25-ти врачей ратников ополчения второго разряда выпуска 1916 года, лекарь Верещагин включен в их число, оставлен на службе в Минском лазарете духовно-учебных заведений и на военную службу призван не будет³⁰⁸.

Между тем не сидел без дела и С. Г. Черниховский. Он сумел договориться, чтобы Медицинская часть подыскала ему замену, хотя бы на время. 28 октября Медчасть уведомила иеромонаха Николая, что временным

³⁰⁶ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 100–100 об.

³⁰⁷ Там же. Л. 99.

³⁰⁸ Там же. Л. 106.

заместителем Черниховского до назначения штатного младшего врача в Серафимовский лазарет командирован врач С. Р. Чарнота-Боярский³⁰⁹. В тот же день поэт получил увольнительные документы и вскоре с семьей покинул Минск.

За две недели до этого службу в лазарете оставил и гвардии капитан С. П. Васильев. Узнав, видимо, что друг его собирается увольняться из лазарета, он и сам стал подыскивать новое место службы. Васильев уже давно не ладил с иеромонахом Николаем, а с уходом Черниховского ему и вовсе пришлось бы остаться в одиночестве.

На открывшиеся в Серафимовском лазарете вакансии Управление главноуполномоченного Красного Креста назначило врача Давида Фабиевича Едвабника, а заведующим хозяйством – кандидата на судебные должности Петра Иовлевича Балаура. Ввиду поступления в лазарет большого количества больных заведующий Медицинской частью Красного Креста Западного фронта командировал в лазарет дополнительно врача А. Б. Щеголева. Действительно, приток больных, особенно в ноябре, в Минске наблюдался огромный. Все лечебные заведения были переполнены. Отец Николай даже просил старшего врача 8-го головного эвакуационного пункта Глинчикова не направлять в лазарет больных сверх нормы. Особенно много в лазарете скопилось ушных больных, что отец Николай считал недочетом работы эвакуопункта. Однако оттуда ему ответили, что ушными больными переполнены и другие лечебные заведения, как, например, 114-й полевой запасной госпиталь и 1-й Варшавский³¹⁰.

В конце ноября в Серафимовском лазарете открылось отделение для цинготных больных на 20 кроватей³¹¹.

Новые беспокойства отцу Николаю доставило предположение о переводе его на Кавказский фронт. В начале

³⁰⁹ РГВИА. Ф. 12676. Оп. 4. Д. 721. Ч. 1. Л. 8–10.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 22.

³¹¹ Там же. Л. 21.

декабря в комитете Красного Креста духовно-учебных заведений возникла идея о преобразовании в госпиталь 2-го Серафимовского лазарета, находившегося в то время в турецком Трапезунде³¹². Но для этого в первую очередь необходимо было назначить на должность руководителя авторитетного и опытного врача, так как лазарет в это время возглавлялся студентом в звании зауряд-врача. Комитет предложил кандидатуру доктора Гергарда Фридриховича Холлмана, до этого некоторое время уже руководившего 2-м Серафимовским лазаретом, но уволившегося по болезни. Однако его назначению категорически воспротивился главноуполномоченный Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубев, указав, что тот «совершенно не может работать в климате, где есть малярия, специальность которого глазные болезни и как администратор не достаточно подготовлен для занятия должности начальника госпиталя»³¹³. Тогда комитет предложил назначить на должность старшего врача 2-го Серафимовского лазарета иеромонаха Николая (Муравьева), а на его место в Минск – доктора Холлмана. Но эта комбинация также не нашла поддержки. Студент Федор Морозов, состоявший в это время уполномоченным комитета при кавказском лазарете, указал на нежелательность назначения отца Николая, ссылаясь на то, что в свое время особоуполномоченный Красного Креста по Минской губернии К. А. Вальтер был недоволен его деятельностью³¹⁴. Есть сведения, что доктор Вальтер готов был даже добиваться увольнения иеромонаха Николая от должности, но в связи со своим переводом в Киев не успел этого сделать. Кстати, когда капитан Васильев был по хозяйственным делам лазарета в Киеве, то виделся с Вальтером. Во время беседы Карл Антонович, всегда относившийся к капитану

³¹² 2-й Серафимовский лазарет в это время находился на территории Турции в завоеванном русскими войсками Трапезунде.

³¹³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 180.

³¹⁴ Там же. Л. 185–186.

«с весьма милой доверчивостью», спросил Васильева, бывает ли кто-нибудь в лазарете. Тот ответил:

– Да, бывают, например протопресвитер Шавельский. Карл Антонович перебил его:

– Нет, не такие, а кто-нибудь из медицинских сил?

– Нет...

– Эх! – воскликнул доктор Вальтер и взялся за голову³¹⁵.

Этот разговор подтверждает, что серьезные специалисты невысоко ценили профессионализм отца Николая. Поэтому-то Морозов и указывал на нежелательность его назначения руководителем госпиталя.

Впрочем, и сам отец Николай не хотел покидать Минск, о чем незамедлительно сообщил начальству, узнав о предполагаемых перемещениях. Он также попросил и Минского епископа Георгия (Ярошевского) написать о том архиепископу Сергию (Страгородскому). Преосвященный Георгий, конечно же, не мог отказать своему постриженнику, которому всячески покровительствовал. Ходатайствуя об оставлении отца Николая на прежней должности, он, в частности, писал: «Так как иеромонах Николай ведет свое дело очень хорошо, и поставил на должную высоту религиозно-церковный элемент в лазарете, в чем я убедился лично, то весьма желательно его дальнейшее оставление в Минском лазарете. Назначение светского лица на должность начальника лазарета, да еще с еврейской фамилией, едва ли будет соответствовать достоинству лазарета духовно-учебных заведений, носящего имя преподобного Серафима»³¹⁶.

Как ни странно, но немец Холлман, несмотря на свою «еврейскую» фамилию и светскость, до этого вполне успешно возглавлял кавказский лазарет духовно-учебных заведений, носивший имя преподобного Серафима. Принял он его в августе 1915 года, когда лазарет находился в настолько

³¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 3.

³¹⁶ Там же. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ц. Л. 95.

расстроенном состоянии, что стоял вопрос о его расформировании. Однако благодаря энергичной деятельности нового руководителя лазарет быстро пришел в порядок, значительно расширился и заработал в полную силу, особенно во время эрзерумских боев, когда наплыв больных и раненых был исключительно интенсивным. К сожалению, переутомление от напряженной работы отразилось на здоровье Холлмана, и он вынужден был оставить заведование лазаретом.

Справедливости ради нужно сказать, что не только особоуполномоченный К. А. Вальтер критично относился к деятельности иеромонаха Николая. Так, например, студент Петроградской духовной академии Владимир Панасюк, с первого дня работавший в минском лазарете санитаром, подал в 1916 году в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений докладную записку, в которой сообщал о финансовых злоупотреблениях и служебных нарушениях старшего врача³¹⁷.

Как бы там ни было, но отец Николай остался в Минске на прежней должности.

Тогда же в декабре 1916 года епископ Георгий (Ярошевский) начал хлопотать о возведении иеромонаха Николая (Муравьева) в сан архимандрита и о награждении его орденом Святого Владимира 3-й степени. Награды хотели приурочить к 12 января – дню тезоименитства Великой княжны Татьяны. Предварительно епископ Георгий навел справки через товарища обер-прокурора князя Н. Д. Жевахова, как Синод отнесется к идее возведения отца Николая в сан архимандрита. Выяснилось, что такое ходатайство навряд ли будет удовлетворено «в виду того, что иеромонах Николай, состоя студентом духовной академии, окажется, в случае возведения его в сан архимандрита, в более высоком духовном звании, чем некоторые профессора академии». Вместе с тем

³¹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 1–4.

князь выразил уверенность, «что пожалование иеромонаху Николаю, по окончании им академии, сана архимандрита не встречает затруднения». Но такой расклад не удовлетворил епископа Георгия и он, минуя Синод, обратился с той же просьбой непосредственно к Великой княжне Татьяне. Вместе с тем преосвященный ходатайствовал от имени отца Николая о награждении орденами Святого Станислава 3-й степени младшего врача Верещагина и заведующего канцелярией лазарета студента Рыболовova. 4 января 1917 года на прошении последовала резолюция ее высочества: «На все согласна»³¹⁸.

Конечно, надеяться на получение сана архимандрита в ближайшее время было сомнительно, а вот орден вполне возможно было получить к 12 января. Однако для этого необходимо было надавить нужные рычаги и подключить влиятельных лиц. Архирею, в отличие от иеромонаха, это было под силу. По просьбе епископа Георгия главноуполномоченный Красного Креста на Западном фронте А. В. Кривошеин обратился со срочным ходатайством к главнокомандующему о награждении орденами иеромонаха Николая, Верещагина и Рыболовova. 9 января Кривошеин отправил в Петроград секретарю императрицы графу Я. Н. Ростовцеву телеграмму с просьбой содействовать в Главном управлении Красного Креста и инспекторском отделе в скорейшем проведении наград для отца Николая и Рыболовova³¹⁹.

Но дело о наградах так, кажется, ничем и не закончилось в силу произошедших вскоре политических перемен.

Между тем 28 января 1917 года отец Николай лично побывал на аудиенции у Великой княжны Татьяны. Это была его последняя встреча с Августейшей покровительницей. Во время аудиенции старший врач представил отчет о состоянии лазарета на 1 января. Персонал лазарета в это время

³¹⁸ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 118–119.

³¹⁹ Там же. Л. 123.

состоял из начальника врача-иеромонаха Николая (Муравьева), врачей Д. Ф. Едвабника, В. В. Верещагина и А. Б. Щеголева, зубного врача Я. С. Напельбаума, заведующего хозяйством П. И. Балаура, делопроизводителя П. К. Рыболовова, 11 сестер милосердия и 32 санитаров³²⁰. Наличное число коек составляло 170 – 5 для офицеров и 165 для нижних чинов. Койки для нижних чинов по специальностям распределились следующим образом: 80 хирургических, 15 ушных, 20 цинготных, 50 терапевтических тяжелых для пневматиков, сердечных и почечных. При поступлении большого количества больных в лазарет число занятых мест доходило до 200. Причем больные за недостатком коек частично размещались на носилках. Продуктами, медикаментами и всем необходимым лазарет снабжался Минским полевым складом Красного Креста, который «всегда шел навстречу всем нуждам лечебного заведения и последнее в своих требованиях никогда не получало отказа». Для доставки продуктов со склада и хлеба из хлебопекарни Красный Крест выделил лазарету две лошади. А так как получение для больных лазарета достаточного количества молока хорошего качества было затруднено, интендантство передало лазарету две коровы. Таким образом, приобретение молока у частных лиц удалось свести к минимуму³²¹.

В конце декабря при лазарете была оборудована лаборатория для исследований крови. А в январе в помещение Серафимовского лазарета был переведен из 8-го Головного эвакупункта зубоврачебный кабинет Напельбаума³²².

Поскольку лазарет оказался перегружен, отец Николай решил увеличить число коечных мест, несколько переоборудовав семинарские помещения и поставив дощатые перегородки. Однако теперь даже доски пришлось добывать с трудом, обращаясь с просьбами по разным инстанциям.

³²⁰ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 125 об.

³²¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-д. Л. 125–126 об.

³²² ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 513. Л. 29.

Вместе с тем с увеличением коечных мест возникла мысль о преобразовании лазарета в госпиталь. С просьбой об этом отец Николай в феврале обратился в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений и к Великой княжне Татьяне. 20 февраля комитет направил соответствующее ходатайство в Главное управление Красного Креста, оговорившись, однако, что не сможет принять на себя новые денежные обязательства по содержанию госпиталя. 4 марта управление ответило, что Совет «не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство»³²³. Не имела успеха и просьба комитета о повышении жалованья врачам. Впрочем, Главное управление ответило, что вопрос «остается открытым»³²⁴.

Тем временем в государственной жизни произошли большие перемены. 23 февраля в Петрограде началась всеобщая политическая стачка, приведшая к беспорядкам и кровавым столкновениям с полицией и войсками. Через несколько дней стачка переросла в вооруженное восстание.

2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола Российской империи, и власть в стране перешла к Временному правительству. 8 марта в Царском Селе, по постановлению новой власти, была арестована царская семья. Таким образом, Серафимовский лазарет лишился Августейшего покровительства...

Революционные события, произошедшие в столице, нашли живой отклик и в Минске. 6 марта на соборной площади прошла многолюдная манифестация «Свободы», которую составили войска и жители города. Торжество приняло грандиозные размеры, каких Минск еще не видел. Несмотря на плохую погоду – сильный снегопад и пронизывающий холодный ветер – Соборную площадь и прилегающие улицы переполняли ликующие толпы. Площадь представляла сплошное море голов, над которыми поднимались

³²³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-д. Л. 130.

³²⁴ Там же. Л. 131.

многочисленные красные знамена с начертанными на них лозунгами: «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует народное правительство!»

Просто поразительно, как за годы войны поменялось общественное настроение! Казалось бы, еще не так давно минчане восторженно встречали «обожаемого Монарха», украсив город транспарантами: «Слава Русскому Царю!», «Царствуй на славу нам!», «Царствуй на страх врагам!» и т. д. Теперь же здесь царила совсем другая атмосфера.

Восторженные настроения, вызванные политическими переменами, охватили многих. По случаю манифестации из кафедрального собора был даже совершен крестный ход. Правда, епископ Георгий не участвовал в нем, сказавшись больным³²⁵. Вместо него в манифестации принял участие викарный епископ Феофилакт (Клементьев). Он отслужил молебен и сказал поучительную речь, в которой указал на совершившуюся в государстве перемену строя и раскрыл истинное понятие о свободе, призвав всех к спокойствию и покорности новому правительству³²⁶.

После молебна на покрытую красной материей трибуну, окруженную красными знаменами депутатов, поднялся главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант Эверт. Он обратился к войскам и народу с речью, встреченной громовыми долго несмолкающими раскатами «ура!»³²⁷

Следует заметить, что позиция епископа Феофилакta не шла вразрез с общим отношением высшей церковной власти к произошедшим политическим переменам. Рассматривая

³²⁵ *Кривонос Федор, священник.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). – Мн.: МФЦП. – 2007. – С. 13.

³²⁶ Праздник свободы в Минске // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 6. – С. 110.

³²⁷ *Кривонос Федор, священник.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. – Минск: ВРАТА, 2008. – С. 45.

Временное правительство как единственный законный орган верховной власти в России, Святейший Синод 9 марта 1917 года выпустил обращение, в котором призвал всех чад Русской Православной Церкви поддержать это правительство и объединиться вокруг него для успешного завершения кровопролитной войны с внешними врагами России и прекращения грозившей разрушить страну внутренней смуты³²⁸.

Вместе с тем перемены происходили и в церковной жизни. 27–28 марта в Минске по благословению преосвященного Георгия состоялось собрание духовенства. Однако ни епископ Георгий, ни епископ Феофилакт на него не явились. На собрании председательствовал ректор Минской духовной семинарии протоиерей Иоанн Язвицкий. Как и следовало ожидать, собрание вскрыло те недостатки местной церковной жизни, которые долгие годы старательно замалчивались³²⁹. В постановлении, принятом на собрании, в частности, говорилось, что собравшиеся к глубокому прискорбию вынуждены были отметить полную разобщенность архиерея с подведомственным ему духовенством. Главные причины этому духовенство усматривало в «канцелярски-бюрократическом способе общения епископа с подчиненным ему клиром» и в присутствии «безответственных советников при епископе, образующих клику близких к нему доверенных лиц, обычно злоупотребляющих своим положением»³³⁰.

17 апреля духовенство Минска собралось вторично. Встреча проходила в покоях епископа Георгия под его председательством. Открывая собрание, архиерей призывал присутствующих к спокойному, в духе христианской любви

³²⁸ Митрофанов Георгий, священник. История Русской Православной Церкви 1900–1927. – СПб, 2002. – С. 75–76.

³²⁹ Кривонос Федор, священник. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). – Мн.: МФЦП. – 2007. – С. 14.

³³⁰ Пастырские Собрания духовенства г. Минска // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7–8. – С. 113–121.

и свободы обсуждению вопросов. Требования духовенства были приняты, во всяком случае, никто против них не возражал. Присутствовавшие высказались за созыв 15 мая съезда духовенства и мирян Минской епархии³³¹.

Прелюдией к съезду стало собрание духовенства и мирян, состоявшееся в Минске 20 апреля. С главным докладом снова выступил протоиерей Иоанн Язвицкий. Он справедливо отмечал, что Православной Церкви всегда принадлежала огромная роль в жизни России, но эта роль обесценивалась тем бюрократическим строем, который царил во всех отношениях в жизни русского государства³³². Коснулся докладчик и отношений, которые складывались между священнослужителями, отметив, что и сюда «вошел дух бюрократизма с его исчадиями – делением на высших и низших, влиятельных и ничтожных, с подслуживанием друг другу, самоуничижением, недоверием и предательством». По его мнению, и отношение духовенства к пасомым отражало дух бюрократизма. Во всех бедах Церкви ректор семинарии винил исключительно самодержавие...³³³

Происходившие события в той или иной мере лично коснулись и иеромонаха Николая. Для него создалась довольно щекотливая ситуация. Лазарет лишился Августейшего покровительства и даже поменял название, став именоваться «Петроградский Серафимовский лазарет Красного Креста имени Духовно-учебных заведений». Авторитет архиерея, который покровительствовал отцу Николаю, рассыпался, и недоброжелательное отношение к епископу теперь косвенно переносилось и на него. Вместе с тем рухнула система отношений, которую так старательно выстраивал отец Николай. Нужен был какой-то выход из сложившейся ситуации...

³³¹ Пастырские Собрания духовенства г. Минска // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7–8. – С. 122–123.

³³² Собрание духовенства и мирян г. Минска // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7–8. – С. 123–127.

³³³ Пастырские Собрания духовенства г. Минска // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7–8. – С. 125–127.

Сохранилось медицинское свидетельство, в котором говорится, что в начале апреля иеромонах Николай во время бомбардировки с неприятельского аэроплана в районе станции Погорельцы получил контузию. В связи с этим он с 3 по 23 апреля находился на лечении в лазарете при Архиерейском доме³³⁴. Однако сразу возникает вопрос: почему именно там, а не у себя?

Видимо, обстановка в Серафимовском лазарете уже сильно изменилась. Известно, что после Февральской революции в госпиталях и лазаретах организовывались так называемые комитеты, которые распоряжались там всем и вся. И первым делом они выгоняли неугодных врачей, фельдшеров и сестер...

Свой комитет образовался и в Серафимовском лазарете. Возглавил его работавший в лазаретной канцелярии вольнонаемным писарем воспитанник Минской духовной семинарии Дмитрий Черняковский, а секретарем стал один из санитаров – ефрейтор Степан Скоп³³⁵. Известно, что в состав комитета входили санитары Андрей Михорек и Викентий Завада. Надо думать, что Черняковский не питал особых симпатий к иеромонаху Николаю. Тот, например, не выплатил ему за первые полгода работы 60 рублей, хотя в отчете написал, что выплатил. Знал Черняковский и о других финансовых злоупотреблениях, а иногда даже сам по настоянию старшего врача вынужденно участвовал в подписании фиктивных счетов³³⁶. Поэтому, возможно, не случайно оказался иеромонах Николай в архиерейском лазарете.

Неясно и то, что делал отец Николай на станции Погорельцы. Трудно предположить, какая необходимость могла заставить его отправиться в этот довольно отдаленный от

³³⁴ *Добронравов О. С., Полякова О. Б.* Забытое имя. К биографии епископа Муромского Николая (В. М. Муравьева-Уральского) // Уваровские чтения – III. – Изд. Муромский историко-художественный музей, 2001. – С. 198.

³³⁵ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 19. Л. 1.

³³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 1 об.–2 об.

Минска район, к тому же небезопасный. Но о Погорельцах и обстановке там он наверняка слышал от преосвященного Георгия (Ярошевского), всего несколько месяцев назад выезжавшего туда для обозрения церквей и школ, находящихся в районе военных действий. Вероятнее всего, отец Николай в Погорельцах не был, а справка о контузии была фикцией, предлогом, чтобы переждать...

Уже в архиерейском лазарете иеромонаху Николаю диагностировали невроз сердца. Болезнь эта, если она действительно имела место, вынуждала заняться серьезным лечением³³⁷. По совету врача лазарета Ивана Сергеевича Иванова и консультанта Управления главноуполномоченного Российского общества Красного Креста на Западном фронте доктора Морица Урштейна³³⁸ отец Николай был направлен для дальнейшего лечения в Петроград. При этом он продолжал сохранять за собой должность начальника Серафимовского лазарета. Обязанности же старшего врача временно стал исполнять некто М. И. Недзвецкий.

14 мая Медицинский совет Западокреста обратился к главному врачу 32-го тылового головного эвакуационного пункта с просьбой приостановить до 19 мая направление больных и раненых в Серафимовский лазарет, поскольку его помещения понадобились для расселения прибывающих «на фронтовой съезд зубных врачей»³³⁹. Думается, инициатива их размещения здесь принадлежала Я. С. Напельбауму, активно занимавшемуся общественной деятельностью.

³³⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 21.

³³⁸ **Урштейн Мауриций (Мориц) Станиславович** (1872 – после 1930) – психиатр, невролог. Родился в Варшаве. Учился на медицинском ф-те Варшавского университета, в Берлине, Гейдельберге и Мюнхене. Работал ассистентом в неврологической клинике в Варшаве. Во время Русско-японской войны возглавлял холерный госпиталь в Туркестане. В 1906 г. стажировался по психиатрии у Э. Крепелина в Германии. Во время 1-й мировой войны возглавлял госпиталь Красного Креста. После 1918 г. – в Аргентине и Бразилии, почетный член Бразильского общества неврологов и психиатров. В 1920–1930-х гг. практиковал в Варшаве. Автор трудов по различным вопросам психиатрии и неврологии, диагностики и лечения шизофрении и маниакально-депрессивного психоза, психологии и судебно-медицинским аспектам психических заболеваний.

³³⁹ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 10.

Иеромонах Николай (Муравьев) тем временем подыскивал в Петрограде новое место службы. Однако жизнь в революционной столице оказалась недешевой. 30 мая он обратился к председателю комитета Красного Креста духовно-учебных заведений архиепископу Сергию за единовременной помощью³⁴⁰. Подобную помощь незадолго до этого просила и вернувшаяся в Петроград из Минска сестра Александра Сегерсверд³⁴¹.

В середине июля отец Николай возвратился в Минск и хотел снова вступить в должность начальника Серафимовского лазарета, уведомив, однако, Медицинский совет Западокреста, что в скором времени намеревается уехать на другое место в Петроград. На это Медсовет сообщил, что находит нежелательным вступление иеромонаха Николая на короткое время в прежнюю должность, и просил Недзвецкого сохранить за собой исполнение обязанностей начальника лазарета. Вскоре была образована и комиссия для передачи лазарета Недзвецкому³⁴². Сдав дела, отец Николай навсегда покинул Минск. Не задержался в лазарете после его отъезда и П. К. Рыболовов. Таким образом, старший персонал Серафимовского лазарета полностью поменялся. Из тех, кто работал в лазарете с самого начала, остались в основном лишь санитары.

10 августа 1917 года в лазарете случилось чрезвычайное происшествие. В офицерской палате покончил жизнь самоубийством чиновник военного времени Василий Иванович Гордеев, служивший в 34-м мортирном полку. После составления протокола и уведомления соответствующих инстанций тело несчастного отправили в покойницкую при 221-м полевом запасном госпитале³⁴³. Происшествие это произвело тяжелое впечатление на персонал лазарета.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 21.

³⁴¹ Там же. Л. 20.

³⁴² ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–4 об.

³⁴³ Там же. Л. 7.

В Гжатск...

В середине августа 1917 года стало известно, что Серафимовский лазарет хотят переместить в Смоленскую губернию. Тогда его руководство начало подыскивать новое место. 30 августа врач лазарета Лапух прислал в Минск с железнодорожной станции Ярцево телеграмму, в которой извещал, что в селе Ярцево в полутора верстах от железнодорожной станции имеется великолепное помещение правления Ярцевской мануфактуры, в котором можно развернуться на 100 коек. Персонал же мог расположиться поблизости, в находившемся при станции здании школы артельных старост. Доктор Лапух сообщал, что для занятия помещений необходимо лишь разрешение начальника Александровской железной дороги³⁴⁴. Уже на следующий день главноуполномоченный Западокреста Потапов отправил в Москву начальнику железной дороги Павловичу телеграмму: «Ввиду экстренной необходимости прошу разрешения занять госпиталем Креста помещение правления Ярцевской мануфактуры поселка Ярцево. Благоволите срочно уведомить Западокрест». Но помещение Ярцевской мануфактуры не находилось в распоряжении Александровской дороги, о чем Павлович и уведомил³⁴⁵.

Пока шли поиски места для размещения Серафимовского лазарета, врачи М. И. Недзвецкий и Я. С. Напельбаум обратились в Медсовет фронта с просьбой откомандировать их от лазарета и зачислить в резерв. 20 августа просьба была удовлетворена³⁴⁶. Вместе с Напельбаумом от лазарета был откомандирован и зубной кабинет. А с уходом Недзвецкого, обязанности начальника лазарета стал исполнять Д. Ф. Едвабник.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 42.

³⁴⁵ Там же. Д. 8. Л. 43–44.

³⁴⁶ Там же. Д. 53. Л. 41–43.

8 сентября 1917 года Серафимовский лазарет получил предписание отправиться в город Гжатск Смоленской губернии и там развернуться. Через некоторое время для переезда были предоставлены два вагона 2-го класса, один вагон 3-го класса, одна платформа и десять крытых товарных вагонов³⁴⁷.

Лишь 24 сентября лазарет прибыл в Гжатск и стал разворачиваться в отведенных для него бараках Второго санитарного городка. А в здании Минской духовной семинарии в освободившихся помещениях разместился Евгеньевский № 1 этапный лазарет имени Вадима Голубева³⁴⁸.

13 октября доктор Д. Ф. Едвабник сообщал в Минск медицинскому начальству, что Серафимовский лазарет развернулся на 75 терапевтических коек и уже принял 20 человек³⁴⁹.

Между тем на новом месте приходилось обустроиваться с большими трудностями. Понадобилось и дополнительное оборудование. В начале ноября Едвабник просил Медсовет разрешить приобрести для лаборатории лазарета из авансовых сумм счетную камеру Бюркера с пипетками для красных и белых кровяных телец ценой в 120 рублей, а также гемоглобинометр Сали за 67 рублей. Вместе с тем Серафимовский лазарет крайне нуждался в дезинфекционном аппарате. А в Гжатске в это время находились без употребления аппараты системы Гелиос и Саксе, принадлежавшие Минскому заразному госпиталю. Едвабник просил Медсовет разрешить временно воспользоваться этими аппаратами или выслать аппарат со склада Красного Креста³⁵⁰.

В приобретении дополнительного оборудования для лаборатории Медсовет за неимением средств отказал.

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 41, 46.

³⁴⁸ После прихода в октябре 1917 г. в г. Минске к власти большевиков в здании Минской духовной семинарии начал формироваться так называемый 1-й Революционный полк имени Минского Совета.

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 48.

³⁵⁰ Там же. Л. 28–30.

А вот с дезинфекционными камерами проблем не возникло. Начальник заразного госпиталя сообщил, что не видит препятствий в использования аппаратов Серафимовским лазаретом, если там имеется специалист, умеющий обращаться с подобным оборудованием, а поскольку камеры исправны, просил вернуть их тоже в исправном состоянии³⁵¹.

В ноябре Медицинский совет фронта обратился в Главное управление Красного Креста с предложением переименовать Серафимовский лазарет в госпиталь. Мотивы выдвигались следующие: лазарет не придан армии, располагается в тылу и фактически уже давно работает на 200 коек, увеличивая приемоспособность по мере надобности и больше. Кроме того, лазарет имеет достаточно персонала, полное госпитальное оборудование на 200 коек и вполне успешно справляется с выпадающей на его долю работой³⁵². Но в действительности дела в лазарете были весьма и весьма плачевны. Финансирование и снабжение почти отсутствовали. Даже с комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений всякие контакты к этому времени уже прекратились, а развернут лазарет был не на 200 и даже не на 75, а всего на 50 коек. Врачей в лазарете числилось пять и двое из них были в отпуске. Сестер милосердия было девять, из них три также находились в отпуске. Но даже это количество персонала лазаретный комитет считал излишним для обслуживания 50 больничных коек и просил Фронтовой совет предложить старшему врачу откомандировать тех, в ком «не встречается нужды»³⁵³. И вот, чтобы сохранить хорошо оборудованное лечебное заведение, Медсовет и решился обратиться в Главное управление Креста, предоставив ложную информацию. Повышение статуса заведения увеличило бы его финансирование.

³⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 27–27 об.

³⁵² Там же. Л. 69–69 об.

³⁵³ Там же. Л. 39.

Замысел удался – лазарет получил статус госпиталя, хотя и сохранял его недолго. Финансирование и обеспечение продовольствием заметно улучшилось, ввиду чего лазаретный комитет уже в декабре постановил не производить сокращения штатов³⁵⁴.

К проблемам, которые испытывал Серафимовский лазарет в это время, добавилась еще и некоторая путаница в переписке с интендантством, складами и другими учреждениями, связанная с названием лечебного заведения. Дело в том, что почти одновременно с Серафимовским лазаретом духовно-учебных заведений в Гжатск переехал Московский Серафимовский подвижной лазарет. Схожесть названий стала вносить неразбериху в сообщении с учреждениями. Тогда Д. Ф. Едвабник обратился в Управление Западокреста с просьбой переименовать лазарет в «Первый Серафимовский лазарет Красного Креста имени Духовно-учебных заведений», а чтобы не нести излишние расходы из-за длинного названия при отправке телеграмм, просил присвоить телеграфное название «Первый Серафимовский лазарет». В конце января 1918 года Бюро Искомзападокреста удовлетворило просьбу о переименовании³⁵⁵.

Не способствовала нормальной работе лечебного заведения и частая смена его начальников. Известно, что в ноябре лазарет вместо Д. Ф. Едвабника возглавил доктор А. М. Григорьев. Однако уже в конце января 1918 года Медсовет Западокреста, в связи с увольнением Григорьева, вновь утвердил начальником Давида Фабиевича, которого единогласно избрало на эту должность общее собрание работников лазарета³⁵⁶. Точно так же собрание проголосовало за оставление в должности и завхоза Балаура, которому все доверяли.

³⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8. Л. 37.

³⁵⁵ Там же. Л. 64, 67–67 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 62.

Следует сказать, что действовавший в лазарете местный комитет имел большие полномочия и даже свой бланк и печать. Впрочем, его наличие только усложняло функционирование лазарета, поскольку образовалось двоевластие: с одной стороны, старший персонал, с другой – комитетчики-санитары. До декабря 1917 года комитет возглавлял бывший семинарист Дмитрий Черняковский, затем старший санитар – Семен Емельянович Семин, но недолго. Тогда же в декабре он как участник 2-го делегатского съезда работников Красного Креста Смоленского тылового района был избран в состав Исполнительного тылового комитета, а затем в его президиум³⁵⁷. В связи с этим Семин был освобожден от обязанностей по лазарету и его должность председателя местного комитета занял санитар Степан Скоп, бывший до этого секретарем. Секретарские же функции стал выполнять санитар Станислав Модзелевский, работавший в лазарете с 24 мая 1917 года. Любопытно, что как только С. Е. Семин сделался членом президиума Исполтылкома, Модзелевский направил туда заявление, в котором сообщал, что служит санитаром, а меж тем имеет специальность зубного техника и просит назначить его на соответствующую должность³⁵⁸. Тут же по инициативе Семина полетели срочные сообщения главному врачу Смоленского распределительного пункта и начальнику 37-го Тылового эвакуационного пункта: «Из числа служащих Краснокрестных учреждений Смоленского района имеется опытный зубной техник. Исполнительный Тыловой Комитет Смоленского района просит уведомить, не встречается ли надобности в таковом для занятия штатного места по специальности зубного техника»³⁵⁹.

Дошла информация и до Медицинского отдела Западного креста. Однако оттуда написали в Объединенный тыловой комитет Смоленского района: затребовать у рекомендуемого

³⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 19. Л. 2.

³⁵⁸ Там же. Л. 6.

³⁵⁹ Там же. Л. 7.

зубного техника свидетельство, удостоверяющее его звание, и свидетельство о его практическом стаже³⁶⁰. Но соответствующих документов, кажется, не оказалось.

Пропал вскоре куда-то и сам С. Е. Семин. Исполтылком в начале января 1918 года разыскивал его в Серафимовском лазарете, но там понятия не имели, где он. А поскольку представитель лечебного заведения в Тыловом комитете исчез, лазарет направил из числа своих служащих на 3-й делегатский съезд работников Красного Креста женщину-врача Ч. Я. Френдлер³⁶¹.

К сожалению, мало сохранилось сведений о деятельности Серафимовского лазарета в это время. Но немного приоткрывают картину внутренней жизни чудом уцелевшие несколько протоколов заседаний местного комитета. Вот, например, протокол заседания комитета № 39 от 15 января 1918 года, на котором рассматривались: заявление санитара Егора Байкова о выдаче ему ботинок и телогрейки, вопрос об отпуске вольнонаемного санитара Войцеха Деца и заявление служащей Чугуновой об оскорблении ее санитаром Семаненко. Любопытно не только содержание, но и язык документа. «Так как санитар Байков увольняемый в отпуск по комиссии, – говорилось в протоколе, – и не получивший сапог от марта месяца 1917 г. и в настоящее время у него порванная обувь, комитет постановил выдать ботинки.

Заслушав заявление санитара Деца об разрешении ему отпуска, и так как товарищи согласны нести работу на кухне за него; комитет постановил пустить его в отпуск сроком на 12 дней.

Заявление сиделки Чугуновой о нанесении ей публичного оскорбления со стороны санитара Семаненки; так как она была на своей кровати, в то время подошел Семаненко и стал ей Чугуновой смеяться – зачем ты носишь чужую голову; она его, отталкивая, говорит – какое твое дело, он

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 19. Л. 12.

³⁶¹ Там же. Л. 13–14, 20.

сорвал с ней из головы платок. После того она ему говорит, уйди от меня “босяк”. Семаненка снова подошел к Чугуновой и ударил ее по щеке, что и подтверждают свидетели Ивановская, Швабовская и Калодник.

Заслушав заявление Чугуновой, что и подтвердили вышеупомянутые лица, Комитет постановил допросить санитаря Семаненку о своем поступке, что он не отвергает и просит у Чугуновой прощения, и в присутствии комитета Чугунова простила Семаненку. Комитет постановил поставить на вид Семаненку и если подобное повторится, то будет привлечен к ответственности по закону»³⁶².

На заседании комитета 25 января рассматривались вопросы: о перевыборах местного комитета, об избрании ревизионной комиссии, о выборе кладовщика, о командировке санитаря Андрея Михорека, о выдаче удостоверения Скопу на получение для семьи продуктов из кладовой лазарета.

Вопрос о выборе местного комитета стал в связи с тем, что его члены Завада и доктор Лапук увольнялись из лазарета согласно приказу по Военному ведомству, а Михорека и Модзелевский выбывали по болезни. В связи с этим комитет слагал свои полномочия и назначал общее собрание для выбора нового комитета на 27 января. Вместе с тем общему собранию предлагалось избрать ревизионную комиссию для проверки кладовой, цейхгауза, денежных и хозяйственных книг лазарета. Общее же собрание должно было выбрать и кладовщика. А на данном заседании Михореку разрешили командировку в Минск на три дня, чтобы забрать там свои документы. Также постановили выдать Степану Скопу удостоверение «на право получения продуктов для своей семьи из кладовой лазарета согласно распоряжению Искомтылкреста от 12 января 1918 года за № 6 пункт 111 за наличный расчет»³⁶³.

³⁶² ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 19. Л. 21–21 об.

³⁶³ Там же. Л. 24–24 об.

Если с декабря 1917 года финансирование и обеспечение лазарета несколько улучшилось, то уже весной 1918-го ситуация стала критической. Экономить приходилось буквально на всем. Так, например, служащим разрешалось пользоваться свечами лишь при отсутствии керосина, а спичками «по мере действительной необходимости» – на кухне и в лазарете при зажигании ламп³⁶⁴. 5 апреля Д. Ф. Едвабник телеграфировал в Смоленск в Искомзападокрест: «В кассе лазарета денег нет, жалование за март не уплачено. Прошу телеграфировать, можно ли получить аванс». Но ответ был таков: «Ввиду временного перехода в ведение внутреннего района, согласно телеграмме № 86 3-го апреля 1918 года, надлежит обращаться в Москву по принадлежности»³⁶⁵.

В том же месяце Едвабник оставил должность начальника лазарета, и его возглавил кто-то другой.

Вот и все, что удалось разыскать по истории Первого Серафимовского лазарета...

В завершение хотелось бы рассказать, как впоследствии сложились судьбы работавших в нем людей, конечно, тех, о ком удалось собрать сведения.

Судьбы

Непросто сложилась дальнейшая жизнь первого начальника Серафимовского лазарета иеромонаха Николая (Муравьева). Чем занимался он летом и осенью 1917 года, выяснить не удалось. Известно, что после Октябрьской революции отец Николай продолжил врачебную деятельность при автоброневогом отряде Петросвета. Отряд этот, имевший на вооружении 2 броневики, 16 легковых и 31 грузовой автомобиль, 16 мотоциклов с пулеметами и несколько

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 19. Л. 22.

³⁶⁵ Там же. Л. 30.

других специальных машин, был сформирован для охраны партийных и советских учреждений Петрограда и их руководителей. В отряд зачислялись только коммунисты и им сочувствовавшие по рекомендациям партийных организаций.

Работая врачом автобронепоезда, иеромонах Николай в ноябре 1918 года поступил в число братии Александро-Невской лавры³⁶⁶.

С 1919 по 1923 год он работал врачом в Смольной больнице, а потом в различных поликлиниках Петрограда. Есть сведения, что в 1921 году иеромонах Николай находился в составе комиссии, которая занималась вскрытием склепов в императорской усыпальнице Петропавловского собора. Комиссия изымала в пользу голодающих драгоценности, заключенные в императорских гробах.

Приблизительно с этого времени иеромонах Николай становится известен под фамилией Муравьев-Уральский. Когда именно и по какой причине он стал подписываться двойной фамилией, сказать трудно. Возможно, при новой власти он хотел представить себя потомком декабристов, нарочито подчеркивая свое уральское происхождение. Впрочем, в официальных церковных документах он еще в 1931 году упоминался просто как Муравьев³⁶⁷.

Хотя отец Николай работал врачом в автобронепоезде Петросвета и советских лечебных заведениях, гонения, развернувшиеся на представителей Церкви, не обошли стороной и его. В январе 1924 года его арестовали и 26 сентября осудили «за антисоветскую деятельность» на три года лагерей с запрещением проживания в ряде городов СССР. Около года отец Николай провел в Соловецком лагере особого назначения, работая там врачом центрального лазарета 1-го отделения. Получил досрочное освобождение и был направлен на три года в ссылку в Тверь. Кстати, там

³⁶⁶ Шкаровский Михаил. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в 1918–1922 гг. Часть II. – <http://www.bogoslov.ru/text/3041971.html> – Дата доступа: 17.02.2013.

³⁶⁷ Хроника церковной жизни // Журнал Московской Патриархии. – 1933. – № 5. – С. 5.

в это время находился на высылке и бывший обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер.

Любопытные воспоминания об отце Николае в тверской ссылке оставил известный оперный певец Алексей Иванов, в то время студент Тверского педагогического института. «Мы, студенты пединститута, – вспоминал он, – интересовались ссылкой и старались с ними встретиться, даже просто из любопытства: что собой представляют эти “враги народа” и как велика их вина. В железнодорожной церкви, около которой больше всего ютилось ссылное духовенство, меня заинтересовал архимандрит Николай Муравьев-Уральский. Это была очень колоритная фигура из потомков декабристов.

Потомственный дворянин, он рано ударился в мистику. Будучи еще студентом Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, Н. Муравьев-Уральский постригся в монахи и одновременно поступил учиться в Петербургскую духовную академию. Таким образом, окончив две академии, он, будучи уже иеромонахом, стал врачевать не только души, но и тело.

Началась Первая мировая война, и осенью 1914 года Н. Муравьев-Уральский идет в качестве хирурга на фронт.

Там его застала и Гражданская война. Не выходя из полевых госпиталей, он оказался под началом новых военачальников Красной Армии. Как военного хирурга, его очень ценили и в течение долгих кровопролитных схваток никто не придавал значения, что бойцам оказывает помощь хирург-иеромонах.

Н. Муравьев-Уральский встречался в боевой обстановке с такими крупными командирами и героями Гражданской войны, как М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, В. И. Чапаев, С. М. Буденный. Последние годы войны он провел в качестве главного хирурга в легендарной Первой Конной армии.

Лишь после окончания войны обратили внимание, что возглавляет всю лечебную помощь “поп”. Его несколько раз вызывали в Кремль с предложением “снять” духовный сан

или просто – остричь волосы, после чего ему будет поручена высокая руководящая работа.

Последний раз Н. Муравьеву-Уральскому было категорично заявлено: “Кремль или Соловки!”. Хирург выбрал Соловки. Туда он в 1922 году и получил направление на три года»³⁶⁸.

Конечно, не Иванов выдумал все эти небылицы. Он передал лишь то, что слышал от самого «архимандрита»...

Певец так описывал отца Николая. Круглый год – летом и зимой – его можно было встретить на улице в солдатской замызганной шинели и шапке старого образца, в солдатских штанах с обмотками на ногах. Под шинелью была надета русская косоворотка, застиранная и заштопанная, подпоясанная монастырским пояском с кисточками. «Его огненно-рыжие густые волосы сзади были туго затянуты веревочкой и запряты под воротничок рубашки. Лицо бледное, испитое, с тонким носом с горбинкой; под ним и на подбородке росла какая-то рыжеватая, клочковатая растительность, изображавшая бороду и усы. На лице блуждала едва заметная улыбка. В таком виде мне и пришлось его увидеть при первом знакомстве», – вспоминал Иванов³⁶⁹.

В разговоре отец Николай оказался человеком очень остроумным и оптимистичным.

– Что же, я доволен, что сподобился побывать на Соловках, – рассказывал он своим «окающим» говором с примесью парижского груссирования. – Ведь по доброй воле я вряд ли решился бы туда поехать. Нас ведь больше прельщают людские блага и, конечно, всех скорее тянет на юг – к Черному морю, а не на Север – к Белому...

Он искренне радовался, что, кроме котомки со сменой чистого белья, у него нет абсолютно никакого имущества.

³⁶⁸ Алексей Иванов – богатырь оперной сцены / Сост. Г. Горбенко, З. Шляхова. – М.: Голос-Пресс, 2004. – С. 37–38.

³⁶⁹ Там же. С. 38.

– Я вольный казак! – восклицал с довольным видом отец Николай. – В этом вся прелесть отшельничества. Вот и сейчас много ли мне надо? Кусок хлеба, да кружку воды! А спать я привык за семь лет фронтовой жизни плюс еще три года на Соловках в самых неприхотливых условиях, а то и просто на земле, с котомкой под головой...

«Я поражался мужеству, – вспоминал Иванов, – стойкости и оптимизму этого физически изможденного человека. Весь его рассказ пересыпался юмором и во всем он видел для себя только хорошее: голод, преследования, ссылка – все это составляло для служителя церкви необходимое испытание».

– А то ведь про нас говорят, что мы больно зажирили на монастырских хлебах, – с горькой усмешкой замечал отец Николай.

В Твери он прожил несколько лет. Изредка совершал богослужения в разных храмах³⁷⁰.

После возвращения в Ленинград церковные власти назначили иеромонаха Николая настоятелем ставропигиальной церкви бывшего подворья Киево-Печерской лавры на Васильевском острове и вскоре возвели в достоинство архимандрита.

29 марта 1931 года в Москве в церкви Покрова Божией Матери в Красном Селе состоялась его хиротония в епископа Кимрского, викария Тверской епархии³⁷¹. Хиротонию возглавил Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский). В тот же день новопоставленный архиерей был арестован, однако вскоре освобожден³⁷².

³⁷⁰ Алексей Иванов – богатырь оперной сцены / Сост. Г. Горбенко, З. Шляхова. – М.: Голос-Пресс, 2004. – С. 38–39.

³⁷¹ Хиротонию совершали: Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), Экзарх Украины архиепископ Харьковский Константин (Дьяков), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Великоустюжский Софроний (Арефьев), а также архиепископ Суздальский, управляющий Владимирской епархией Гурий (Степанов) и епископы Дмитровский Питирим (Крылов) и Орехово-Зуевский Иоанн (Соколов).

³⁷² Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. – http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans

После хиротонии епископ Николай был временно оставлен в должности настоятеля церкви бывшего подворья. С 10 июня по 22 ноября 1932 года он состоял епископом Рыбинским, а с мая 1933 года – епископом Муромским. Через год, 3 мая 1934 года, в связи с очередным арестом и новым сроком заключения, его уволили на покой.

Арестовали епископа Николая в марте по обвинению в причастности к ленинградской церковно-монархической организации «Англиканы». А 2 апреля Особая Тройка при Полномочном представительстве ОГПУ Горьковского края осудила его на десять лет лагерей. Срок владыка отбывал в лагерях Хабаровского края, работая там по медицинской специальности. Пользуясь своим положением работника больничного управления, он по возможности старался облегчать положение других заключенных, особенно священнослужителей.

В хабаровских лагерях у епископа Николая проявилась тяжелая болезнь – давало о себе знать длительное пребывание в заключении. С диагнозом кардиосклероз, склероз сердца, эмфизема легких он периодически проходил лечение в больницах Амурлага. Отбыв срок, уже совершенно больной, с инвалидностью, он продолжал работать при лагере в качестве вольнонаемного до июля 1945 года. Поскольку шла война, въезд в центральные области Советского Союза ему был запрещен.

После окончания войны в мае 1945 года епископ Николай вернулся в Муром, где устроился на работу в поликлинику. Но на этом тернистый путь не закончился. Уже через три года его арестовали в очередной раз. 9 марта 1949 года владыка был осужден на десять лет и для отбывания наказания отправлен в Особый лагерь № 3 МВД станции Потьма (Мордовская АССР).

В июле 1952 года вместе с инвалидами епископ Николай был перевезен в Угличское отделение Ярославских исправительно-трудовых лагерей и колоний, где работал

амбулаторным лор-врачом и консультировал больных в стационаре.

По воспоминаниям Е. И. Пугачевой, доктор Муравьев жил при больнице в отдельной комнате, имел санитаря, который обихаживал его и помогал на приеме больных. Санитара выбирал всегда сам. Обычно это был молодой человек, оступившийся в жизни. Владимир Михайлович заботился о нем, наставлял на путь праведный и по выходе из лагеря помогал в устройстве на работу, поступлении в институт³⁷³.

Находясь в заключении, владыка Николай подавал жалобы на имя Генерального прокурора СССР и Председателя Совета Министров Г. М. Маленкова о пересмотре его дела и снятии с него незаслуженного обвинения. В начале 1955 года он был освобожден и остался жить в Угличе, где работал в больницах как врач-отоларинголог.

Вскоре доктор Муравьев стал известен среди верующих города как священнослужитель высокого ранга. По воспоминаниям людей, близко его знавших, он и после многолетних тяжких испытаний лагерной жизни оставался общительным человеком. Его нередко приглашали в качестве врача в дома верующих, а также по старой памяти в лагерь на консультации к лор-больным. В лагере владыка Николай по-прежнему старался помогать некоторым заключенным перейти по болезни на более облегченный режим содержания или сократить срок заключения. Иногда даже выезжал для этого в Москву. Вот, что писал «священноврач» по этому поводу в 1956 году епископу Афанасию (Сахарову): «В Москве пришлось проталкивать медицинские акты моей “курортной паствы” для применения статьи 457. Одному протоиер[ею] 25 л[ет] оборотили в 10 годов, ему 69 л[ет], буду писать днями “акт” и подводить под статью, а 4[-х]

³⁷³ Добронравов О. С., Полякова О. Б. Забытое имя. К биографии епископа Муромского Николая (В. М. Муравьева-Уральского) // Уваровские чтения – III. – Изд. Муромский историко-художественный музей, 2001. – С. 198.

удалось на обл[астной] суд пустить (2 правосл[авных] иерея, один наставник беспоп[овцев] и один попросту старец)»³⁷⁴.

Когда читаешь эти строки, невольно вспоминаются слова Спасителя: «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16: 9). И владыка Николай приобретал...

25 февраля 1957 года Владимирский областной суд реабилитировал архиепископа Николая (Муравьева-Уральского) по последнему обвинению. Позже его реабилитировали и по репрессии 1934 года³⁷⁵.

Скончался преосвященный Николай 30 марта 1961 года от инсульта. Его похороны удивили верующих жителей города, когда в Углич на них съехалось духовенство чуть ли не со всего Нечерноземья. Хоронили владыку на старом городском кладбище у церкви царевича Димитрия. Чин отпевания совершил епископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов)³⁷⁶. Гроб с телом преосвященного дважды обнесли вокруг храма, а затем погребли у стены близ алтаря. Через некоторое время на могиле появился скромный памятник с надписью: «Доктор медицины. Архиепископ Николай (Муравьев-Уральский) 21.XII.1882–30.III.1961»³⁷⁷. На памятнике неверно указан год рождения.

По-своему сложилась судьба младшего врача Серафимовского лазарета – Саула Черниховского. Покинув в конце 1916 года Минск, он уехал на службу в Петроград, где работал помощником заведующего Санитарно-статистическим отделом в Главном управлении Российского общества Красного Креста. В августе 1918-го Черниховский возобновил учебу в Еленинском институте при профессоре В. А. Штанге³⁷⁸.

³⁷⁴ Из писем епископа Николая (Муравьева-Уральского) к епископу Афанасию (Сахарову) / Публ. О. Косик // Богословский сборник. Вып. 4. – Москва, 1999. – С. 258.

³⁷⁵ Реабилитация состоялась в 1989 г.

³⁷⁶ *Харьюзов Н., протоирей.* Преосвященный Николай (некролог) // Журнал Московской Патриархии. – 1961. – № 5. – С. 41.

³⁷⁷ *Добронравов О. С., Полякова О. Б.* Указ. соч. – С. 199.

³⁷⁸ Из личного архива Зои Леонтьевны Копельман (Иерусалим).

Одновременно поэт вернулся к литературной деятельности, приступив к переводу «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Однако в 1919 году после запрета большевиками иврита Черниховский уехал в Симферополь, а затем в Одессу, где поступил ординатором в 3-й Одесский госпиталь. Вместе с тем он устроился «служащим» на Педагогических курсах общества «Тарбут» – еврейской просветительно-культурной организации, под эгидой которой в то время создавалась сеть образовательных учреждений на иврите в странах Восточной Европы³⁷⁹.

В Одессе поэт перевел стихи Анакреона, «Пир» Платона, написал ряд стихотворений, посвященных памяти жертв погромов на Украине: «Такой будь наша месть», «Могила», первый венок сонетов на иврите «К солнцу» и венок сонетов «На крови» (завершен в 1923 г. в Берлине). Позже многие стихи Черниховского были положены на музыку и стали популярными песнями.

В 1921 году в числе 35 еврейских писателей Одессы поэт получил разрешение покинуть Советскую Россию, однако из-за смерти матери вынужден был задержаться там до лета следующего года. В 1922 году он выехал в Стамбул, откуда хлопотал о месте врача в Палестине. Однако главным препятствием послужил его брак с христианкой. Ничего не добившись, поэт уехал в Берлин, затем в Швецию, бедствовал – и постоянно писал, зарабатывая на жизнь врачебной практикой среди эмигрантов.

Видевшийся с Черниховским в Берлине В. Ходасевич, так вспоминает о нем: «Я ожидал увидеть изможденного человека... Но – в комнату врывается коренастый, крепкий мужчина, грудь колесом, здоровый румянец, оглушительный голос, стремительные движения. Не снимая пальто, усаживается на подоконник, говорит быстро, хлопая себя по коленке и подкручивая усы. У него военная выправка и

³⁷⁹ Из личного архива Зои Леонтьевны Копельман (Иерусалим).

хороший русский язык с легким малороссийским акцентом. Ничего поэтического и еще меньше – еврейского. Скорее всего – степняк-помещик из отставных военных»³⁸⁰.

В эти годы литературная деятельность Черниховского становится особенно интенсивной. Он обращается к прозе: пишет повести, рассказы, фельетоны; публикует новый сборник стихотворений и отдельно книгу стихов для детей. Продолжает заниматься переводами. Однако нужда постоянно преследовала поэта, так как заработки его были ничтожны. Друзья помогли Черниховскому издать его книги. В 1926 году к 50-летнему юбилею поэта вышло десять больших томов его поэзии и переводов. В эти годы Черниховский перевел на иврит эпос о Гильгамеше, «Евангелину» Г. Лонгфелло, «Макбет» и «Двенадцатую ночь» У. Шекспира, «Рейнеке-Лиса» И. Гете, а позже «Слово о полку Игореве».

В Берлине поэт написал интонационно близкое поэмам Н. Некрасова повествовательное стихотворение о разрухе в Одессе «Вода, простоявшая ночь».

В конце 1920-х годов Черниховский редактировал статьи по биологии и медицине в энциклопедии «Эшкол», выходившей в Берлине под редакцией Якова Клячкина. Вел также литературный отдел журнала «Ха-ткуфа» («Эпоха»).

Из Берлина поэт выезжал выступать со стихами в Будапешт (1924), Латвию, Литву, Польшу (1925). В конце 1928 года он провел несколько месяцев в Соединенных Штатах, где был восторженно принят еврейской общественностью и получил материальную поддержку.

Между тем постоянной его мечтой было желание уехать в Палестину. Впервые Эрец-Исраэль (Землю Израиля) Черниховский посетил в 1925 году, чтобы создать там филиал Маген-Давид Адом³⁸¹, однако из-за сопротивления

³⁸⁰ *Ходасевич Владислав*. Из еврейских поэтов. – М., 1998. – С. 51.

³⁸¹ **Магэн-Давид Адом** («Красный Маген Давид») – израильская национальная медицинская служба, которая оказывает неотложную помощь и занимается медициной катастроф. В ее состав также входят службы санитарного транспорта и банк крови. Название и эмблема – шестиконечная звезда красного цвета на белом фоне (аналогично названиям и эмблемам обществ Красного Креста и Красного Полумесяца). Основана в 1930 г.

мандатных властей ему это не удалось. Одновременно он пытался получить место в больнице «Хадасса» в Иерусалиме, но, ничего не добившись, вернулся в Берлин.

Неприемлемый для еврейской традиции пантеизм Черниховского не прошел ему даром: он заслужил нелестное прозвище «язычник», а как муж христианки, сделался персоной нон грата во многих, даже социалистически настроенных еврейских кругах Палестины – страны, куда страстно желал попасть, но куда сумел переехать лишь в 1931 году.

В первое время он занимался завершением «Словаря медицинских и естественно-научных терминов», для чего, в общем-то, и был приглашен. С 1934 года стал врачом городских школ Тель-Авива. С 1936 года был представителем литературы на иврите в международном ПЕН-клубе, почетным президентом Союза ивритских писателей Эрец-Исраэль. Черниховский принимал участие в политической жизни страны: выступал против политики хавлага (воздержания, сдержанности) во время погромов 1936 года и плана комиссии Пиля. 28 сентября 1941 года Черниховский обратился по радио к евреям СССР в поддержку их борьбы против фашизма.

Трудности, возникшие на пути поэта в Палестину, отразились в его молчании в первые годы жизни там. Однако вскоре он создает целый цикл об Эрец-Исраэль. В 1940 году вышел в свет сборник «Смотри, земля», а в 1944 году посмертно был опубликован его последний сборник «Далекie звезды небес». В поздней поэзии Черниховского заметно стремление примирить глубокие впечатления ребенка с мироощущением стареющего человека. Поэт ощущает всю совокупность разных сторон бытия человека и как следствие этого осознает невозможность принадлежать полностью только одной культуре: родина – это дом, в окнах которого отражена вся Вселенная.

На протяжении почти всей жизни Черниховский писал для детей: в сборнике стихов «Дудочка» (1923) проявилось

редкое по тем временам в литературе этого жанра на иврите сочетание верно найденного тона, богатого воображения и знакомства с миром природы. Также он выпустил сборник детских рассказов «Были и небылицы» (1942).

В последние годы жизни поэта его творчество получило широкое признание. В его честь муниципалитет Тель-Авива учредил премию имени Черниховского для присуждения за переводы. Первым лауреатом этой премии стал он сам, получив ее за перевод «Одиссеи».

Скончался Саул Черниховский 14 октября 1943 года в Иерусалиме в маленьком греческом монастыре Сен-Симон, основанном в честь Симеона Богоприимца. Рядом с монастырем находилось здание бывшей резиденции греческого Патриарха Иерусалима, которое использовалось как дом для паломников. В период Британского мандата квартиры в нем сдавались жильцам, среди которых был и Черниховский, снимавший жилье для своей супруги-христианки. По крещению Меланья Карловна была неправославной, но после прихода к власти большевиков перешла в православие и сделалась ревностно религиозной, так как была убеждена, что лишь православие может спасти ее поруганное отечество³⁸². Периодически приезжая навестить жену, с которой поэт был уже в разводе, Черниховский останавливался в монастырском доме. Вот именно в один из таких приездов он и скончался от инфаркта. Правление еврейских поселений хотело скрыть, что великий еврейский поэт умер в монастыре. Его тело тайком вывезли в больницу «Хадасса» и лишь после этого сообщили о кончине³⁸³. Вскоре после смерти Черниховского по Иерусалиму поползли слухи, что «будто у изголовья своей кровати умирающий повесил

³⁸² רחוקה מן הים [Клаузнер Йосеф]. יקסבונירשט לואש [Саул Черниховский: человек и поэт]. — לע נוסרוב ויגטנום ריס מש-לע תירבע נרק: מילשורי הטיסרבינואה י"עש מירפס-תאצוהל תירבעה — הרבחה ידחי [Иерусалим: Еврейский фонд имени сэра Монтегю Бертона совместно с группой издательства Еврейского университета], 1947. — С. 61.

³⁸³ Иерусалим с Меиром Шалевом [Электронный ресурс]. — <http://guide.travel.ru/israel/121114.html>. — Дата доступа: 22.02.2013.

распятие, доверительно нашептывали, будто в последние минуты возле него стоял христианский священник»³⁸⁴. Что же было на самом деле в последние часы жизни поэта, осталось тайной...

Похоронили Саула Черниховского в Тель-Авиве на Старом кладбище.

Имя его навсегда вошло в историю еврейской культуры, как выдающегося поэта эпохи возрождения литературы на иврите, и стоит в одном ряду с именем Хаима Бялика. Сегодня в Израиле имя Черниховского увековечено в названиях улиц многих городов, а также его изображение можно видеть на национальных деньгах.

Не так ярко и гораздо трагичнее сложилась судьба его товарища по службе в Серафимовском лазарете – капитана Сергея Петровича Васильева. Полковничьи погоны он так и не выслужил. Уволившись из Серафимовского лазарета, Васильев был командирован в распоряжение начальника этапно-хозяйственного отдела 11-й армии и вскоре назначен в 10-й Сибирский этапный батальон старшим помощником коменданта этапа 1-го разряда местечка Езерна в Галиции. Весной 1917-го он стал комендантом этапа 1-го разряда № 44 11-й армии, а также временно командующим 1-й ротой. 12 декабря того же года, согласно приказу войскам 4-й армии о демобилизации, был избран на должность командира 1-й роты и командира этапа № 1. В январе 1918-го капитана Васильева командировали в 321-й полевой подвижной госпиталь для освидетельствования состояния здоровья. Врачебная комиссия признала его нуждающимся в трехмесячном отпуске для лечения. После этого Васильев ввиду расформирования батальона сдал роту и должность командира этапа³⁸⁵.

³⁸⁴ Шалев М. Фонтанелла: Роман / Меир Шалев; Перев. с иврита Р. Нудельмана, А. Фурман. – М.: Текст, 2009. – С. 330.

³⁸⁵ Материал предоставлен Татьяной Валентиновной Акуловой-Конецкой (Морской литературно-художественный фонд имени Виктора Конецкого).

В том же году, спасаясь от голода, он переехал с семьей в Череповец, но в 1919-м вернулся обратно.

В 1920-е годы С. П. Васильев, демобилизовавшись из Красной армии, работал корректором в Академии наук при Якутской комиссии, а также секретарем в Полиграфическом техникуме.

Первый раз его арестовали в 1929 году. Однако у Сергея Петровича нашелся заступник по фамилии Каро – фамилию спасителя навсегда запомнили все члены семьи, – он служил писарем в полку Васильева, а затем в карательных органах. Васильева отпустили.

Второй раз его арестовали 8 марта 1935 года, когда в Ленинграде развернулись политические репрессии, связанные с убийством руководителя Ленинградской парторганизации С. М. Кирова. В январе и марте 1935 года в соответствии с постановлением особого совещания при НКВД СССР проводились две операции по выселению из Ленинграда «бывших людей». В результате за 28 дней из города выслали «бывших» 11 072 человека, из них глав семей – 4833, членов семей – 6249. События эти получили название «Кировский поток».

Во время допроса следователь выяснял, кого Васильев знает «из бывших людей, офицеров, помещиков, проживающих в Ленинграде», а также, кто из его близких и знакомых служил в царской или белой армии. Васильев заявил, что никого не знает и знакомства ни с кем не имел и не имеет. Сказал лишь о нескольких своих родственниках-офицерах.

Поскольку Васильев был офицером царской армии и имел в Ленинграде родственников – дворян и бывших царских офицеров, НКВД постановило выслать его как социально-опасный элемент вместе с семьей в Астрахань на три года.

В медицинской справке дома предварительного заключения, где он содержался, отмечалось: «годен к интеллектуальному труду», «следовать этапом может».

17 марта семья Васильевых выехала в Астрахань, но затем место ссылки заменили Саратовом.

На новом месте Сергей Петрович устроился делопроизводителем, дочь Кира работала артисткой в Саратовской госэстраде, супруга Ольга Дмитриевна занималась хозяйством. Жить было трудно, но немного помогали родственники.

Изредка у Васильевых собирались знакомые – земляки из высланных. Именно это послужило поводом к новому аресту и обвинению в организации контрреволюционной группы «из числа административно-высланных из города Ленинграда, таких же антисоветски настроенных», которые «в своих антисоветских высказываниях выражали злобные клеветнические измышления по адресу руководителей партии и правительства, восхваляли расстрелянных врагов народа Пятакова и Радека и проводили контрреволюционную агитацию пораженческого характера».

29 октября 1937 года Васильевы оказались в саратовской тюрьме.

Сергей Петрович был осужден тройкой Управления НКВД СССР по Саратовской области к высшей мере наказания по обвинению «в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности» и расстрелян 4 декабря 1937 года в городе Саратове в 22.00.

Ольга Дмитриевна впоследствии рассказывала, что видела в окно тюремной камеры, как мужа вели на расстрел, и она успела крикнуть ему: «Спасибо за счастливую жизнь!»³⁸⁶.

Племянник Сергея Петровича – известный советский и российский писатель-маринист Виктор Конецкий бережно сохранил в своем архиве материалы семейной хроники Васильевых. А его супруга Татьяна Валентиновна Акулова-Конецкая дополнила их архивными документами.

Кое-что известно и о судьбе зубного врача Якова Соломоновича Напельбаума, полтора года проработавшего при Серафимовском лазарете. После откомандирования оттуда

³⁸⁶ Акулова Т. В. Материалы к биографии Виктора Конецкого / В кн.: Конецкий В. В. Лети, корабль! – СПб: Международный фонд «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2003. – С. 24–26.

он в ноябре 1917 года участвовал в работе Третьего съезда зубных врачей Западокреста и был избран делегатом на Всероссийский съезд зубных врачей военных и общественных организаций, состоявшийся 5 декабря в Петрограде³⁸⁷.

Вскоре Напельбаум оставил службу и в Красном Кресте, но уже через год обратился в Медицинский отдел Западокреста с просьбой предоставить ему место заведующего зубоврачебным кабинетом в госпитале № 1 для военнопленных³⁸⁸. 14 декабря его вновь приняли на службу в Западокрест – в 1-й госпиталь, располагавшийся в здании бывшего Минского женского училища духовного ведомства. В 1920-х годах в этом здании разместился медицинский факультет Белорусского госуниверситета, а когда при кафедре госпитальной хирургии был организован курс одонтологии, Я. С. Напельбаум стал вести там практические занятия в качестве ассистента.

В 1930 году он издал книгу «Гігієна поласці рота і зубоў»³⁸⁹, получившую на конкурсе Народного комиссариата здравоохранения БССР третью премию. Спустя пять лет вышло ее второе дополненное издание³⁹⁰. В 1941 году Напельбаум издал руководство для врачей и студентов «Зубной кариес и его лечение пломбированием»³⁹¹. Думается, что кроме большого врачебного опыта Яков Соломонович мог похвастаться и тем, что знал Черниховского...

Весьма неординарно сложилась судьба санитаря-добровольца Федора Морозова. Покинув в марте 1915 года Минск, он через несколько месяцев отправился в составе 2-го Серафимовского лазарета на Кавказский фронт. Кстати, отправился он туда со своим товарищем по 1-му Серафимовскому

³⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 513. Л. 50.

³⁸⁸ Там же. Л. 62.

³⁸⁹ *Напельбаум Я. С.* Гігієна поласці рота і зубоў. – Мн.: Белдзяржвыд, 1930.

³⁹⁰ *Напельбаум Я. С.* Гігієна поласці рота і зубоў. 2-е вид., дап. – Мн.: Дзяржвыд Беларусі. Сацэксектар, 1935.

³⁹¹ *Напельбаум Я. С.* Зубной кариес и его лечение пломбированием. Руководство для врачей и студентов. – Минск: Гизбел. 1941. – 80 с.: ил.

лазарету – Сергеем Занфировым. Правда, тот спустя несколько месяцев был уволен и вернулся в Петроград.

Восторженный идеалист Морозов надеялся, что на Кавказском фронте сможет поработать санитаром в боевых условиях. Но обстоятельства складывались не так, как он мечтал – лазарет все время находился в тылу. Вместе с тем на Кавказском фронте Морозов активно занимался археологией. Отправляясь туда, он получил от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины поручение вести регистрацию памятников церковной старины «путем фотографирования, зарисовывания и определения состояния их сохранности»³⁹². При всякой возможности непоседа Морозов предпринимал поиски древностей. За какие-нибудь полгода он собрал коллекцию фотографий церковных древностей, насчитывающую более 800 снимков – целый фотографический музей, который мечтал продемонстрировать в Петрограде в Археологическом институте.

Оказавшись летом 1916 года с лазаретом в завоеванном русскими войсками древнем Трапезунде, Морозов принял участие в работе археологической экспедиции, возглавляемой академиком Ф. И. Успенским. Сам занимался охраной местных памятников церковной старины и организовал даже целое общество по их охране и изучению. Отмечая заслуги Морозова, Русское археологическое общество в 1917 году сделало его своим членом и полномочным представителем в Трапезунде. Отметим его труды и Управление Красного Креста, представив к серебряной медали на Станиславской ленте.

К этому времени Морозов уже фактически руководил деятельностью 2-го Серафимовского лазарета, являясь при нем уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Бурные события, происходившие после Октябрьской революции, и развал фронта заставили эвакуировать

³⁹² Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 10.

лазарет на территорию Грузии. К этому времени относится очень важный, в буквальном смысле героический, эпизод жизни Ф. М. Морозова, а именно – эвакуация им с территории, занятой турками, двух эшелонов русских раненых. В это же время он сам едва не погиб. Приблизительно во второй половине 1918 года Морозова арестовали в Тифлисе грузинские националисты-меньшевики. Обвиненный как шпион и агент русских большевиков, он был приговорен к смертной казни и заключен до времени в Метехский замок³⁹³. Расправы удалось избежать лишь благодаря вмешательству Красного Креста.

Во время разгоревшейся Гражданской войны Морозов оказался в составе Добровольческой армии: работал в Майкопе по организации и обеспечению лечебных заведений. При захвате Майкопа в 1920 году армией С. М. Буденного попал в плен и был мобилизован в состав Красной армии, получив должность заведующего хозяйством 1-го хирургического госпиталя конармии. Вскоре с Первой конной Морозов оказался в Украине. Участвовал в операциях по освобождению Киева, Новгорода-Волынского, Ровно – в частности, занимался организацией передовых санитарных отрядов и сам в них работал. Весной 1921 года он демобилизовался, однако как бывший «белый чиновник» не смог вернуться в Петроград и вынужденно остался в Киеве, где сделался научным сотрудником Всеукраинской академии наук и губернского комитета охраны памятников искусства и старины. Главным делом Морозова в Киеве стала организация на территории Киево-Печерской лавры музея культов и быта, преобразованного впоследствии в Музейный городок. Благодаря этому удалось спасти от уничтожения не только ценнейшие церковные памятники искусства и старины, но и саму лавру. В 1925 году Морозов вернулся в Ленинград, где работал научным сотрудником сначала в

³⁹³ Сапунов Борис. Он всегда кого-то или что-то спасал... // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.

Музейном фонде, затем в Русском музее, а с 1932 года – в Государственном Эрмитаже, которому отдал почти тридцать лет своей жизни.

За свою жизнь, особенно в период военных и революционных потрясений, Морозов спас от разграбления и уничтожения немало шедевров искусства. Спасал он не только памятники «чуждого» социалистическому обществу дворянского искусства, как говорили в советское время, но и памятники церковные, что могло навлечь политические обвинения. Но несмотря ни на что, Морозов старался сберечь церковную старину, которую любил. И именно это делание стало для него своеобразным служением Церкви – в годы религиозных преследований спасать гибнущее церковное историко-культурное наследие.

Скончался Федор Михайлович 3 мая 1962 года и был похоронен на Серафимовском кладбище в Ленинграде.

Ровно через полвека в 2012 году в Минске вышла книга, посвященная его жизни и трудам – «Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова»³⁹⁴.

Известна судьба еще одного студента-санитара – Вячеслава Егорова. Покинув в феврале 1915 года Серафимовский лазарет, он вернулся в Петроград и осенью того же года продолжил учебу в духовной академии. Вскоре Егоров принял монашеский постриг с именем «Гурий» и был посвящен в сан иеромонаха. В 1916–1917 годы иеромонах Гурий совмещал учебу в академии со служением в Воскресенско-Покровском женском монастыре Петроградской епархии и одновременно посещал занятия в Петроградском археологическом институте. Вместе с родным братом иеромонахом Львом (Егоровым) и иеромонахом Иннокентием (Тихоновым) занимался религиозным просвещением рабочих. Благодаря проповеднической деятельности братья

³⁹⁴ Щеглов Г. Э. Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова. – Минск: ВРАТА, 2012. – 366 с., [73] л. цв. ил.: ил.

Егоровы стали широко известны не только в Петрограде, но и за его пределами. Беседы с народом они проводили в съемной квартире на Лиговском проспекте, а летом – на старой барже на Малой Невке.

В 1917 году иеромонах Гурий окончил духовную академию со степенью кандидата богословия и вскоре поступил в братию Александро-Невской лавры. В том же году он стал студентом историко-филологического факультета Петроградского университета, который окончил в 1922 году (без сдачи экзаменов). Неся различные послушания в лавре, иеромонах Гурий являлся одним из основателей и руководителей Александро-Невского братства, занимавшегося религиозным просвещением народа. Весной 1922 года Петроградский митрополит Вениамин (Казанский) возвел его в сан архимандрита.

1 июня 1922 года архимандрит Гурий был арестован по делу православных братств по обвинению в «контрреволюционной агитации» и приговорен к 3 годам ссылки. Ссылку отбывал сначала в Коми, затем в Туркменской области. Вернувшись в 1925 году в Ленинград, архимандрит Гурий вновь стал одним из руководителей Александро-Невского братства. Служил настоятелем разных церквей, духовно руководил общиной монахинь в Старом Петергофе при церкви во имя преподобного Серафима Саровского. В 1925–1927 годы являлся заведующим Богословско-пастырского училища.

В 1927 году находился под арестом по делу о якобы контрреволюционной деятельности в Богословско-пастырском училище, но был освобожден за отсутствием улик. ОГПУ, однако, училище ликвидировало. В 1928 году архимандрит Гурий был вновь арестован по делу религиозно-философского общества «Воскресенье» и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Беломоро-Балтийском лагере – в Кеми и Медвежьегорске, работал счетоводом и кассиром.

После досрочного освобождения в 1933 году поселился в городе Бийске Западно-Сибирского (ныне Алтайского) края; в конце того же года переехал в Ташкент. Там постепенно собрал небольшую общину духовных последователей, в числе которых были будущие иерархи Иоанн (Вендланд) и Михей (Хархаров). В 1938 году архимандрит Гурий переехал в Фергану, куда переселилась и бо́льшая часть общины. Некоторое время служил в Самарканде.

В 1945 году он стал наместником Троице-Сергиевой лавры, и уже в следующем году был посвящен в епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Впоследствии занимал кафедры: Саратовскую, Черниговскую, Днепропетровскую. В мае 1959 года был возведен в сан митрополита и назначен на Минскую и Белорусскую кафедру.

Минск, куда второй раз в жизни приехал митрополит Гурий, был уже совсем не тот, каким запомнился он когда-то студенту-санитару Егорову. Изрядно разрушенный в годы Второй мировой войны и застраиваемый заново, он сильно изменился. Бывшее здание духовной семинарии оказалось перестроено, и в нем теперь располагалось суворовское военное училище.

На Минской кафедре владыка Гурий прослужил чуть больше года, однако запомнился верующим как человек глубоко духовный и необычайно стойкий в испытаниях. Митрополит сразу же показал, что не собирается потворствовать политике властей, связанной с массовым закрытием храмов, поэтому незамедлительно подвергся разного рода притеснениям.

Служил митрополит Гурий в привокзальной Казанской церкви, находившейся рядом с Домом правительства. Архимандрит Петр (Кучминский), в то время служивший при владыке, вспоминал: «Эта церковь ... для советских работников была как “бельмо в глазу” – то и дело звонили владыке представители власти и приказывали, чтобы лишних

людей во дворе не было. Также требовали от него, чтобы подписал решение о закрытии церкви... Часто изверги доводили владыку до обморока, поэтому он предупреждал матушку-монахиню, какую таблетку ему надо в рот положить и как зубы разжать ложкой. Вот так приходилось насмерть стоять, но свое согласие на закрытие церкви он не дал»³⁹⁵.

К прискорбию, в издевательствах над седовласым архиереем принимали участие и некоторые горе-священнослужители и прихожане Казанской церкви, возглавляемые иеромонахом Николаем (Смирновым). Бывало, владыку не пускали в храм, мешали совершать богослужение, грозились сорвать с него саккос, а когда он стоял на кафедре, совали в карман записку со словами: «убирайся отсюда, пока жив!»

По свидетельству архимандрита Петра (Кучминского) иеромонах Николай дошел «до гордыни великой», настраивая против митрополита Гурия своих «духовных» чад, один из них даже осмелился таскать архиерея за бороду. Но гнев Божий покарал дерзких людей. Человек, который таскал владыку за бороду, пострадал очень быстро: сначала ему на заводе в станке смяло руку, а затем его нашли недалеко от железной дороги мертвым. Иеромонаха Николая патриарх лишил сана, после чего тот уехал к своим чадам на юг, где скончался от проказы, не дожив даже до сорока лет.

Монахиня Тихвинского монастыря Евгения (Волощук) вспоминала о служении митрополита в это время: «В Минске были такие случаи, когда владыка Гурий не мог молиться и служить даже в своем Крестовом храме. Назначенные им священнослужители чинили препятствия: по их наущению бесчинные закрывали двери храма и не пускали войти в храм митрополита. Владыка долго стоял на паперти, затем тихо спускался с паперти и следовал в свой дом, окна

³⁹⁵ Цит. по: *Кривонос Федор, священник*. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. – Минск: ВРАТА, 2008. – С. 154–155.

которого выходили к храму. В доме, в келье, становясь на колени, горько плакал: "Господи, прости им, не ведают, что творят"»³⁹⁶.

Нередко по ночам к митрополиту заходили чекисты: оказывали на него морально-психологическое воздействие, не гнушаясь и рукоприкладством. Однако «уговорить» иерарха дать согласие на закрытие Казанского храма власти так и не смогли. А в сентябре 1960 года его перевели на Ленинградскую кафедру³⁹⁷.

Здесь тоже пришлось отстаивать права Церкви. В 1961 году митрополит под сильнейшим административным давлением вынужден был покинуть Ленинград и, согласно личному прошению, перевелся на Симферопольскую кафедру. Последние дни жизни он провел в съемном домике на восточном берегу Крыма.

Скончался митрополит Гурий 12 июля 1965 года. Похоронили его в Симферополе на Всехсвятском кладбище рядом с могилой святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

Вот так в годы Великой войны в небольшом лечебном заведении, носящем имя преподобного Серафима, пересеклись судьбы замечательных людей... совершенно разных... по-своему интересных... простых и знаменитых... известных и неизвестных...

Надеюсь, история Серафимовского лазарета станет хоть небольшим фрагментом, пусть даже малым камешком в огромной мозаике человеческих судеб, восстанавливаемой картины «забытой войны», ...а вместе с тем патриотического служения Церкви.

³⁹⁶ *Наконечная Анастасия*. Пение ангелов // Кифа. – 2012. – № 7 (145), июнь.

³⁹⁷ *Кривонос Федор, священник*. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. – Минск: ВРАТА, 2008. – С. 155–156.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

1. Архив Государственного Русского музея. Ф. 831. Оп. 10. Д. 313.
2. Государственный архив Российской федерации. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 8.
3. Государственный архив Российской федерации. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 19.
4. Государственный архив Российской федерации. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 139.
5. Государственный архив Российской федерации. Ф. Р-4094. Оп. 2. Д. 513.
6. Институт истории материальной культуры РАН (СПб). Ед. хр. 0288-15.
7. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829.
8. Личный архив Зои Леонтьевны Копельман (Иерусалим).
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1035 (Коган Л. Р.). Оп. 1. Д. 48.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 429.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12676. Оп. 4. Д. 721. Ч. 1.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 15311. Оп. 1. Д. 14.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637.

18. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 638.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70.
21. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Ед. хр. В-4827; Г-6090; Г-6991; Г-6992; Г-6993; Г-6994; Г-6995; Г-6996; Г-6997; Г-6998; Г-15076; Д-484; Д-2026; Д-7014; Д-7229; Д-12125; Д-19464; Е-1417; Е-1418; Е-1419; Е-1420; Е-11561;
22. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 4. Д. 76.

Литература

23. *Акулова Т. В.* Материалы к биографии Виктора Конецкого / В кн.: Конецкий В. В. Лети, корабль! – СПб: Международный фонд «300 лет Кронштадту – возрождение святынь», 2003. – С. 7-180.
24. Алексей Иванов – богатырь оперной сцены / Сост. Г. Горбенко, З. Шляхова. – М.: Голос-Пресс, 2004. – 352 с.: ил.
25. Антология ивритской литературы 19–20 веков в русских переводах / Х. Бар-Йосеф, З. Копельман. – М.: РГГУ, 1999.
26. *Бондаренко В. В.* Утерянные победы Российской империи. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.: 16 л. вкл.
27. *Бохан Д. Д.* Около войны (Горсть впечатлений очевидца) // Минская газета-копейка. – 1914. – № 774. – С. 2–3.
28. В духовной семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 3–4. – С. 103.
29. В духовно-учебных заведениях // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 6. – С. 195.
30. В. З. Пострижение в монашество // Церковный вестник. – 1912. – № 11. – С. 342–343.
31. Возвращение иеромонаха Николая Муравьева // Минская газета. – 1916. – № 1498. – С. 3.
32. *Георгий [Ярошевский], епископ.* Поучение новопостриженному иноку Николаю (в мире врачу Владимиру

- Михайловичу Муравьеву, студенту 1 курса СПб. дух. академии) // Церковный Вестник. - 1912. - № 11. - С. 330-331.
33. *Грилев*. В бараке (На питательном пункте) // Минская газета-копейка. - 1914. - № 777. - С. 3.
34. *Грилев*. Впечатления и встречи // Минская газета-копейка. - 1914. - № 729. - С. 3.
35. *Грилев*. На питательном пункте // Минская газета-копейка. - 1914. - № 774. - С. 3.
36. День флажков в Минске // Минская газета-копейка. - 1914. - № 747. - С. 3.
37. *Деревянко Илья*. Военный аппарат России в период войны с Японией (1904-1905 гг.) [Электронный ресурс]. - http://modernlib.ru/books/derevyanko_ilya/voenniy_apparat_rossii_v_period_voyni_s_yaponiey_1904_1905_gg/read/ - Дата доступа 28.03.2013.
38. *Добронравов О. С., Полякова О. Б.* Забытое имя. К биографии епископа Муромского Николая (В. М. Муравьева-Уральского) // Уваровские чтения - III. - Изд. Муромский историко-художественный музей, 2001. - С. 197-199.
39. Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. - Берлин, 1928. - Т. XIX. - С. 245-284.
40. Долой «Берлин» // Минская газета-копейка. - 1914. - № 716. - С. 4.
41. Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. - 1914. - № 32-33. - С. 978-979.
42. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. - М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. - 621 с.
43. Журналы заседания Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1912-1913 учебный год // Христианское чтение. - 1913.
44. Журналы заседания Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1913-1914 учебный год // Христианское чтение. - 1914.
45. Журналы заседаний Совета императорской С.-Петербургской Духовной Академии за 1914-1915 год // Христианское чтение. - 1916.
46. *Зараник М.* Минская епархия в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Дипломная работа. - Жировичи, 2008.

47. Иерусалим с Меиром Шалевом [Электронный ресурс]. – <http://guide.travel.ru/israel/121114.html>. – Дата доступа: 22.02.2013.
48. Из писем епископа Николая (Муравьева-Уральского) к епископу Афанасию (Сахарову) / Публ. О. Косик // Богословский сборник. Вып. 4. – Москва, 1999. – С. 253–268.
49. *Клаузер И. Л.* Саул Черниховский – поэт возрождения. – Одесса: Изд. «Кинерет», 1912. – 32 с.
50. Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Российской Империи // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17. – С. 359–360.
51. Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, Еврейский университет в Иерусалиме, 1994.
52. *Кривонос Федор, священник.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии. – Минск: ВРАТА, 2008. – 255 с.
53. *Кривонос Федор, священник.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). – Мн.: МФЦП. – 2007. – 240 с.: ил.
54. *Либерман Я. Л.* Саул Черниховский [Электронный ресурс]. – <http://www.rjews.net/sifrut/cher-vv.htm>. – Дата доступа 29.10.2009.
55. Местная жизнь // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 367–368.
56. *Митрофанов Георгий, священник.* История Русской Православной Церкви 1900–1927. – СПб. 2002.
57. Награждение врача-иеромонаха о. Николая // Минская газета. – 1916. – № 1348. – С. 3.
58. *Наконечная Анастасия.* Пение ангелов // Кифа. – 2012. – № 7 (145), июнь.
59. *Напельбаум Я. С.* Зубной кариес и его лечение пломбированием. Руководство для врачей и студентов. – Минск: Гизбел. 1941. – 80 с.: ил.
60. *Напельбаўм Я. С.* Гігіена поласці рота і зубоў. – Мн.: Белдзяржвыд, 1930.
61. *Напельбаўм Я. С.* Гігіена поласці рота і зубоў. 2-е выд., дап. – Мн.: Дзяржвыд Беларусі. Сацэксектар, 1935.
62. Напутствие и проводы этапного лазарета духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного

- Серафима Саровского Чудотворца // Церковный Вестник. – 1914. – № 33. – С. 1126–1127.
63. Начало занятий в Минской духовной семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 391.
 64. Наши дети и война // Минские епархиальные ведомости. – 1915. – № 4. – С. 102–103.
 65. Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [Электронный ресурс]. – <http://kuz3.pstbi.ru>
 66. Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. – Пг.: Синод. тип., 1917. – 109, 145 с.
 67. О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 1. – С. 23–24; № 2. – С. 65–67; № 3. – С. 96–101; № 5. – С. 155–157; № 10. – С. 289–290; № 28. – С. 698–700; № 30. – С. 753–754; № 39. – С. 961–963; № 47. – С. 1136–1137.
 68. Оз Амос. Повесть о любви и тьме. Пер. с иврита. – СПб.: Амфора, 2007. – 784 с.
 69. Определения Святейшего Синода // Церковные Ведомости. – 1914. – № 34. – С. 402.
 70. Освящение в г. Минске лазарета духовно-учебных заведений Российской империи во имя преп. Серафима Саровского // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 42. – С. 1785–1786.
 71. Освящение госпиталя Красного Креста в женском духовном училище // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17. – С. 358.
 72. Освящение лазарета в покоях Преосвященнейшего Митрофана // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 9. – С. 403–404.
 73. Освящение лазарета имени Св. Серафима Саровского // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 404–405.
 74. Освящение лазарета Либаво-Роменской железнодорожной дороги // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 388.
 75. Открытие и освящение лазарета Минской общины Красного Креста // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – С. 313–315.

76. Отчет по Комитету лазарета духовенства Минской епархии за октябрь месяц сего 1914 года // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23. – С. 379–383.
77. Отъезд турок // Минская газета-копейка. – 1914. – № 715. – С. 4.
78. Памятная Книжка Минской губернии на 1915 г. – Минск: Губернская тип., 1914. – 232, 185, III с.
79. Пастырские Собрания духовенства г. Минска // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7–8. – С. 113–123.
80. Пленные австрийцы // Минская газета-копейка. – 1914. – № 713. – С. 4.
81. Пленные австрийцы-евреи в Минске // Минская газета-копейка. – 1914. – № 730. – С. 3.
82. Плышевские – православные священно- и церковнослужители Беларуси XVIII–XX веков. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2008. – 584 с.
83. Праздник свободы в Минске // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 6. – С. 110.
84. Привоз пленных в Минск // Минская газета-копейка. – 1914. – № 709. – С. 4.
85. Проводы санитарного отряда духовно-учебных заведений на театр военных действий // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 390–391.
86. Речь Его Преосвященства, Преосвященнейшего Митрофана, при освящении лазарета имени св. Серафима Саровского в здании Минской Духовной Семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 395.
87. Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: «Лига Плюс», 1997.
88. Рункевич С. Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – (2), 358 с.
89. Саул Черниховский [Электронный ресурс]. – <http://vcisch1.narod.ru/TCHERNI/Tcherni.htm>. – Дата доступа 29.10.2009.
90. Саул (Шаул) Черниховский [Электронный ресурс]. – <http://www.migdal.ru/odessa/2415/>. – Дата доступа 29.10.2009.
91. С. 3[арин]. Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1645–1651.

92. Собрание духовенства и мирян г. Минска // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7-8. – С. 123-127.
93. Сопровождение раненых // Минская газета-копейка. – 1914. – № 725. – С. 3.
94. Состав этапного лазарета духовно-учебных заведений и отбытие его к месту деятельности // Церковный Вестник. – 1914. – № 38. – С. 1139.
95. Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям. Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений // Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1915. – № 4. – С. 108-110.
96. Учреждения Духовного Ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям: Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений под Августейшим покровительством великой княжны Татианы Николаевны // Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1915. – № 7. – С. 221-223; № 21. – С. 655-656.
97. *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. – 623 с.
98. *Фоминский И. Н.* Краткий очерк деятельности Минского Тылового и Эвакуационного Пункта с момента его возникновения // Минские Врачебные Известия. – 1915. – № 1-2. – С. 8-9.
99. *Харьюзов Н., протоирей.* Преосвященный Николай (некролог) // Журнал Московской Патриархии. – 1961. – № 5. – С. 41.
100. *Ходасевич Владислав.* Из еврейских поэтов / Составление, вступительная статья и комментарии З. Копельман. – М., 1998. – 407 с.
101. Хроника церковной жизни // Журнал Московской Патриархии. – 1933. – № 5. – С. 5.
102. Церковный Вестник. – 1914. – № 32-33. – С. 974-975.
103. *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – 510 с.
104. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 томах. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954.
105. *Шалев М.* Фонтанелла: Роман / Меир Шалев; Перев. с иврита Р. Нудельмана, А. Фурман. – М.: Текст, 2009. – 797 [3] с.

106. *Шварц Ш.* Поэзия Саула Черниховского. – Одесса: «Молодая Иудея», 1912. – 36 с.
107. *Шкаровский Михаил.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в 1918–1922 гг. Часть II [Электронный ресурс]. – <http://www.bogoslov.ru/text/3041971.html>. – Дата доступа: 17.02.2013.
108. *Щеглов Г. Э.* Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова. – Минск: ВРАТА, 2012. – 366 с., [73] л. цв. ил.: ил.
109. *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. – СПб., 1996. – Кн. 7.
110. *צורף אפרים [Цореф Эфраим].* ייה יקסבונירשט לועש [Жизнь Саула Черниховского]. – תל-אביב: לאערזי [Тель-Авив: Израэль], 1964. – 105 с.
111. *קלאוזנער יוסעף [Клаузнер Йосеф].* [-Саул Черниховский: человек и поэт]. – מירפס-תאצוהל תירבעה [Иерусалим: Еврейский фонд имени сэра Монтегю Бертона совместно с группой издательства Еврейского университета], 1947. – 382 с.
112. *טשרניחובסקי שאול [Черниховский Саул].* שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – 224 с.
113. *טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниховский Саул].* יבתכ שאול [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. 6 כרך: מירופס [Т. 6: Рассказы]. – סופד «מר» [Вильно: Изд. «Рам»], 1932. – 320 с.
114. *טשרניחובסקי: הרשעב מיכרכ [Черниховский Саул].* יבתכ שאול [Сочинения Саула Черниховского: в десяти томах]. 7 כרך: מירופס [Т. 7: Рассказы]. – תל-אביב: סופד «ריעצה לעופה» [Тель-Авив: Изд. «Молодой рабочий»], 1932. – 225 с.

Оглавление

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
ОТ АВТОРА.....	9
Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений	13
Отец Николай	23
Черниховский	30
Капитан Васильев	43
Морозов.....	45
В стенах семинарии	49
Лазаретные будни	61
Комиссия	73
В архиерейском лазарете.....	78
Минский тыловой эвакуационный пункт	85
Стороны лазаретной жизни	91
Во второй раз	115
В заботах о духовном	127
Особые торжества.....	133
Случай с Поплавским.....	138
Визиты	148
Inter arma silent Musae.....	156
Эвакуация	160
Военные тайны... ..	168
Возвращение.....	176
Дело о нагрудном знаке	181
Мелодии войны	183
Снова работа	187
В отпуске	197
Перемены	214
В Гжатск... ..	233
Судьбы	240
БИБЛИОГРАФИЯ	263

Духовно-просветительное издание

Щеглов Гордей Эдуардович

**ПЕРВЫЙ СЕРАФИМОВСКИЙ:
история одного лазарета
в событиях и лицах
(1914–1918)**

Редактор	<i>священник Гордей Щеглов</i>
Компьютерная верстка и дизайн	<i>Е. В. Шабад</i>
Корректор	<i>Е. А. Шлыкович</i>

Подписано в печать *xx.xx.xxxx*. Формат *xxxxxx/xx*
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. *xx,x*. Уч.-изд. л. *xx,x+x,x* вкл. Тираж 400 экз. Заказ № *xxxx*.

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви.
ЛВ № 02330/0494311 от 04.03.2009.
220020, Беларусь, Минск, пр. Победителей, 82; т. [8-017] 250-14-18.

Толпы ликующих манифестантов на Дворцовой площади перед Зимним дворцом в ожидании чтения царского манифеста. Фотография ателье Буллы, 20 июля 1914 г. (ЦГАКФД СПб. Д-484)

Митрополит Владимир (Богоявленский)

Архиепископ Сергей (Страгородский)

Отряд Серафимовского лазарета и члены комитета Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи в день отъезда лазарета в Минск. Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1417)

Отряд Серафимовского лазарета перед отправкой в Минск. Второй слева во втором ряду – Федор Морозов. Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1418)

Отряд Серафимовского лазарета перед отправкой в Минск. Второй слева во втором ряду – Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1418)

Старший врач 1-го Серафимовского лазарета иеромонах Николай (Муравьев) и санитар-доброволец Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1419)

Минск. Фотография начала XX в.

Минск. Александровский сквер.
Фото А. Н. Павловича, 1900-е гг.

Здание Минской духовной семинарии.
 Фото А. Н. Павловича, 1900-е гг. (ИИМК РАН. 0288-15)

Здание Минского архиерейского дома с домовою Крестовоздвиженскою церковью.
 Фото А. Н. Павловича, 1900-е гг. (ИИМК РАН. 0288-19)

Минск. Персонал и раненые в одной из палат 1-го Серафимовского лазарета.
Фото 1914–1915 гг. (ЦГАКФД СПб. Г-6992)

Минск. Перевязочная Серафимовского лазарета. Слева Ф. М. Морозов.
Фото 1914–1915 гг. (ЦГАКФД СПб. Г-6997)

Минск. Перевязочная Серафимовского лазарета. Справа Ф. М. Морозов.
Фото 1914–1915 гг. (ЦГАКФД СПб. Г-6998)

Всесоюзного
Народного

В Комитет Красной Кресты Сухомского
Уездного Заседания

Всесоюзный Ц. Ком. Крас. Кр. Сухомского
Уездного Заседания
Уездного Заседания
Уездного Заседания
Уездного Заседания

Р 802 от 16 9 636

Всего

№ 15 / 1906
СР.

сударя Саака (Шамма) Тимона
побитая Чернышевского

Заявление.

Учтиво и с покорнейшим прошением Коми-
тетом записаны ниже Врачебно-санитарного
Вашего гостеприимства.

Три сестры, имело привокутом: медицину
и хирургии в. Гейдербурга и Лодано, там же
1906 году и по окончании курса доктором медицины
Государственным экзаменом с суммой при универ-
ситете Св. Владимира.

Сестры студентки, работавшие в качестве
ахтерки в Клинической прозеессорской Арда (интер-
на и перинатальном) и Сестры и Нефер-
сена (хирургия).

Сестры с 1905 года по июль 1909 года
и состояли на службе Харьковской губернской
земства.

Сестры с 1909 года и работавшие при Кли-
нической Институте С. У. В. Вильхи Княгини
Олены Павловны в качестве ассистента-ахтерки
при профессора Утале (французский метод лечения)
занимались в то же время частной практикой
и приемом больных в некоторых лечебницах.

Ср. С. Чернышевский

Весь Союзный не имеет права

Ср. С. Чернышевский

Петроград,
21 августа 1914 года.

Октября 31 1915 г.

№ 7299

Зво. 258

ЛАЗАРЕТЬ
ВО ИМЯ

Преподобного Серафима

САРОВСК. ЧУД.

Комитета Краснаго Креста

Духовно-Учебныхъ Заведеній
Имперіи.

СОСТОЯЩІЙ

ПОДЪ АВГУСТЪЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

Ея Императорскаго Высочества

ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ

ТАТІАНЫ НИКОЛАЕВНЫ

31 октября 1915 г.

С. Бердино
(Моск. губ.)

Въ Комитетъ Краснаго
Креста Духовно-Учеб. Заведеній
Имперіи

Младшана Краса Серафимовскаго лазарета, доктора
С. Черниловскаго.

Въ напоминаніи подающему
мнѣ 20-го октября прошлаго
о Высочайшии мнѣ ласкою Данномъ
мнѣ присвоиваніи. Данномъ
мнѣ привилегіи неустойки заведѣн
находящиму ~~Серафимов~~ Серафимов
скаго лазарета, гвардей казначей
С. П. Васильеву, если въ Бердинѣ въ
Комитетѣ до 4-го ноября с.г., въ
противномъ случаѣ проинимавшю
именитъ мнѣ Данномъ по адресу ла
зарета въ С. Бердино (Моск. губ.) на
мнѣ мнѣ и заказавшю путемъ
Ср. С. Черниловскаго

Мн

Предсѣдатель Учебнаго Комитета
при Святѣйшемъ Синодѣ.

142

Форма VIII.

2
3
4 **Служебно-освѣдомительная карточка.**

5 **Отъ (часть войска, лечебн. завед., учрежд.)**

6 **назв.** *Сибир. Тартанъ Николаевна*

7 На убитого, пропавшаго безъ вѣсти, поступившаго
8 въ леч. завед. (непосредственно изъ войскъ и по пе-
9 реводу изъ лечебн. завед.), выздоровѣвшаго, умершаго,
уволеннаго въ неспособные, эвакуированнаго, остав-
шагося въ строю раненаго.

0 **Фамилія** *Н-а-р-е-в-а*

1 **Имя и отчество** *Иванъ Васильевичъ*

2 **Чинъ, званіе** *млад. унтеръ офицеръ*

3 **Часть войска** *11 Псковскій пехотн.*

4 **Мѣстожит. семьи.** { **Губернія** *Мукомельск.*

5 { **Уѣздъ** *Мукомельскій*

6 { **Волость** *с. Есентюк*

7 **Убитъ (время и мѣсто боя)**

8 **Проп. безъ вѣсти (тоже)**

9 **Раненъ (тоже)** *✓*

0 **Раненіе, контузія:** тяжелое, легкое; огнестрѣльн. (руж.
пулей, шрапн., осколк. снаряда); холодн. оруж.
(штыкомъ, шашкой, ...); проникающее (черепъ,
грудь, животъ, суставъ); съ поврежд. костей, безъ
поврежд. костей; черепа, лица, шеи, груди, живота,
спины, конечн.: верхней, нижней.

1 **Болѣзнь** *ран. шрап. въ прав. плечу*

2 **Время поступл. въ леч. завед. больнаго или раненаго**

3 *11 окт. 1915 г.*

4 **Время выздоровленія** *12 нбр. 1915 г.*

5 **Время смерти**

6 **Уволенъ въ неспособн. " " ст. " " пунк. роспис. бол.**

7 **Эвакуированъ (когда и куда)**

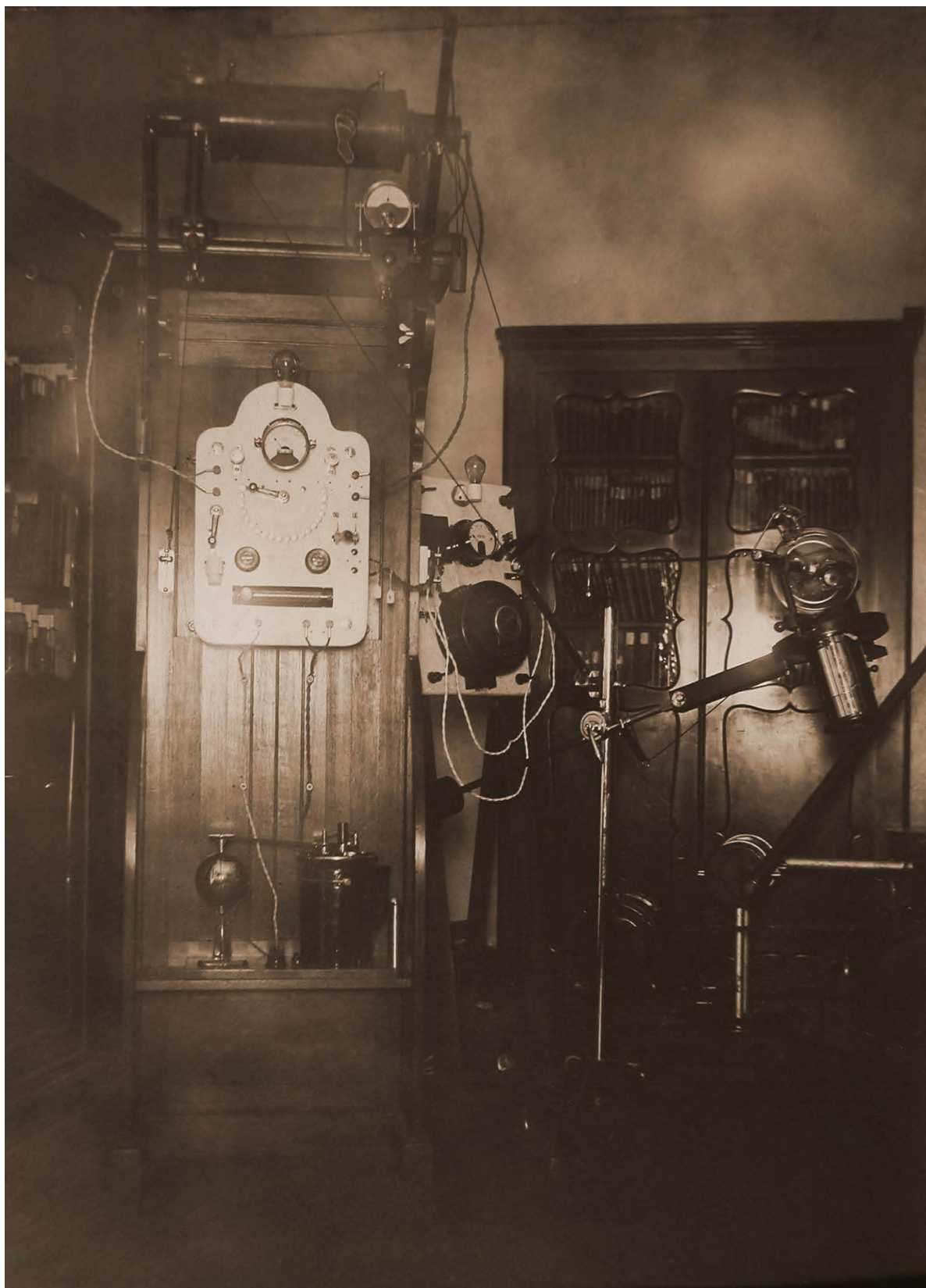
8 **Врачъ** *Григорій Курбановъ*

9 **Р. С. Присылается при семидневныхъ вѣдомостяхъ.**

Сверхъ того:

А К Т Ъ

Июля, 25-го дня 1916 года въ присутствіи Завѣдывающаго рентгено-
вскими кабинетами Краснаго Креста на Западномъ фронтѣ профессора Ни-
колая Антоновича Линниченко, и ординатора госпиталя докторъ Всев. В
Верещагина былъ подвергнутъ испытанію рентгеновскій инструментарій,
доставленный Петроградской фирмой Шаплыгинъ Серафимовскому Лазарету
Краснаго Креста Духовныхъ Учебныхъ Заведеній.

Испытаніе дало слѣдующіе результаты:

При первичномъ токѣ въ 10 амп. и трубкѣ жесткостью 9 Вен. втори-
чный токъ получался силою 2 милли-ампера; при трубкѣ же въ 6-7 Вен.
и той же первичной нагрузкѣ, вторичная нагрузка достигла 5 м. а.

Аппаратъ признанъ работоспособнымъ и можетъ быть принять.

Подписалъ Завѣдывающій рентгеновскими кабинетами Кр. Креста на За-
падномъ фронтѣ профессоръ И. А. ЛИННИЧЕНКО и ординаторъ госпиталя
докторъ ВЕРЕЩАГИНЪ.

Минскъ, Іюля 25-го дня 1916 года.

Съ Подлиннымъ вѣрно:

Дѣлопроизводитель

Р. Бессоновъ

1867 г.

ПАПЛИГИНЪ

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ МАСТЕРЪ
АТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи.

БРИГАДА ХИРУРГИЧЕСКИХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ,
ТОПЕДИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ
и БОЛЬНИЧНОЙ МЕБЕЛИ.

Москва 1872 года
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Петроградъ 1889 года
ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ.

Петроградъ 1894 года
ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ,
ПЫШАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Петроградъ 1910 года
ВЫШАЯ СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ.

Петроградъ 1913 года
ВЫШАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Въ отвѣтахъ просимъ

отвѣтъ на дѣло №.....

Петроградъ, 17 Августя
Литейный пр., 55. Тел. № 442-45.
Адресъ для телегр.: Хирургомед Петроградъ

ст. 185 от 26 сент
1915.

Ввод. № 985

92

Въ Комитетъ Краснаго Креста
Духовно-Учебныхъ заведеній Россійской
ИМПЕРІИ.

З Д Ъ С Ъ.

Святѣйш. Прав. Син

Препровождая при семъ нашъ счетъ отъ 15
марта с/г. за № 3168 съ подписью Старшаго
врача Лазарета имени преподобнаго Серафима
Саровскаго Чудотворца о принятіи имъ рент-
геновскаго аппарата, а также копію акта ко-
миссіи относительно того-же аппарата, имѣемъ
честь покорнѣйше просить не отказать въ воз-
можно скорой оплатѣ вышеупомянутаго счета за
что мы будемъ чрезвычайно признательны.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

И. М. Иванов

о ж е н і я:

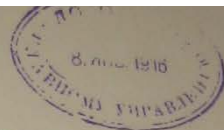
я акта

Справк. 1 Туркменъ Комитетъ
Кр. Кр., от 12 мая 1915,
разрѣшеніи аппарата рентгено-
вскаго аппарата и въ томъ же
случае 2 сент

г. Комитетъ
2. Отказъ

1. Комитетъ Медицинск. Серія 1915
переслать изв. осл. 12 сент, Введенію Введенію

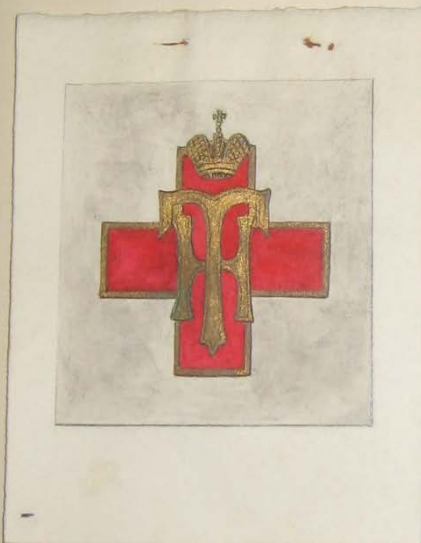
П О Л О Ж Е Н І Е

о нагрудномъ знакѣ для лицъ персонала и служительской команды Сочетства Великой Княжны ТАТІАНЫ НИКОЛАЕВНЫ Серафимовскаго лазарета Комитета Краснаго Креста Духовно-Учебныхъ заведений Россійской Имперіи.

§ 1. Знакъ учреждается въ ознаменованіе трудовъ понесенныхъ лицами персонала при исполненіи ими служебныхъ обязанностей во время военныхъ дѣйствій въ учрежденіи, состоящемъ подъ Высокимъ Покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢСОЧЕСТВА.

§ 2. Знакъ имѣетъ форму прямоугольнаго, равноконечнаго и равносторонняго креста 4-хъ сантиметровъ длиною; покрытаго красной прозрачною эмалью, окруженной по краямъ узкой золотой полоской / 1 миллиметръ /; на крестъ наложено золотое, рельефное, вензелевое изображеніе АВГУСТѢЙШАГО Имени ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢСОЧЕСТВА Великой Княжны ТАТІАНЫ НИКОЛАЕВНЫ - Покровительницы лазарета, закрывающее нижнюю треть верхняго конца креста и двѣ трети нижняго; накладная, золотая, рельефная Великокняжеская корона нѣсколько уже ширины креста и нижней своей половиной закрываетъ верхнюю треть послѣдняго.

§ 3. Никакихъ правъ и преимуществъ знакъ не даетъ.

§ 4. Знакъ носится на лѣвой сторонѣ груди.

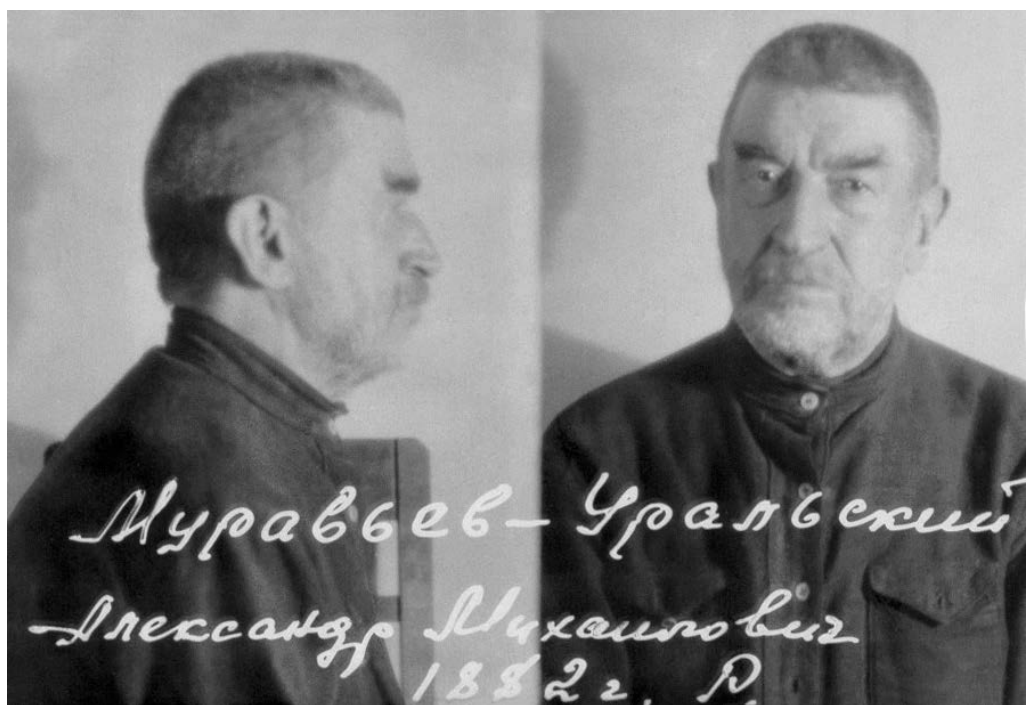
§ 5. Знакъ присваивается лицамъ персонала, / врачамъ, заведывающему хозяйствомъ, дѣлопроизводителю и сестрамъ /, состоящимъ на службѣ въ лазаретѣ къ 12 января 1916 г.

§ 6. Лица поступившія въ лазаретъ послѣ 12 января 1916 года

Вольноопределяющийся фельдшер Федор Михайлович Морозов.
Фотография ателье Буллы, 1916 г. (ЦГАКФД СПб. Г-11090)

שאול
טשרניחובסקי

לט מנחם מנדל
טו השו"ת השו"ת

Ф. М. Морозов в рабочем кабинете в Эрмитаже. Фото 1956 г.
(Фотоархив Отдела истории русской культуры Гос. Эрмитажа. Фотографию копировали К. В. Синявский, С. В. Суетова)

Могила Федора Михайловича Морозова на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге.
Фото Анатолия Зварича, январь 2012 г.

